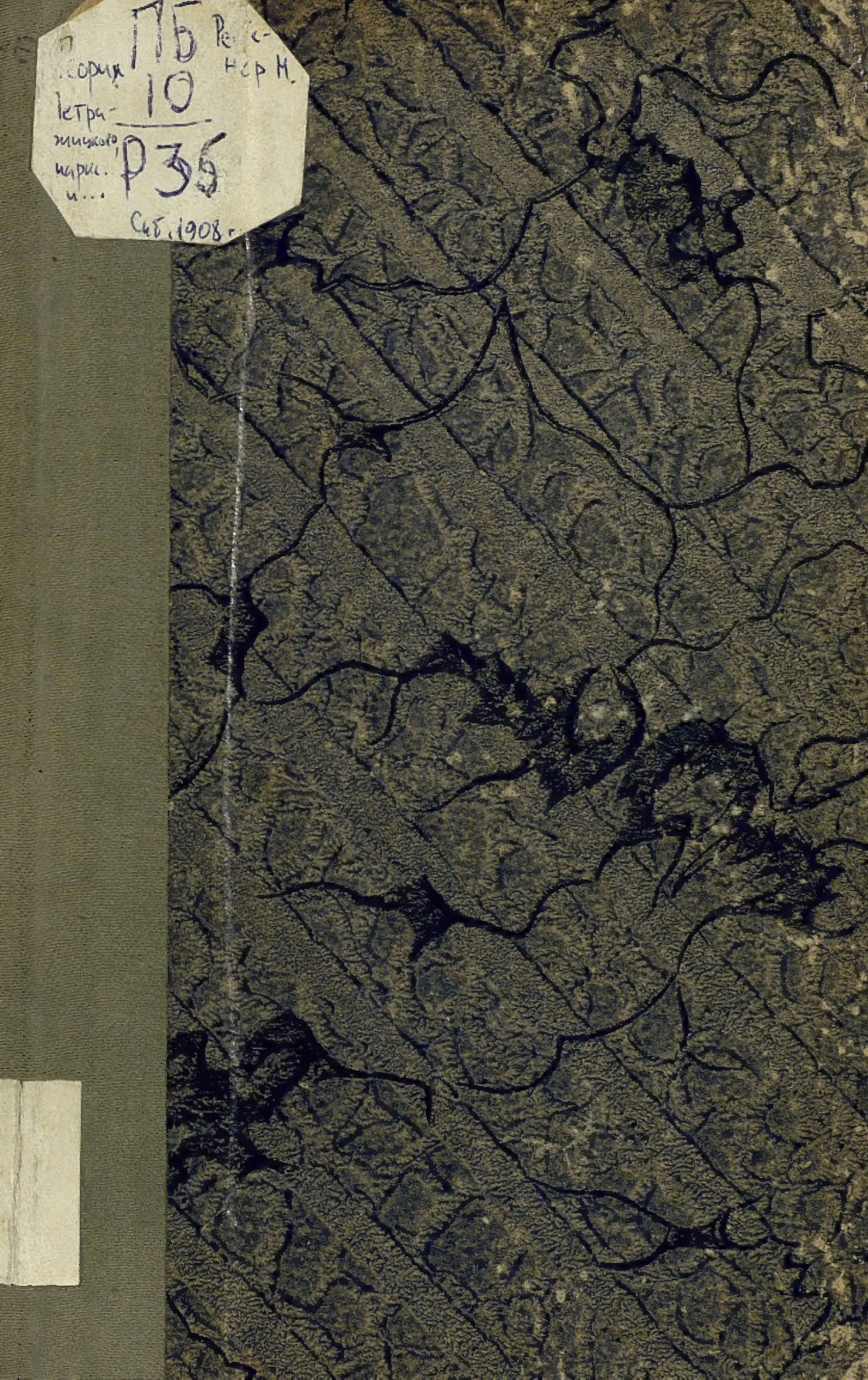

ПБ
10
Р35
Спб. 1908.

М. А. Рейснеръ.

Теорія Л. І. Петражицкаго, Марксизмъ и Соціальная Идеологія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1908.

Современная юриспруденція и ученіе Л. І. Петражицкаго.

„Корни юридико-фантастической растительности заблужденій покоются на представленіи о сверхчеловѣческомъ правовомъ велѣніи, вытекающемъ въ религіозномъ отношеніи изъ художественной, а спекулятивно изъ мыслящей фантазіи. Познаніе этого воображенія совершается при помощи выясненія его психологическихъ тенденцій, которыя происходятъ изъ непониманія земного происхожденія и цѣлей права, а въ силу этого и подлежатъ устраненію при помощи доказательства. Такимъ образомъ сверхчеловѣческое правовое велѣніе, ушедшее изъ-подъ человѣческой опеки, не только опровергается и уничтожается, но вмѣстѣ съ тѣмъ влечетъ за собою радикальное истребленіе всего дальнѣйшаго ростовщичества за счетъ основной фантазмы. Такъ какъ дѣйствительное происхожденіе права психологически необходимо ведетъ къ фантастическому его обоснованію и образуетъ все его существо, то и философія права даетъ исчерпывающее познаніе сущности права тѣмъ путемъ, что она возвращаетъ правовыя фантазмы къ дѣйствительности, указывая ихъ генетическое происхожденіе. Она не учитъ тому, что предписывается при помощи права, но тому, какимъ образомъ право представляется повелѣвающимъ по своей природѣ и такимъ образомъ ничего не имѣетъ общаго съ правомъ природы, но только съ природою права“.

Ludwig Knapp, System der Rechtsphilosophie. 1857 г.

I.

Право и сила.

Въ современной юриспруденціи посторонняго наблюдателя невольно поражаетъ ея пристрастіе къ наиболѣе общимъ и широкимъ темамъ и, въ особенности, ея стремленіе найти какія-то новыя опредѣленія самой сущности своего предмета. И, если въ современной соціологіи

страстно и лихорадочно разыскивается исчерпывающее опредѣленіе общества, то аналогичное стремленіе въ такой же мѣрѣ мы наблюдаемъ у юристовъ и государственниковъ. Первые посреди живой практической работы вдругъ остановились надъ вопросомъ, что такое право, государствовѣды, хоть и съ меньшей торопливостью, возвращаются къ вопросу о самой сущности и основахъ государства.

Эти явленія безспорно симптоматическаго характера и живо напоминаютъ намъ тотъ переломъ, который въ XVI—XVIII вѣкахъ пережила правовая мысль Европы подъ вліяніемъ перестройки всѣхъ отношеній, сопряженной съ началомъ «новой эпохи». Какъ теперь, на грани, отдѣляющей насъ отъ неизвѣстнаго будущаго, такъ и тогда лучшія головы Европы обратились къ изслѣдованію «сущностей» и «первыхъ началъ». Какъ теперь, такъ и въ то время искали какое-то новое право и несхожее съ прежнимъ государство; подъ видомъ философскаго углубленія въ тайны животворящей и созидающей природы отыскивались понятія, готовыя покрыть собою новый міръ, возникающій изъ нѣдръ стараго порядка.

И надо признать, что великіе творцы естественнаго права, права разума и природы, блестяще выполнили свою задачу: найденныя ими понятія и идеи оказались въ высшей степени пригодными для того, чтобы стать духовнымъ оружіемъ въ рукахъ всѣхъ борющихся началъ. Они оправдали революцію изъ прирожденныхъ неотчуждаемыхъ правъ человѣка и гражданина, но въ той же мѣрѣ послужили щитомъ и мечомъ и для новаго всепоглощающаго «сувереннаго» абсолютизма. Они провозгласили начало свободы совѣсти, но въ той же степени содѣйствовали построенію такъ называемой «духовной полиціи» и основаннаго на ней цезарепапизма. Они, съ одной стороны, въ высшей степени энергично вносили въ гражданскіе кодексы гуманной эпохи начало помощи

обездоленнымъ, но, съ другой, еще болѣе сильно способствовали водворенію и распространенію нормъ стараго римскаго права съ его ярко «эгоистическимъ» принципомъ свободной, самодержавной частной собственности. И, если далѣе естественному праву принадлежитъ заслуга смягченія безчеловѣчныхъ наказаній прежняго уголовнаго права, то ему же обязана своимъ происхожденіемъ и та пресловутая государственная нравственность, свѣтская религія божественнаго Левіаѳана, которая построила новыя тюрьмы и создала новыя казни для обновленнаго разумомъ человѣка.

Одна идея объединяетъ, однако, всѣ эти стремленія естественнаго права. Выступая подъ видомъ вѣчнаго закона человѣчества и становясь въ рѣзкую противоположность разрозненной пестротѣ феодальныхъ положительныхъ правъ—одинаково божескихъ и человѣческихъ,—право природы какъ бы инстинктивно все время бьется вокругъ одного идеала, стремится къ одной высшей и окончательной цѣли: оно жаждетъ государства, оно призываетъ «верховнаго законодателя», оно стремится стать государственнымъ, а всѣхъ гражданъ силою природы подчинить центральной всеобъемлющей власти. Государство это солнце естественнаго права...

Только затѣмъ люди рождаются на свѣтъ, чтобы стать гражданами, только для того даны имъ природой-матерью свобода и равенство, чтобы передать ихъ цѣликомъ или въ части великому цѣлому политическаго единства, чтобы создать при помощи договора сіяющій центръ государственнаго всевластія. И къ этому центру направлены всѣ ихъ стремленія и запросы. Природа предписываетъ государству цѣль его дѣятельности; она путемъ подчиненія естественнаго человѣка законодателю создаетъ власть, она организуетъ ее и диктуетъ священныя хартіи и основные договоры, она во имя свободы проводитъ рѣзкую грань между властями и уравновѣшиваетъ ихъ въ удивительной

машинѣ, гдѣ маятникомъ становится «гармоническая справедливость». Государство, освященное «натурой», незыблемое, какъ естество, могучее, какъ стихія, и основанное на вѣковѣчномъ законѣ естественной необходимости— таково основное твореніе одухотворенной природы, вышедшее изъ лабораторіи сознательнаго человѣческаго творчества.

И мы видимъ удивительное зрѣлище: государство, воплотившее въ себѣ «природу», получаетъ независимое отъ нея бытіе; словно оторвавшаяся отъ первоначальной общей массы планета, оно стремится начертать свою собственную орбиту. Природа огосударствленная объявляетъ войну природѣ, оставшейся позади; одно государство претендуетъ на ореолъ истинной природы, на значеніе нормальнаго и непререкаемаго образца, оно одно есть истинный, непреложный и здоровый организмъ натуральной жизни и все, что внѣ его, объявляется больнымъ, извращеннымъ и уродливымъ; одно оно воспріяло у непосредственнаго источника чистыя струи человѣческой жизни и даетъ имъ просторъ, полноту и защиту. Только въ государствѣ, въ виду этого, можетъ быть возращено безоблачное человѣческое счастье, только въ его нѣдрахъ возрождается идиллія золотого вѣка, воскресаетъ потерянный и снова возвращенный рай.

И, какъ надо было ожидать, природа государственная объявила войну природѣ, оставшейся внѣ его. Чтобы не быть низвергнутымъ рукою Зевса, Кроносъ сталъ пожирать своихъ дѣтей. Естественное право сдѣлало свое дѣло—оно должно было стать казеннымъ, къ кодексу природы приложена печать, онъ украшенъ надписью «быть по сему». Права человѣка занесены въ надлежащія рубрики, титулы и статьи. Знаменитые терезіанскіе, фридериціанскіе, максимиліановскіе кодексы и уложенія точно такъ же закрѣпили въ государственномъ законѣ естественное и писанное право человѣка и гражданина,

какъ это сдѣлали, съ другой стороны, всевозможныя конституціи революціонной Франціи, объединенной Швейцаріи, республиканской Америки. И если въ одномъ случаѣ право природы вылилось въ формѣ абсолютной, а затѣмъ конституціонной монархіи, въ другомъ въ видѣ различныхъ республиканскихъ штатовъ и государствъ, то всѣ эти «конституціи» базировали на одномъ оффиціально одобренномъ, повсюду обще-принятомъ и для всѣхъ обязательномъ символѣ вѣры, который гласитъ: государство есть начало и конецъ общественной жизни, въ государствѣ и отъ него получаетъ бытіе всякое право, государству одному принадлежитъ самодержавное монопольное распоряженіе вооруженнымъ принужденіемъ, отъ него и только отъ него можно ожидать всяческаго блаженства, добродѣтели и прогресса.

Естественное право цѣликомъ раздѣлило въ своей судьбѣ участь своего создателя и творца. По мѣрѣ того, какъ бунтующее третье сословіе постепенно переходило на рельсы государственно мыслящаго класса и, очищаясь отъ прежнихъ союзниковъ, поднималось по ступенькамъ бюрократіи и народнаго представительства до положенія властвующаго въ объединенномъ государствѣ фактора— право природы, очищаясь въ горнилѣ канцелярій, парламентовъ и полицейскихъ участковъ, получило, наконецъ, твердыя формы государственнаго права, вылилось въ кристаллы священной собственности, благонамѣренной свободы и равенства, построеннаго на конкурренціи нищаго труда и привилегированнаго капитала. Прежнее естественное право умерло... Правда, его старыя знамена пробовали поднять оставшіяся за флагомъ «государственности» народныя массы и соціалистическія партіи, бунтари и заговорщики хотѣли разуму успокоенному противоставить разумъ бунтующій, природѣ казенной— природу вольную... Но попытка не удалась, и не только потому, что на сторонѣ прирученной природы оказались

фабрики, биржа и пушки; нѣтъ, самый принципъ прирожденныхъ правъ былъ продырявленъ и сданъ за ненадобностью въ архивъ, на огнѣ исторической науки были сожжены его обрывки, какъ истрепавшіяся банковыя бумажки.

Одомашненная природа превратилась въ исторію. Историческое право смѣнило революцію. Разумный и сознательный творецъ государства — суверенная личность—сталъ темной клѣточкой общественнаго организма, игрушкой эволюціоннаго процесса. Само государство преобразовалось. Холодная, математически обдуманная машина власти, этотъ обожествленный инструментъ свободы и счастья распался, словно весенній ледъ, и выросло изъ-подъ него государство-организмъ, общественное тѣло съ правительствомъ,—головою, съ дорогами вмѣсто жилъ, съ буржуазіей въ роли желудка, съ милліонами трудящагося люда въ видѣ вѣчно работающихъ рукъ, безъ отдыха шагающихъ ногъ. И въ мирномъ процессѣ безпрепятственной эволюціи, въ спокойномъ ростѣ могучаго организма зажглась жизнь классоваго общества, зашевелились клѣточки индустріальнаго производства и черной, тяжелой волной поднялась горячая кровь обезземеленнаго пролетаріата. Организмъ заработалъ во всю. Оправданный исторіей на твердой почвѣ необходимаго развитія, проникнутый теоріей полезности и приспособленія онъ вошелъ въ міръ органической одушевленной природы, замѣнилъ собой металлическаго Левіаѳана стараго времени.

Спрашивается, откуда же было взять силу самоотверженнаго долга, когда органическая природа признаетъ лишь приспособленіе и роковой неизбѣжный ходъ естественной эволюціи. Откуда добыть идеалы, когда все покоится на борьбѣ за существованіе, когда одинъ сильный имѣетъ право на жизнь и счастье, слабый же обреченъ голодной гильотинѣ? О какомъ нравственномъ

законѣ можетъ идти рѣчь, когда борьба клѣточекъ построена на принципѣ самосохраненія, когда для выработки лучшаго должны гибнуть тысячи худшихъ, когда сила становится главнымъ основаніемъ, а польза, грубый интересъ, голосъ ненасытнаго брюха, образуетъ все содержаніе стремленій, желаній, домогательствъ? Невозможно было возвращаться къ природѣ тѣмъ классамъ, которые остались внизу, органическо-историческое направленіе убило право природы безповоротно и навсегда.

И въ самомъ дѣлѣ, пока въ видѣ природы была природа неорганическая, все было очень удобно и просто. Мыслящій человѣкъ бралъ бумажку и спокойно высчитывалъ себѣ, сколько понадобится ему для постройки камня и глины, желѣза и стали. Онъ открывалъ руководство по физикѣ и химіи и находилъ тамъ точныя красивыя формулы, неизмѣнныя, какъ само бытіе. По этимъ формуламъ онъ дѣлалъ точныя вычисленія и, хотя вмѣсто кирпича у него былъ человѣкъ, а вмѣсто цемента его потребности и чувства, дѣло выходило очень хорошо. Набрасывался очень красивый и изящный планъ, точно опредѣлялось качество матеріаловъ, и дѣломъ политика-законодателя было слить массу кирпичей и живой глины въ остроумную и крѣпкую постройку, созданную по всѣмъ правиламъ искусства, согласно природѣ людей и ихъ собственному счастію. Въ этомъ случаѣ естественная необходимость совпадаетъ съ долженствованіемъ, математическая формула съ нравственнымъ долгомъ, естественная потребность съ неотчуждаемымъ священнымъ правомъ... Но какъ быть, когда математику смѣнила зоологія, антропологія, соціологія, что дѣлать, когда на мѣсто естественной «исторіи» неорганическихъ веществъ развернулась исторія тысячелѣтій со своими загадками и темнотой, съ своею сложностью, неопредѣленностью, уходящимъ въ неизвѣстное концомъ? Гдѣ здѣсь соціальная необходимость? Въ

чемъ цѣль неизсякаемаго моря причинъ? Къ какой точкѣ примкнуть здѣсь личный идеалъ, горящую совѣсть, критическую мысль? Не математическій кодексъ, не ясная формула точныхъ величинъ, а безконечно связанный калейдоскопъ «обусловленныхъ» явленій, хаосъ живой эмпиріи, въ которомъ каждый день новая и сложная перемѣна, каждую минуту новый фактъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новое изслѣдованіе, наблюденіе, индукція. Что до того, что были, наконецъ, изобрѣтены разные эволюціонные соціологическіе законы; что можно сдѣлать для личнаго поведенія изъ спенсеровской дифференціаціи и интеграціи, что давало дарвиновское приспособленіе и борьба, къ чему намъ были геккелевскіе монизмы, когда у насъ не было формулы для жизни, оболочки для права, закона для нравственнаго долженствованія? Изъ зоологіи нравственности вывести было нельзя. Естественное право погибло.

А между тѣмъ развитіе европейскаго общества само привело къ большому спросу на новые политическіе идеалы, прирожденныя права, категорическую и высокую нравственность. Мы не станемъ повторять здѣсь въ тысячу первый разъ той исторіи развитія европейскихъ соціальныхъ классовъ, которая стала обще-извѣстной даже въ Россіи, благодаря безчисленнымъ брошюрамъ и книжкамъ. Напомнимъ только, что какъ разъ тамъ, гдѣ была особенно сильна потребность въ идейной основѣ для своихъ реальныхъ стремленій, въ классѣ фабричныхъ работниковъ, получила особое распространеніе и та теорія, которая сдѣлала колоссальную попытку примирить исторію, изготовленную въ буржуазной лабораторіи, съ соціалистическимъ идеаломъ и подъ знаменемъ марксизма объединила милліоны европейскаго пролетаріата. Грандіозная система Маркса, завершившаяся законченной теоріей въ области экономической науки, къ сожалѣнію, не нашла однако равныхъ ему продолжателей. Намѣченная марксизмомъ соціологія остановилась при первыхъ своихъ положеніяхъ,

правовая и государственная теорія марксизма осталась незавершонной, въ соціальной исторіи человѣчества лишь теперь началась достойная этого имени работа по провѣркѣ и обоснованію историческаго матеріализма. Партійная публицистика и напряженная политическая борьба отвлекла отъ теоретической работы всѣ лучшія головы пролетарскаго марксизма, немногіе изъ среды партіи работниковъ могли позволить себѣ роскошь чисто научной теоретической работы. И, если на практикѣ европейскій соціализмъ во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ и направленіяхъ сумѣлъ создать новую мораль и право, то до сихъ поръ, однако, эта идеологія не получила своего высшаго теоретическаго выраженія. «Естественное» право угнетенныхъ массъ еще ожидаетъ своего «кодекса».

Однако соціальный переворотъ, совершившійся уже подъ кровомъ новаго правового и культурнаго государства, не могъ пройти безслѣдно для наиболѣе чуткихъ умовъ западной Европы. И если въ началѣ между пониманіемъ явленій и ихъ дѣйствительнымъ обнаруженіемъ не было никакой связи, то вскорѣ на поверхности общественной жизни закипѣла лихорадочная теоретическая работа. Относительно перваго ея періода совершенно правъ былъ Н. И. Зиберъ, когда говорилъ, «что ни въ какой другой періодъ общественно-экономической исторіи не существовало такой глубокой, зіяющей бездны между фактическимъ теченіемъ общественныхъ событій и явленій и уровнемъ ихъ пониманія какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ значеніи послѣдняго». И дѣйствительно, «быстрота, разнообразіе, внезапность появленія и размѣры тѣхъ измѣненій въ экономіи общества, которыя... являются главнѣйшею характеристикой переживаемаго нами времени, просто на просто застигли большинство такъ называемой интеллигенціи врасплохъ, не дали ей еще возможности приспособиться къ себѣ и стать на надлежащій уголъ зрѣнія». Такъ создалось своеобраз-

ное «разстояніе между общественной организаціей и общественнымъ воззрѣніемъ на нее», такъ «право», этотъ «установившійся общественный разумъ эпохи», основная «единица міровоззрѣнія» ея, оказалась назади соціальной дѣйствительности капиталистической эпохи [1]).

Конфликтъ стараго права и новыхъ потребностей выяснялся все больше и больше. Государство монополизировало право, а наука оказывалась безсильной оторвать право отъ государства и поставить его на иные общественные рельсы. Въ государствѣ право, казалось, нашло свою истинную родину, и покинуть «государственное» право значило впасть въ анархію. Новыя стремленія оказывались лишенными надежды получить когда-нибудь «свое право».

Такое положеніе дѣлъ продолжалось, впрочемъ, не долго. И первыми здѣсь заговорили соціальные историки и экономисты, Маурeръ, Мэнъ, Нассе, Лавеле: они первые стали изслѣдовать зависимость учрежденій отъ экономическихъ условій; къ нимъ присоединился Арнольдъ, который уже различалъ право и хозяйственныя условія только какъ двѣ стороны одного и того же процесса. «Въ исторіи не существуетъ ничего внутренняго и ничего внѣшняго, исключительно отъ точки зрѣнія наблюдателя зависитъ то, какимъ именно образомъ онъ пожелаетъ воспринимать и представлять себѣ вещи; если изслѣдованіе будетъ проведено послѣдовательно, то оно приведетъ къ одному и тому же результату, все равно, станемъ ли мы разсматривать право, какъ основаніе хозяйственныхъ условій, или же эти послѣднія, какъ основаніе развитія права». И даже Рошеръ находилъ, говоря въ своемъ возвышенномъ стилѣ, «что юриспруденція и экономическая наука— это двѣ родныя сестры, у нихъ одна общая мать—истина и одна общая сфера работы—жизнь народа и человѣче-

---

[1]) Н. И. Зиберъ, Собраніе сочиненій, Т. II, Право и политическая экономія, Спб. 1900 г., стр. 307—337.

ства». Въ полномъ согласіи съ названными учеными стремился Данквартъ найти источники «всякаго права» въ «родившихъ его фактическихъ отношеніяхъ». Политическая экономія должна служить основой при изученіи права [1]).

Когда въ концѣ семидесятыхъ годовъ во Франціи былъ поднятъ вопросъ о введеніи экономіи въ курсъ юридическихъ школъ, оживленная полемика между сторонниками этой мѣры и противниками ея послужила толчкомъ къ новому уясненію отношеній между жизнью и ея пониманіемъ. Къ этой полемикѣ присоединились и нѣмецкіе экономисты. Адольфъ Вагнеръ утверждалъ, что «исторія и философія права настоятельно нуждаются въ національно экономической основѣ: исторія права учитъ познавать внѣшній ходъ права, внутреннія же побудительныя причины неизвѣстны ей самой; только благодаря открытію послѣднихъ будетъ дано дѣйствительное разъясненіе историческаго развитія права, такъ какъ при этомъ можно будетъ заглянуть въ отношенія причинной связи; но отношенія эти раскрываетъ для большихъ отдѣловъ права одна только политическая экономія». «Именно работы по экономической философіи права должны выполнить» спеціально относительно основаній частной собственности «еще чрезвычайно многое, если не сказать — почти все» [2]).

Все это теченіе, направленное къ отысканію новой точки зрѣнія на право, осталось въ своей первой стадіи не особенно плодотворнымъ. Между правомъ и экономикой все время оставался какой-то пробѣлъ, черезъ который въ лучшемъ случаѣ перепрыгивали, при помощи то юридической метафизики, то экономической эмпиріи. Самый главный вопросъ относительно того, какъ право пре-

1) Тамъ же, стр. 344—348.
2) Тамъ же, стр. 348—366.

творяется къ экономику и обратно, оставался все же неразрѣшеннымъ. И подобно тому, какъ никто не могъ опредѣлить «общественное значенie и соцiальную функцiю права», точно такъ же никто не могъ опредѣлить путей, посредствомъ коихъ тотъ или другой способъ веденiя хозяйства опредѣляетъ соотвѣтственныя формы права. Первую попытку оторвать право отъ его новой государственной родины надо считать поэтому безусловно неудавшейся; построенное на хозяйственномъ базисѣ, «общество» оказалось не въ силахъ разрушить крѣпкiй союзъ принудительнаго государственнаго права и централизованной власти современныхъ политическихъ единицъ.

И нельзя не отмѣтить здѣсь поразительной черты: тотъ самый марксизмъ, который больше всѣхъ былъ заинтересованъ въ разлученiи государства и права; прямой задачей котораго, казалось бы, было созданiе новаго права въ противоположность оффицiальному государственному закону,—готовъ былъ въ тонъ государствовѣдамъ смѣшать государство и право, какъ нѣчно, необходимо и неизбѣжно связанное другъ съ другомъ. Разъ государство является одной изъ формъ организацiи имущихъ классовъ, направленной противъ неимущихъ, то и все право, какъ одинъ изъ неизбѣжныхъ союзниковъ государства, оказывается какъ будто запятнаннымъ тою же самой эксплоататорской цѣлью. И если, въ концѣ концовъ, государство осуждено на такое же исчезновенiе, какъ и всѣ другiе аттрибуты современнаго классоваго господства, то и праву грозитъ съ нимъ вмѣстѣ та же самая участь. Право такимъ образомъ отождествляется вполнѣ съ современнымъ гражданскимъ и уголовнымъ правомъ, направленнымъ къ принудительной охранѣ классоваго капиталистическаго строя, и ни о какомъ иномъ правѣ народныхъ массъ, которое существовало бы внѣ государства [1]), здѣсь уже не можетъ

[1]) Кромѣ развѣ „права на революцiю".

быть рѣчи. Съ классовымъ государствомъ и капиталистической формой производства должно исчезнуть и нынѣшнее «государственное» право. Право собственности на почву и орудія производства исчезаетъ совсѣмъ, уголовное возмездіе будетъ замѣнено воспитаніемъ. Для иного права какъ будто не остается мѣста въ общественномъ строѣ будущаго [1]).

«Безправный» идеалъ тѣхъ марксистовъ, которые признаютъ его вопреки истинному смыслу и духу марксистской доктрины, влечетъ за собой, конечно, чрезвычайныя практическія невыгоды. Выставляемыя на основаніи новыхъ соціальныхъ условій притязанія пролетаріата лишаются, такимъ образомъ, всей мощи правовыхъ требованій и нисходятъ на положеніе экономическихъ и политическихъ домогательствъ. Они теряютъ всю силу идейной правовой оболочки и весь авторитетъ безусловнаго, не допускающаго возраженій правопритязанія. Они положительно ослабляются, благодаря шаткой идеологіи экономической цѣлесообразности, хотя бы и основанной на неизбѣжности соціальнаго процесса. Самая борьба обойденныхъ и безнаслѣдныхъ получаетъ характеръ не присущей ей по самой грозной природѣ «борьбы за право», а фактической схватки, вѣчной пробы силъ, постоянно озирающейся назадъ, неувѣренной въ категорической силѣ своихъ лозунговъ и притязаній... Только когда рабочій классъ сознаетъ, какъ право, свои основныя требованія, когда правовая идеологія станетъ частью его соціальнаго идеала, и право будетъ перенесено имъ, какъ организаціонный моментъ, въ его будущее, свободное отъ всякаго принужденія общество,—только тогда получитъ завершеніе великая борьба за экономическую свободу, а новое право побѣдоносно смѣнитъ собой оффиціальное принужденіе современности.

---

[1]) И. Чернышевъ, Памятная книжка марксиста, С.-Петербургъ, 1906 г., стр. XX—XXI.

То, чего не сдѣлали соціалисты, было предпринято нѣкоторыми наиболѣе чуткими юристами, представляющими собою цвѣтъ нѣмецкаго правового мышленія. Однако здѣсь былъ избранъ уже обходный путь.

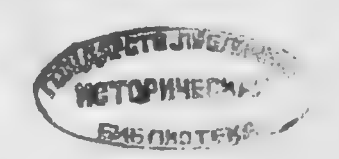
Какъ мы знаемъ, главнѣйшимъ результатомъ поглощенія естественнаго права государствомъ было снабженіе «права» полицейской защитой, судебнымъ принужденіемъ. Нормы, которыя прежде представлялись обязательными вслѣдствіе того, что онѣ являются неизмѣннымъ закономъ разума и природы, теперь получили новую гарантію, которая оказалась дѣйствительнѣе старой. Въ сознаніи людей участокъ сталъ неизмѣннымъ спутникомъ права, палачъ, судебный приставъ и полицейскій—необходимыми аттрибутами юридическаго закона. И въ процессѣ обожествленія различныхъ суверенитетовъ само право приняло скоро своеобразный оттѣнокъ. Принятое на лоно государства, оно скоро совсѣмъ забыло о своей свободной родинѣ въ разумной природѣ и стало правомъ потому, что такъ хочетъ власть. Естественно, что у этого права элементъ внутренней обязательности, добровольнаго сознательнаго подчиненія и общественной санкціи скоро вывѣтрился почти совсѣмъ. Подобно тому, какъ по теоріи Зома церковная «нравственность» (вѣрнѣе право) смѣнилась впослѣдствіи церковнымъ правомъ (вѣрнѣе, принужденіемъ)—точно такъ же и право забыло присущую ему по утвержденію Колера «божественную» природу и выродилось въ грубое государственное насиліе.

До какой степени дошла эта удивительная аберрація мысли, показываетъ хотя бы широкая распространенность и общепризнанность опредѣленія права изъ государственнаго принужденія. И даже такой великолѣпный критическій умъ, какъ знаменитый Іерингъ, несмотря на признаніе, что право не можетъ существовать безъ внутренней основы въ человѣкѣ, вывелъ всю его обязательность изъ государственнаго принужденія, такъ что право

является у него лишь «государственнымъ механизмомъ для цѣлей воплощенія признанныхъ государствомъ вообще— слѣдовательно и для него самого обязательныхъ—нормъ принужденія». Увлеченный такимъ отожествленіемъ права и государственной мощи, Іерингъ даже нравственность отказывается понимать иначе, какъ принужденіе общественное. И, если, съ одной стороны, «не существуетъ для насъ тотъ законъ, который насъ не видитъ, а его рука не простирается дальше его глазъ», то, съ другой стороны, и мораль, завѣдующая любовью и дружбой, честью и долгомъ, великодушіемъ и благородствомъ, «не можетъ безъ принужденія выполнить на землѣ своего призванія». Разница между правомъ и моралью живо напоминаетъ намъ здѣсь то различіе, которое мы видѣли въ просвѣщенной деспотіи между правомъ и религіей: куда не хватаетъ государственный бичъ, туда проникаетъ болѣе тонкое и гибкое общественное принужденіе. Принципъ бича остается, однако, одинъ и тотъ же, какъ существенный признакъ соціальнаго норматива [1]).

Отожествленіе права и силы со временъ Іеринга сдѣлалось господствующимъ въ юридической литературѣ. Трудно представить себѣ, какого необъятнаго распространенія достигло это по существу безсмысленное опредѣленіе, съ какой безропотностью оно было принято всѣми друзьями и врагами современнаго государства. Именемъ права былъ названъ тотъ насильственный волшебный рычагъ, которымъ думали произвести удивительнѣйшія чудеса всяческой политики. Тѣ, кто держали его въ рукахъ, считали себя монопольнымъ источникомъ всей соціальной нормировки, другіе, которые стремились его захватить, желали запречь при его помощи принужденіе въ свою партійную колесницу. Взнузданный «обще-

[1]) Ihering, Der Zweck im Recht, Leipzig 1884, Band II, 10—11, Band I, 435, 498, B. II, 19, 5, 6, 7, 8, 9, 180—183.

ственнымъ благомъ», государственный Левіаѳанъ сталъ единымъ обладателемъ права, предметомъ зависти и борьбы борющихся классовъ, организацій и группъ. Неудивительно, что право скоро окончательно инкорпорировалось государствомъ; Іосифъ Шейнъ уже не иначе опредѣлялъ его, какъ «правило для поведенія государства»... Къ отдѣльнымъ лицамъ по этой теоріи можетъ быть предъявлено лишь требованіе «морали». Нечего и говорить, что мораль оказалась неразлучной съ принужденіемъ... [1]).

Было вполнѣ естественно, что въ такомъ сильномъ государствѣ, какъ Россія, съ такимъ громаднымъ перевѣсомъ «принужденія» въ политической жизни, теорія Іеринга, теорія принужденія получила чрезвычайное развитіе. Здѣсь съ такимъ правовѣрнымъ представителемъ русской «государственности», какъ Репненкампфъ, встрѣчается въ общей теоріи Муромцевъ, а Чичерину протягиваетъ руку Владиміръ Соловьевъ. Правда, первые два мыслителя признаютъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, «внѣшнюю силу» или «организованную защиту» существеннымъ признакомъ права. Чичеринъ и Соловьевъ принудительностью снабжаютъ опредѣленное матеріальное содержаніе. Однако сущность остается одна и та же, она мало мѣняется отъ того, что Чичеринъ въ рамки «формальнаго», «принудительнаго» закона вкладываетъ, какъ зерно, «внѣшнюю свободу человѣка, опредѣляемую общимъ закономъ», а Владиміръ Соловьевъ характеризуетъ право, какъ «принудительное требованіе реализаціи опредѣленнаго минимальнаго добра или порядка, не допускающаго извѣстныхъ проявленій зла». Что до того? Вколачиваемый принужденіемъ, «низшій предѣлъ или опредѣленный минимумъ нравственности» ничѣмъ не отличается отъ «пре-

---

[1]) Schein. Unsere Rechtsphilosophie und Jurisprudenz, Berlin. 1889; стр. 59—61.

дупрежденія» тѣмъ же бичомъ «физическихъ столкновеній между лицами». Какъ здѣсь, такъ и тамъ высшимъ началомъ остается ренненкампфовское принужденіе, которое тоже стремится «опредѣлить и охранить отношенія общежитія для достиженія разумныхъ цѣлей общества и человѣка» [1])...

Оргія силы, замѣнившей право въ теоріи торжествующаго государства, заставила многихъ, повторяю, наиболѣе чуткихъ, представителей юриспруденціи искать спасенія отъ грозящей со стороны государственнаго абсолютизма опасности. Державшіяся до послѣдней поры на естественно-правовомъ обоснованіи: свобода совѣсти, свобода слова, свобода научнаго убѣжденія, казалось, подвергались серьезной угрозѣ со стороны одѣтой въ правовой костюмъ всеобъемлющей политической мощи. И вотъ мы видимъ, какъ Феликсъ Данъ устраняетъ возможность противорѣчія между правомъ и моралью при помощи стараго разграниченія между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ. Предоставляя праву цѣликомъ первый, Данъ совершенно изъемлетъ изъ его вѣдомства второй и объединяетъ оба начала лишь «въ высшей общности мотивовъ». Ему слѣдуетъ Грюберъ, который основной признакъ права видитъ въ его внѣшнемъ характерѣ, тогда какъ къ морали цѣликомъ относитъ область «внутренняго соотвѣтствія» человѣка поставленнымъ имъ самимъ «идеаламъ». Лассонъ даетъ подробнѣйшее опредѣленіе области дѣйствія «внѣшняго» права и «внутренней» нравственности, при чемъ первому, поскольку оно сопровождается принужденіемъ, отводится только очень

---

[1]) Ренненкампфъ, О правѣ и нравственности и ихъ взаимномъ отношеніи, 1859 г. (отдѣльный оттискъ), стр. 17. Очерки юридической энциклопедіи, Кіевъ, 1880 г., стр. 28, 35, 36.—Муромцевъ, Опредѣленіе и основное раздѣленіе права, Москва, 1879 г., стр. 166, 167, 171, 172, 173, 175, 178.—Чичеринъ, Философія права, Москва 1900 г., стр. 84, 88, 89, 90.—В. Соловьевъ' Оправданіе добра, Спб. 1897 г., стр. 495—498.

тѣсный кругъ самыхъ необходимыхъ опредѣленій максимума правъ и минимума ограниченій: «de internis non judicat praetor, cogitationis poenam nemo patitur»! [1])

Однако подобныя различенія слишкомъ слабы теоретически и малоцѣнны практически, чтобы они могли удовлетворить потребностямъ назрѣвающаго соціальнаго строя, и вотъ мы видимъ, какъ цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ поражаетъ союзъ права и государства въ одномъ изъ его самыхъ чувствительныхъ пунктовъ—въ отожествленіи права и принужденія. Уже у Бирлинга читаемъ мы великолѣпныя строки, обнаруживающія всю безсмысленность права, построеннаго на силѣ. «Право рѣшаетъ только относительно самого долженствованія». «Принудительное примѣненіе его не есть основной, первоначальный признакъ права, но только нѣчто, естественно вытекающее изъ его сущности».

Праву присуща потребность его осуществленія, «но изъ этой потребности не вытекаетъ еще непосредственно потребность принужденія». Въ области идеаловъ объединяются право и нравственность, которыя различаются только тѣмъ, что первое предназначено для дѣйствія, вторая же для внутренней жизни человѣка. Всѣ эти нормы получаютъ силу лишь благодаря тому, что въ основѣ ихъ лежитъ признаніе со стороны человѣческой воли, признаніе есть основа права. Въ теоріи Бирлинга право разстается съ государствомъ и въ свободномъ «признаніи» человѣка ищетъ себѣ опоры [2]).

Еще болѣе рѣшительно ставитъ Биндингъ принужденіе на свойственное ему «хамское» мѣсто. «Всякое

[1]) Dahn, Bausteine, 4, 1. Rechtsphilosophische Studien, Berlin, 1883, стр. 36, 303, 301, 34, 35, 305, 125. Gruber, Einführung in die Rechtswissenschaft (Birkmeyers Encyklopädie), Berlin, 1901, стр. 16—18. Lasson, System der Rechtsphilosophie, Berlin, 1882, стр. 198—199, 201, 202—208.

[2]) Bierling, Zur Kritik der juristischen Grundbergriffe, Gotha, 1877, T. I, стр. 140—170.

вынужденное исполненіе—это только грубый суррогатъ того, что можетъ требовать управомоченный—въ немъ отсутствуетъ моментъ добровольности. Въ этомъ смыслѣ можно защищать парадоксъ, что принужденіе есть абсолютно негодное средство для осуществленія права... Только въ послѣдней нуждѣ обращается законъ къ этой фикціи... Благородное право стыдится неблагороднаго принужденія, однако слишкомъ часто нуждается въ его помощи. Право поэтому ищетъ принужденія, которое даетъ ему силу противъ сопротивляющейся мощи. Но право, принимая услуги принужденія, облагораживаетъ его тѣмъ, что регулируетъ формы его примѣненія, а въ благодарность за его услуги оно, какъ всякій большой баринъ, покрываетъ его слабости. Мы однако беремъ прочь съ головы принужденія его побѣдный вѣнокъ и не стѣсняемся его болѣе... и не въ качествѣ всемогущаго, превозмогающаго всякое сопротивленіе гордаго паладина своего короля, но какъ холопа, который въ силу истинной холопской природы не можетъ жить безъ господина... иначе онъ сейчасъ же заносится и обѣщаетъ безконечно больше, чѣмъ можетъ сдержать... Онъ не достоинъ и не способенъ приблизиться къ тѣмъ вершинамъ, гдѣ царствуютъ наиболѣе идеальныя, лишенныя всякаго принужденія обязанности и права...» «Ужасно насиліе даже въ справедливомъ дѣлѣ!..» [1]).

Послѣ того, какъ Биндингъ вывелъ въ лакейскую приставленнаго къ праву государственнаго драбанта, и право оказалось предоставленнымъ по своему существу добровольному признанію и подчиненію человѣка, оставался одинъ только шагъ для того, чтобы въ самомъ правѣ, въ его «авторитетной формѣ», въ его «безусловныхъ опредѣленіяхъ человѣческой воли» искать его основ-

---

[1]) Binding, Die Normen und ihre Uebertretung, B. I., Leipzig, 1890, Anhang der Rechtszwang, стр. 493, 495, 504.

ного признака, а въ психикѣ человѣка, въ «неподлежащемъ дальнѣйшему изслѣдованію убѣжденіи» искать «его мотивирующей силы». Первое сдѣлалъ Гирке, второе Еллинекъ. Остановимся ближе на теоріи послѣдняго. Здѣсь «послѣднимъ основаніемъ всякаго права» признается уже «ни отъ чего далѣе непроизводимое убѣжденіе въ его дѣйствительности, его нормативной, мотивирующей силѣ». «Всякое право» становится «возможнымъ только при предположеніи», что мы способны сознавать себя «обязанными, благодаря тѣмъ требованіямъ, обращеннымъ къ нашей внутренней волѣ, содержаніе которыхъ изъято отъ субъективнаго произвола». Въ основаніи права лежитъ «психически этическая способность воли быть связанной посредствомъ нормъ», и благодаря этому самый процессъ образованія права становится въ значительной степени независимымъ отъ государственнаго законодательства: только культурное «убѣжденіе» народа рѣшаетъ окончательно вопросъ относительно того, «дѣйствительно ли обладаетъ характеромъ нормы то, что заявляетъ на это притязаніе». Ясно отсюда, что, не опираясь болѣе на государственное принужденіе, право ищетъ себѣ новыхъ, независимыхъ отъ государства гарантій, и въ этомъ качествѣ выступаютъ «великія историческія силы: религія, нравы, общественная нравственность... вся совокупность культурныхъ силъ и созданныхъ ими интересовъ и расчлененій»; «эти силы въ окончательномъ счетѣ оказываются самымъ твердымъ «обезпеченіемъ» дѣйствительности права. Вмѣстѣ съ тѣмъ государство лишается своей монопольной непогрѣшимости. Государство можетъ совершать не право—jus iniquum—оно можетъ злоупотреблять правовыми нормами, оно можетъ издавать законы, которые согласно нынѣшнемуправовоззрѣнію противорѣчатъ признаннымъ основнымъ законамъ права... Наоборотъ, антигосударственное революціонное движеніе можетъ оказаться носителемъ праваго

права—jus aequum—«актъ правового творчества можетъ содержать въ себѣ актъ нарушенія права» [1]).

Право оторвалось отъ государства. Возвращенное къ свѣтлымъ высотамъ свободнаго, лишеннаго всякаго принужденія закона, обновленное въ убѣжденіи человѣка, оно стало, по словамъ Эльцбахера, нормой, которая только потому имѣетъ жизнь и значеніе, что въ основѣ ея лежитъ желаніе, чтобы она была дѣйствительна, чтобы ею опредѣлялось поведеніе людей и при томъ въ видѣ непремѣннаго, всѣхъ охватывающаго закона... [2]).

Право оторвалось отъ государства, гдѣ оно найдетъ новую родину?

II.

Правовѣдѣніе и новое общество.

Изданіе новаго гражданскаго уложенія для Германіи было тѣмъ послѣднимъ толчкомъ, который до крайности обострилъ вопросъ о задачахъ юриспруденціи и права. Составленный юристами-догматиками, проектъ произвелъ самое тягостное впечатлѣніе на заинтересованные круги. Полная неспособность толкователей закона къ созданію новыхъ, требуемыхъ временемъ, нормъ, безпомощность, съ которой обычная интерпретація встрѣтила важнѣйшія проблемы соціальной политики, полное непониманіе задачъ и цѣлей права въ хозяйственномъ организмѣ стра-

[1]) Gierke, Deutsches Privatrecht, Leipzig. 1895, B. I, стр. 113, 114, 115.—Jellinek, Allgemeine Staatslehre, B. I., Berlin, 1900, стр. 334, 321, 322, 720, 721, 335, 336, сравн. его же. Gesetz und Verordnung, 240. Ср. въ новомъ изданіи Allgemeine Staatslehre, стр. 325 и слѣд.

[2]) Eltzbacher, Ueber Rechtsbegriffe. Berlin, 1900, стр. 27—32. Сравн. его же Anarhismus (1900 г.), стр. 22 и слѣд.

ны—все это вызвало настоящее отчаяніе въ сердцѣ сознательныхъ представителей германскаго общества.

Нѣмцы и не замѣтили, какъ послѣ великихъ побѣдъ, положенныхъ въ основу единой имперіи, рядовая, догматическая юриспруденція обратилась въ настоящую схоластику, окутавшую своими нитями всѣ главные центры правовой мысли. Склонные вообще къ фикціи замороженнаго порядка профессора и практики-юристы отдались цѣликомъ дѣлу формулировки, толкованія, разъясненія и изученія вырѣзанныхъ мечомъ Бисмарка статей дѣйствующаго закона и даже въ область публичнаго права сумѣли ввести духъ филистерской рутины, слѣпого доктринерства и непостижимой узости. За исключеніемъ указанныхъ мной выше теченій вся масса рядовой юриспруденціи тщательно отмежевалась отъ полной соблазновъ политической исторіи, соціальнаго быта, изученія классовой и партійной жизни и съ тѣмъ большимъ рвеніемъ отдалась вѣчному нанизыванію новыхъ правовыхъ бусъ на старыя нити. Какъ справедливо замѣтилъ Антонъ Менгеръ въ своей критикѣ проекта германскаго уложенія [1]): «60—70 лѣтъ въ нѣмецкой наукѣ права господствовалъ почти безусловный принципъ авторитета, была заглушена всякая критика существующаго. Чего же можно было ожидать послѣ этого отъ составителей гражданскаго уложенія, какъ не извлеченія изъ пандектъ, раздѣленнаго по параграфамъ? Наука, проникнутая вѣрой въ авторитетъ, можетъ, конечно, удовлетворить потребностямъ мелкаго научнаго обихода, но для рѣшенія великихъ задачъ ей, прежде всего, необходимъ свободный критическій духъ по отношенію къ существующимъ мнѣніямъ и учрежденіямъ». И, какъ подтверждаетъ Новгородцевъ, голосъ Менгера не только не былъ единичнымъ, но къ нему присоединился цѣлый рядъ нѣ-

---

[1]) Das Bürgerliche Recht und die Besitzlosen Volksklassen. 1890.

мецкихъ ученыхъ, оставшихся живыми среди общаго мертваго поля [1]).

А между тѣмъ вопросъ объ изданіи «уложенія», этой гражданской конституціи великой индустріальной державы, только разорвалъ передъ глазами общества застилающій дѣйствительность туманъ невѣжества и близорукости. За этимъ туманомъ давно уже высилось новое міровое явленіе, полное движенія и борьбы. Къ XX вѣку «третье сословіе постепенно достигло политически рѣшающей роли и положенія экономическаго эксплоататора, провозгласившаго благодаря своему господству формальную свободу, но приведшаго къ хозяйственному порабощенію рабочихъ. Четвертое сословіе, классъ работниковъ стремится къ освобожденію изъ этого экономическаго рабства, стремится подъ краснымъ знаменемъ коммунизма и соціализма... Мы стоимъ теперь передъ новой грандіозной цѣпью развитія. Однако въ исторической эволюціи не происходитъ радикальнаго разрыва старыхъ и непосредственнаго натягиванія новыхъ нитей; напротивъ, нарождается переходное положеніе, въ которомъ подчасъ въ кричащей дисгармоніи встрѣчаются послѣдніе остатки стараго исчезающаго періода и первые начатки новаго строя. Природа не дѣлаетъ скачковъ — natura non facit saltus. И мы еще живемъ въ одномъ изъ такихъ переходныхъ періодовъ, который показываетъ всѣ симптомы вымиранія старыхъ и зачатія новыхъ идей» [2]).

Антонъ Менгеръ, одинъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ— вмѣстѣ съ Петражицкимъ — критиковъ анти-соціальнаго и бездушнаго проекта «уложенія», смогъ выдвинуть цѣлую программу новыхъ «правъ», требуемыхъ «великой

---

[1]) Таковы: Офнеръ, Нейкампъ, Бюловъ, Л. Савиньи и др., см. П. Новгородцевъ. Нравственный идеализмъ въ философіи права, въ „Проблемахъ идеализма". Москва 1903 г., стр. 242 и сл.

[2]) Berolzheimer, System der Rechts-und Wirtschaftsphilosophie. B. II. Die Kulturstufen. München. 1905, стр. 483, § 52. Der Moderne Klassenstaat.

эмансипаціей классовъ». Въ трехъ основныхъ формулахъ выразилъ онъ главныя требованія вступившаго въ жизнь четвертаго класса. Это—право на полный продуктъ труда, право на существованіе и, въ качествѣ переходной стадіи, право на трудъ. «Идеалъ имущественнаго права съ экономической точки зрѣнія былъ бы достигнутъ, если бы существовалъ правовой порядокъ, при которомъ каждому рабочему былъ бы гарантированъ полный продуктъ его труда, а каждая потребность получала бы полное удовлетвореніе, соразмѣрно съ существующими средствами». Этому идеалу рѣзко противорѣчитъ старое имущественное право. Оно ставитъ въ привилегированное положеніе отдѣльныхъ лицъ, обладателей частной собственности—главнымъ образомъ на средства производства, — и они безъ труда получаютъ доходъ, который отнимается у другихъ. Ни одно юридическое положеніе не дастъ отдѣльному индивиду права хотя бы только на тѣ предметы и услуги, которые необходимы для его существованія. Совершенно точно подходитъ извѣстная характеристика Мальтуса къ лицамъ, не имѣющимъ собственности на землѣ: «Кто рождается на планетѣ, находящейся уже въ чьемъ-либо владѣніи, тотъ не имѣетъ права на содержаніе, если онъ не можетъ добыть средствъ къ существованію отъ своихъ родныхъ или собственнымъ трудомъ; фактически онъ оказывается лишнимъ на землѣ. На большомъ пиршествѣ природы для него не приготовлено прибора. Природа велитъ ему удалиться и не замедляетъ привести свой приказъ въ исполненіе». То, что Мальтусъ здѣсь говоритъ о средствахъ пропитанія, относится къ удовлетворенію всѣхъ другихъ потребностей [1]).

Посвятивъ себя юридической формулировкѣ новыхъ соціальныхъ правъ, Антонъ Менгеръ рѣшилъ предста-

---

[1]) А. Менгеръ. Право на полный продуктъ труда, пер. Бужанскаго, Спб., 1906 г., стр. 1 и слѣд., 6 и слѣд.

вить полную ихъ систему, обоснованную съ большой глубиной и тонкостью. Въ своемъ «новомъ ученіи о государствѣ», слѣдуя экономической теоріи соціализма, Менгеръ конструируетъ новое отношеніе публичнаго и гражданскаго права, создаетъ въ высшей степени оригинальную классификацію вещей съ точки зрѣнія ихъ роли въ хозяйственномъ бытѣ, разграничиваетъ виды собственности и владѣнія, удовлетворяющіе требованіямъ нарождающейся соціальной среды, наконецъ, болѣе подробнымъ образомъ, чѣмъ онъ сдѣлалъ это раньше, освѣщаетъ «право на существованіе», соотвѣтствующее новой всеобщей «рабочей повинности». Но Менгеръ не ограничивается однимъ построеніемъ правъ, коренящихся въ сознаніи возникающаго класса и подлежащихъ осуществленію въ трудовомъ народномъ государствѣ будущаго. Острому ножу соціально-юридической критики подвергаетъ онъ всѣ священные институты современнаго «государственнаго» права. Въ каждомъ изъ нихъ умѣлою рукой вскрываетъ онъ основное противорѣчіе, разлагающее весь смыслъ юридическихъ конструкцій, и въ каждомъ отдѣлѣ стараго права умѣетъ найти зерна и начатки рождающейся правовой нормировки. Такъ создается въ трудѣ талантливаго юриста образъ разумнаго рефлектированнаго права, которое является одной изъ необходимѣйшихъ сторонъ устройства лучшей и совершеннѣйшей жизни [1]).

Къ сожалѣнію, Менгеръ въ одномъ отношеніи послѣдовалъ участи многихъ соціалистовъ: борясь и воюя противъ анархизма и его идеаловъ, разбивая естественное право эгоистическаго строя современности, онъ впалъ въ крайность, которая во многихъ отношеніяхъ серьезно ему повредила; стараясь быть позитивистомъ quand-même, отвергая всяческія утопіи, онъ самъ впалъ въ тяжкое

---

[1]) A. Menger, Neue Staatslehre, Jena 1903. Ср. мою статью въ „Вѣстникѣ Права“ за 1904 г. подъ названіемъ „Новое Право“.

заблужденіе: онъ не сумѣлъ подмѣтить въ окружающей средѣ силъ, способныхъ смѣнить нынѣшнее принужденіе безъ анархическаго развала общества; онъ не замѣтилъ тѣхъ политикообразныхъ, государственно-подобныхъ силъ, которыя идутъ уже на смѣну аппарату классоваго господства. И если Д. Койгену удалось подмѣтить среди современныхъ партій своеобразныя тенденціи, направленныя къ осуществленію идеи «государственности», а у соціалистовъ даже «духовное государство» или «церковь» соціальнаго спасенія, то Еллинекъ уже сейчасъ со всей положительностью государствовѣда намѣчаетъ новые центры, куда стремится не государственная, а общественная власть. «По существу своему, говоритъ Д. Койгенъ, всѣ формы отношенія общежитія, начиная отъ семейной, въ большей или меньшей степени проникнуты принципомъ государственной организаціи». Даже суверенное общество будущаго далеко не является отрицаніемъ самой государственной идеи: «соціализмъ, какъ соціологическая доктрина, несетъ съ собою новое воззрѣніе на государство; государство для него—синонимъ цѣлесообразной, раціональной организаціи общественныхъ отношеній и формъ общежитія, призванной вмѣстѣ съ тѣмъ охранять и воспроизводить условія, которыя дѣлаютъ возможнымъ само общество». И если «либерализмъ никогда не могъ отрѣшиться отъ взгляда на государство, какъ на чисто-полицейскую организацію принужденія», а «демократизмъ» полагалъ государство «въ идеѣ своей такимъ же свободнымъ союзомъ самоопредѣляющихся человѣческихъ воль, какъ и любой общественный союзъ», то для соціализма «вся тяжесть государственной проблемы лежитъ не въ вопросѣ о формѣ государственной жизни, а въ децентрализаціи или въ централизаціи ея, въ вопросѣ ея распредѣленія въ соціальномъ космосѣ». Соціализмъ «ставитъ выше всего суверенитетъ общества» [1]).

---

[1]) Д. Койгенъ. Міровоззрѣніе соціализма. Спб. 1906 г., стр. 110 и слѣд.

Въ своемъ изслѣдованіи «объ измѣненіи и преобразованіи конституцій» Еллинекъ чисто-эмпирически подтверждаетъ, что помимо парламентовъ и правительствъ въ настоящее время «обнаруживаются уже совершенно другія соціальныя силы, которыя самымъ энергичнымъ образомъ могутъ взять на себя защиту и осуществленіе» «народныхъ правъ». «Выработался новый видъ отвѣтственности правительствъ—отвѣтственность предъ народомъ, многоголосое мнѣніе котораго находитъ свое выраженіе въ печати». Такъ «развилась общественная отвѣтственность правительствъ, которой принадлежитъ будущее»... Повсюду все шире и шире развивается не управляемая никакимъ объединяющимъ центромъ и въ этомъ смыслѣ, такъ сказать, естественно растущая организація народа. Общества и собранія, всякаго рода предпринимательскіе и рабочіе союзы, представительство интересовъ въ самой различной формѣ... создаютъ въ замѣнъ атомизированной народной массы сильно дифференцированную развивающуюся организацію... Мы видимъ уже теперь партійныя организаціи, стоящія внѣ парламента... въ который онѣ, можетъ быть, совсѣмъ или почти совсѣмъ не входятъ, но онѣ вліяютъ на правительство, минуя парламентъ... Уже теперь созданы нормы, которыя—не въ юридическомъ, а въ соціальномъ отношеніи—дѣйствуютъ наравнѣ или, по крайней мѣрѣ, подобно законамъ и не вырабатываются въ нормальномъ законодательномъ порядкѣ». Еллинекъ приходитъ даже къ мысли о необходимости учрежденія «спеціальныхъ парламентовъ на основѣ все рѣзче вырисовывающейся соціальной группировки» [1]).

---

[1]) Jellinek, Verfassungsänderung und Verfassungswandlung, Berlin, 1906 стр. 73 и слѣд., цитирую по переводу Кистяковскаго. Сравни идею „профессіональнаго" представительства у Дюги, Конституціонное право, Москва, 1908, стр. 474, 531 и слѣд.

Неудивительнымъ представляется послѣ этого, что среди представителей философіи права получили необходимое отраженіе всѣ эти новыя явленія современности, а нео-кантіанцы, не довольствуясь признаніемъ наличныхъ соціальныхъ тенденцій и идеаловъ, рѣшили даже нѣкоторымъ образомъ канонизировать ихъ, возведя современную эманципаціонную борьбу въ категорію метафизическаго долженствованія, отрѣзаннаго отъ всякой «эмпиріи» нравственнаго долга. Они воскресили для этого стараго практическаго двойника чистаго разума, снабдили его абсолютной властью категорическаго императива, и въ Пантеонѣ будущаго посадили, какъ идеалъ, «общество автономныхъ существъ», являющихся сами для себя цѣлью. Такъ совершилось своеобразное взятіе соціальнаго идеала живымъ на небо, своего рода помазаніе духомъ «этики чистой воли» до сей поры довольно таки загнаннаго соціализма. И хотя, конечно, полное воплощеніе «идеи нравственнаго долга и человѣчности» отлагается въ безконечность, современному же человѣку предоставляется воспринять «справедливость» въ качествѣ наставника добродѣтели, но мы должны отмѣтить и въ этомъ философскомъ иносказаніи уже значительный прогрессъ. Подъ мантіей невразумительнѣйшей метафизики здѣсь скрывается, какъ ни какъ, соціальный младенецъ новыхъ порядковъ, а «этика чистой воли» или, иначе, «воли, лишенной эгоистическихъ мотивовъ», приходитъ на помощь полному уничтоженію классовой эксплоатаціи, принципіально исключающей «чистую волю человѣка». Стоило только совлечь всѣ эти императивы и идеалы съ небесъ и связать ихъ тѣмъ или инымъ путемъ съ соціальной борьбой современности, и ихъ смѣло можно употребить, какъ оружіе противъ старыхъ, отрицающихъ «чистую волю» порядковъ [1]).

---

[1]) Berolzheimer, в. н. с., стр. 410 и слѣд.

Нео-гегеліанецъ Колеръ пытается подойти нѣсколько ближе къ многогрѣшной землѣ и при помощи универсальной исторіи права стремится установить и его культурное значеніе, и его зависимость отъ различныхъ инстинктовъ, религіозныхъ стремленій, гипнотизирующихъ и самогипнотизирующихъ возбужденій, вплоть до границы психоза и «страшной силы духовной заразительности» среди людей. При этомъ Колеръ не желаетъ ограничиваться правомъ какого-нибудь одного народа: «каждое право имѣетъ различный характеръ по мѣрѣ того, какъ оно примѣняется у того или другого народа». Однако во всей культурной исторіи человѣчества право является «какъ откровеніе царящаго среди человѣчества разумнаго духа и его культурнаго стремленія». И это живое, вѣчно измѣняющееся и пестрыми красками блещущее право стремится установить среди людей «упорядоченныя, достаточно сносныя, двигающія культуру условія». Отъ тотемизма черезъ «отдѣльныхъ духовъ» членовъ семьи и групповой бракъ приходитъ Колеръ къ современной семьѣ, черезъ древнѣйшія формы имущественнаго оборота коллективной собственности слѣдитъ онъ за развитіемъ гражданскаго права, въ которомъ теперь устанавливаются новыя задачи: чтобы свободная конкурренція и порожденные ею трёсты «не слишкомъ затягивали петлю на шеѣ человѣка». Государственное и уголовное право, процессъ во всѣхъ его историческихъ формахъ проходятъ у Колера передъ нами, и вездѣ право проявляется въ двоякомъ видѣ: «съ одной стороны, какъ проявленіе культурной жизни, оно есть предметъ человѣческаго знанія, съ другой, оно—вспомогательное средство культуры», при помощи котораго «вѣчно возрождающійся Персей обращаетъ голову Горгоны противъ страшнаго дракона враждебныхъ культурѣ силъ». Какъ щитъ Персея, какъ «необходимое средство для человѣческаго, а вмѣстѣ вселенскаго прогресса»— «божественнымъ было право и таковымъ останется на-

вѣки» [1])... Спрашивается теперь, сумѣетъ ли Персей соціализма обратить правовую Горгону противъ антикультурнаго соціальнаго рабства?

Еще ближе къ дѣйствительности приближается неокантіанецъ Рудольфъ Штаммлеръ, до чрезвычайности воспріимчивый ученый, который сумѣлъ не только впитать въ себя важнѣйшія открытія новѣйшей юриспруденціи, но и придать имъ форму подлинной нео-кантіанской церковности. И этотъ, заимствованный имъ у Когена, языкъ даетъ ему возможность подъ метафизическимъ прикрытіемъ нѣсколько приблизиться къ боевымъ позиціямъ враждующихъ соціальныхъ силъ. Съ философской осторожностью объявляетъ Штаммлеръ право «формой» для соціальной «матеріи», которую онъ, однако, не отожествляетъ цѣликомъ съ преисполненнымъ неблагонадежности «хозяйствомъ». Задачей соціальной философіи оказывается не просто постиженіе закономѣрности ея развитія, а только «закономѣрности, какъ таковой». Основнымъ признакомъ общественнаго сожитія людей является наличность такихъ внѣшнихъ правилъ, которыя извнѣ и независимо отъ личной воли человѣка регулируютъ общественную жизнь. Въ этомъ понятіи, такимъ образомъ, оказывается на лицо «правило», какъ форма, «соціальное хозяйство», какъ матерія соціальной жизни. Одно безъ другого не существуетъ.

Надъ правомъ и хозяйствомъ возвышается какъ разъ «закономѣрность въ себѣ», о которой мы говорили выше; она, въ свою очередь, является удивительнымъ примиреніемъ, съ одной стороны, «неумолимаго закона причинности», а съ другой—свободной «цѣлесообразности», которую самостоятельно и независимо приписываетъ себѣ самъ человѣкъ. Однако причинность и свободное избраніе

---

[1]) Kohler, Rechtsphilosophie und Universalrechtsgeschichte (Encyklopädie der Rechtswissenschaft, begr. von Holtzendorf, Berlin, 1904, B. 1) стр., 17, 20, 21, 27 и слѣд., 69.

цѣли отнюдь не исключаютъ другъ друга. Дѣло въ томъ, что воля не есть сила, а только направленіе нашего сознанія. Поэтому для того, чтобы быть свободнымъ и подчиняться только свободно себѣ поставленнымъ цѣлямъ, человѣкъ долженъ только думать, «какъ будто онъ это можетъ». И это вовсе не нелѣпость, такъ какъ дѣйствовать «свободно» это значитъ дѣйствовать не во имя субъективныхъ цѣлей, а во имя безусловной окончательной цѣли, дающей всѣмъ остальнымъ объективное оправданіе. Въ переводѣ на обыденный языкъ, это обозначаетъ, что человѣкъ достаточно свободенъ тогда, когда онъ отрѣшается отъ анти-соціальныхъ мотивовъ, а дѣйствуетъ во имя блага, которое является въ видѣ свободы всѣхъ [1]).

«Закономѣрность въ себѣ» даетъ далѣе, согласно принципамъ абсолютной цѣли, всеобщности и безусловнаго единства всѣхъ отдѣльныхъ цѣлей, безусловный идеалъ для доброй воли, а именно «общество свободно желающихъ людей». Съ точки зрѣнія этого идеала строится далѣе ученіе о такъ называемомъ «правильномъ правѣ», которое въ цѣляхъ соціальнаго идеала регулируетъ отношенія людей при помощи четырехъ основныхъ принциповъ. Двухъ принциповъ уваженія: 1) содержаніе воли одного не должно быть предоставлено произволу другого; 2) каждое правовое требованіе должно существовать только въ томъ смыслѣ, что обязанный можетъ еще оставаться ближнимъ. И двухъ принциповъ участія: 1) ни одинъ правообязанный не можетъ быть исключенъ изъ общенія; 2) каждая правовая власть распоряженія можетъ только въ томъ смыслѣ слова исключать другого, что исключенный можетъ еще оставаться ближнимъ. Въ переводѣ, опять-таки, на вразумительный языкъ, соціальнымъ идеаломъ Штаммлера является свободное общество

---

[1]) R. Stammler, Wesen des Rechtes und der Rechtswissenschaft (Die Kultur der Gegenwart, systematische Rechtswissenschaft, Berlin, 1906), стр. 16—22. Berolzheimer, в. н. с. стр., 416—421.

людей, въ рамкахъ котораго никто не является для другого средствомъ, при чемъ рядомъ съ законнымъ формальнымъ правомъ онъ признаетъ въ качествѣ «праваго» права то направленіе мыслей, которое вытекаетъ изъ указаннаго идеала. На практикѣ правое право уже теперь проявляется въ вѣрности и честности при исполненіи обязательствъ, въ уклоненіи отъ злоупотребленій семейными правами, въ дѣйствіи по справедливому усмотрѣнію. Это право обозначаетъ твердыя границы договорной свободы и требуетъ, чтобы вообще соблюдались нравственный долгъ, приличіе, добрые нравы и, наоборотъ, избѣгались въ силу справедливости всякій вредъ и убытокъ другому лицу. Въ силу того же праваго права при установленіи истиннаго содержанія сдѣлки требуется нахожденіе дѣйствительной воли, лежащей въ основѣ сдѣлки, разумная оцѣнка случая, истолкованіе согласно вѣрѣ и вѣрности, дополненіе пропущенныхъ пунктовъ договора. Точно такъ же въ силу праваго права иногда преждевременно должны быть закончены различныя правовыя отношенія [1]).

Такъ, подъ покровомъ «пестрой смѣси матеріально обусловленныхъ историческихъ установленій права», рядомъ съ «параграфами и особой матеріей историческихъ правъ», мы находимъ не новое «право», не «кодексъ якобы идеальныхъ правоположеній», не «совокупность соціально-этическихъ нормъ опредѣленнаго содержанія», но «основное направленіе мыслей, цѣлостный формальный способъ опредѣленія и сужденія» людей въ дѣлѣ соціальнаго регулированія... Отъ Штаммлера не скрылась возможность конфликта между дѣйствующимъ правомъ и этимъ сужденіемъ. Дѣйствующее право можетъ оказаться неправымъ,—тогда возникаютъ тяжкіе и воистину трагическіе конфликты. Принципіальная неприкосновенность

---

[1]) R. Stammler, тамъ же, стр. 43 и слѣд. Berolzheimer, в. н. с., 425 и слѣд.

и самодержавіе права, которое такъ отличаетъ его отъ всѣхъ конвенціональныхъ—людьми добровольно соблюдаемыхъ—правилъ, сталкивается съ незаконченностью, условностью и несовершенствомъ даннаго содержанія права. Summum jus summa injuria или, иначе, особое «условное» велѣніе закона, желающее быть «безусловной» высшей нормой для человѣческой воли, это величайшая несправедливость. Единственнымъ выходомъ является здѣсь —истинно желать праваго и ставить его цѣлью своего долга. Только соціальный прогрессъ оправдываетъ идеальныя ожиданія, что указанный конфликтъ постоянно будетъ уменьшаться, а правое право все чаще и тверже будетъ выступать [1]).

Оцѣнивая теорію Штаммлера съ точки зрѣнія соціальныхъ условій настоящаго времени, нельзя не признать, что какъ «соціальный идеалъ», такъ и установленіе необходимой связи между правомъ и соціальнымъ хозяйствомъ могутъ, подобно другимъ нео-кантіанскимъ категоріямъ, выразить до извѣстной степени цѣли эманципаціоннаго движенія и даже быть формулой для борьбы за право быть человѣкомъ. Ученіе о правильномъ правѣ дѣлаетъ еще шагъ въ этомъ отношеніи и подвергаетъ непрестанной критикѣ, съ точки зрѣнія идеала, существующій правовой порядокъ. Однако это—довольно отдаленныя возможности; штаммлеровскій «историческій матеріализмъ» плаваетъ высоко въ небѣ въ видѣ лазурнаго облака и только sub specie aeternitatis созерцаетъ происходящія на землѣ перипетіи соціальной борьбы. Болѣе же всего штаммлеровскія идеи боятся запачкать свое чистенькое платьице въ грязи конкретныхъ, относительныхъ и условныхъ явленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ занять открытую позицію по отношенію къ новому за-

---

[1]) R. Stammler; Die Zukunftsaufgaben des Rechtes und der Rechtswissenschaft (Systematische Rechtswissenschaft), стр. 506, 505 и в. н. с., 58—59.

нимающемуся на рубежѣ столѣтій соціальному строю. Въ высшей степени радикальныя средства въ идеѣ— оказываются совершенно безсильными на практикѣ, а «форма», занявшая столь горделивое положеніе въ соціальной жизни, валится за матеріей во всѣ ея углы и притоны, не различая боевого стана сознательнаго труда и грязнаго прилавка ростовщической эксплоатаціи. Развѣ нѣтъ матеріи и формы въ самыхъ анти-общественныхъ проявленіяхъ жизни, развѣ не можетъ современный предприниматель сердечно вѣровать въ грядущее царство свободно-желающихъ людей, развѣ нельзя, наконецъ, подвести любой гешефтъ подъ правильное право, такъ что каждый порабощенный останется въ идеѣ «ближнимъ»?

Удаленіе въ міръ святыхъ абсолютовъ, неподвижныхъ въ себѣ съ вѣчно переливающимся содержаніемъ, есть весьма обоюдоострый, опасный пріемъ. Спасая всеобщность и неприкосновенность принциповъ, приходится вѣчно прибѣгать къ софистическимъ изворотамъ, чтобы примирить ихъ съ непрестаннымъ нарушеніемъ на дѣлѣ. И какъ ни можетъ быть само по себѣ почтенно желаніе снабдить борющіеся классы и группы нетлѣннымъ оружіемъ выкованныхъ въ философскомъ умозрѣніи доспѣховъ, но они, подобно колеровской правовой Горгонѣ, могутъ быть всегда использованы врагами «общества свободно или, вѣрнѣе, добродѣтельно-желающихъ людей». Не надо забывать судьбы кантовскихъ двойниковъ: въ то время, какъ умозрительный субъектъ проповѣдывалъ абсолютные императивы всяческой свободы и молился абсолютамъ, эмпирическій Голядкинъ не только цинически отрекся отъ всѣхъ боговъ, но и составилъ разрѣшительную грамоту прусскому абсолютизму...

Но если мы даже допустимъ, что можно признать истиной выводы нео-кантіанцевъ, нео-гегеліанцевъ, различныхъ Когеновъ, Наторповъ и Штаммлеровъ, то и тогда

остается тотъ же самый пробѣлъ, который мы выше замѣтили у подлиннаго историческаго матеріализма. Будемъ ли мы исходить изъ понятія матеріи и ея движеніемъ опредѣлять развитіе духа, или, наоборотъ, мы провозгласимъ этотъ самый духъ неизмѣннымъ принципомъ, который опредѣляетъ собой стремленіе матеріальнаго начала къ соціальнымъ идеаламъ,—все равно въ данной формулѣ скрывается неизвѣстное, которое въ большей или меньшей степени игнорируется обѣими сторонами. Слишкомъ легко выставить утвержденіе, что право есть только вѣрный отблескъ формъ производства на идеологическихъ небесахъ, слишкомъ доступно, въ свою очередь, положеніе, которое, связывая неразрывными узами соціальную жизнь, культуру, общественное хозяйство съ правомъ, ищетъ абсолютной справедливости въ формальномъ умозрительномъ началѣ. И въ настоящее время, когда такъ живо начинаетъ чувствоваться колебаніе хозяйственной почвы и такъ явно разваливается покоившееся на ней правовое зданіе, чуть ли не трюизмомъ звучитъ то дорогою цѣною сдѣланное открытіе, которое гласитъ, что право и мораль суть двѣ стороны одного цѣлостнаго соціальнаго процесса.

Ни марксисты, ни кантіанцы не могутъ доказать истинности своихъ положеній до тѣхъ поръ, пока соціологически и психологически не установлены законы преломленія бытія черезъ психику въ идеяхъ и наоборотъ. Другими словами, только научно построенная индивидуальная и коллективная психологія могутъ отвѣтить окончательно на вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ взаимная обусловленность этихъ двухъ началъ, какъ преломляются они въ общемъ центрѣ человѣческихъ чувствъ, представленій и воли. И къ теоретическому интересу присоединяется глубокая практическая потребность; только прослѣдивъ психику этическихъ, эстетическихъ, правовыхъ, религіозныхъ и т. п. переживаній, мы можемъ выяснить

съ полной достовѣрностью вопросъ о томъ, что такое право по отношенію къ хозяйственнымъ явленіямъ и соціальнымъ идеаламъ, какую роль оно можетъ и должно сыграть въ процессѣ общаго преобразованія, какимъ путемъ должно совершиться превращеніе классовыхъ и групповыхъ стремленій въ категорическія, не допускающія возраженій права, наконецъ, какую правовую оболочку, форму или организацію можетъ принять то «общество свободно желающихъ людей», которое возникнетъ на почвѣ не государственнаго, а общественнаго суверенитета.

Л. І. Петражицкому принадлежитъ честь психологическаго обоснованія права въ новѣйшей литературѣ и, хотя онъ оставилъ пока безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій ту область, гдѣ психологія встрѣчается специально съ хозяйственными явленіями и реагируетъ на нихъ, а, съ другой стороны, психологія Петражицкаго цѣликомъ остается въ области индивидуальной и не простираетъ своего вѣдѣнія на то, что называется психологіей коллективной, тѣмъ не менѣе выводы Петражицкаго должны быть признаны имѣющими громадное теоретическое и практическое значеніе.

Съ чрезвычайной послѣдовательностью проводитъ этотъ ученый добытыя имъ данныя въ области нравственности и права, опрокидываетъ созданные здѣсь правовыя и моральныя фантазмы, устанавливаетъ новое опредѣленіе права и смежныхъ ему областей, проводитъ между ними исчерпывающее различеніе и даетъ новую классификацію различныхъ формъ и видовъ права, новую систему объектовъ и субъектовъ правъ, наконецъ, уже здѣсь въ значительной степени раскрываетъ историческую тенденцію различныхъ явленій правовой психики, или, говоря иначе, права. Само собою разумѣется, что такое существенное преобразованіе науки немыслимо безъ новаго распредѣленія ея задачъ и перестройки составляющихъ ее отдѣльныхъ доктринъ.

Характерно, что психологически Петражицкій пришелъ къ теоріи права благодаря импульсу, полученному имъ отъ соціальныхъ условій времени. Уже въ первыхъ своихъ цивилистическихъ трудахъ, въ особенности въ критикѣ гражданскаго уложенія Германіи, нашъ ученый былъ захваченъ мыслію о необходимости созданія особой новой науки, подъ названіемъ «политики права». Эта наука должна была быть «особой дисциплиной, служащей прогрессу и усовершенствованію существующаго правопорядка». Въ ней должна была быть сосредоточена разработка проблемъ законодательства. Политика права должна была воскреснуть подъ знаменемъ возстановленія такъ назыв. естественнаго права, хотя впослѣдствіи Петражицкій рѣзко разграничилъ эту практическую доктрину и старое право разума и природы. Политика права должна была сознательно вести «человѣчество» въ томъ направленіи, «въ какомъ оно двигалось пока путемъ безсознательно эмпирическаго приспособленія и въ соотвѣтственномъ ускореніи и улучшеніи движенія къ свѣту и великому идеалу будущаго». «Совершенное господство дѣйственной любви въ человѣчествѣ», «достиженіе совершенно соціальнаго характера» человѣка—таковъ окончательный идеалъ человѣчества [1]).

Какъ видно, соціальная атмосфера, въ которой развилъ Петражицкій первые начатки своей общей теоріи, обща ему съ его нѣмецкими коллегами. Подобно Менгеру и Штаммлеру, и на него сильнѣйшее впечатлѣніе произвела безпомощность старой юриспруденціи, неспособность ея отвѣтить на крупныя проблемы современности. Однако Петражицкій не удовлетворился сравнительно легкой экскурсіей въ область метафизики и на ней построеннаго нео-кантіанства. Для обоснованія своей политики права онъ прибѣгъ къ психологическому изу-

---

[1]) Л. І. Петражицкій. Введеніе въ изученіе права и нравственности, Эмоціональная психологія. Спб. 1905 г., стр. V—XIII.

ченію «факторовъ и процессовъ мотиваціи человѣческаго поведенія и развитія человѣческаго характера». Базисомъ новой науки должно было стать «спеціальное ученіе о природѣ и причинныхъ свойствахъ права, въ частности, ученіе о правовой мотиваціи и ученіе о правовой педагогикѣ». Психологическая дедукція самонаблюденія, индуктивный методъ—насколько онъ возможенъ—таковы должны были быть методы правовой политики, приведшіе въ концѣ концовъ и къ построенію своеобразной «эмоціональной психологіи», которая и легла въ основу всѣхъ теоретическихъ построеній Петражицкаго.

Да будетъ позволено здѣсь для лучшаго уразумѣнія теоріи Петражицкаго напомнить читателю другого, давно забытаго матеріалиста и ученика Фейербаха, который болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ сдѣлалъ аналогичную Петражицкому попытку преобразованія юриспруденціи и разрушенія старыхъ юридическихъ фантазмъ, загромождающихъ свѣтлое и сознательное развитіе права. Людвигъ Кнаппъ—такъ звали этого философа—дѣлилъ всю юриспруденцію на 3 части; первой, по его теоріи, являлось правовѣдѣніе, которое имѣетъ задачей познаніе правовыхъ положеній въ цѣляхъ выясненія права при помощи его редакціи и интерпретаціи. Второй наукой является политика, какъ знаніе, которое связано временемъ и мѣстомъ, движется тысячеголовымъ интересомъ и не соединимо въ одну науку. Оно познаетъ содержаніе права. Политикъ такимъ образомъ познаетъ содержаніе не только настоящаго, но и рождающагося права, изслѣдуетъ реальное дѣйствіе и обоснованіе правовыхъ институтовъ. Юристъ принимаетъ также участіе въ этомъ познаніи, но онъ, въ такомъ случаѣ, является чѣмъ-то большимъ, чѣмъ юристъ, ибо политика есть созданіе, поддержаніе и разрушеніе права. Какъ вѣчно строющійся синтезъ все новыхъ и новыхъ данныхъ разнообразнѣйшихъ областей вѣдѣнія, политика является своего рода всевѣдущимъ

строителемъ новыхъ юридическихъ нормъ. Наконецъ, философія права имѣетъ своею цѣлью познаніе, разъясненіе и истребленіе правовыхъ фантазмъ и такимъ образомъ постигаетъ самую сущность права. Философія права является абсолютной предпосылкой для разумности дѣйствія политики и права; она очищаетъ правовую область отъ воображенія и пролагаетъ путь для радикальнаго метода, въ которомъ нуждаются какъ политика, такъ и правовѣдѣніе. Методъ философіи права заключается въ выясненіи психологическихъ тенденцій, которыя создаютъ правовыя фантазмы, и главную изъ нихъ — признаніе сверхчеловѣческаго велѣнія права. Эти тенденціи необходимо присущи самому психическому происхожденію права [1]).

Въ своей философіи права Кнаппъ и на самомъ дѣлѣ пробуетъ создать необходимую психо-физіологическую теорію правового мышленія. Онъ исходитъ при этомъ изъ понятія мышленія возбуждающаго мускулы (das Muskelerregende Denken), которое отличается отъ мышленія познающаго и эстетическаго. На почвѣ встрѣчи этого мышленія съ представляющимъ, снабженнымъ опять-таки аффективнымъ аппаратомъ, зарождаются фантастическія представленія нравственности и ея велѣній, какъ чего-то отвлеченнаго отъ человѣка. «Нравственный феноменъ рождается поэтому всякій разъ, какъ только встрѣчается представленіе общественности съ предшествующими ему вегетативными или аффективными влеченіями. И такимъ образомъ, благодаря интенсивности мыслительнаго процесса, водворяется нравственное стремленіе, общественно ограничивающее прежнее непосредственное стремленіе». Весь этотъ процессъ совершается «въ живомъ воспріятіи чувствъ и рѣшается силою противодѣйствующихъ воспріятій

---

[1]) L. Knapp, System der Rechtsphilosophie, Erlangen, 1857, стр. 215 и слѣд., 235 и слѣд., 241—246.

непріятнаго». И фантастическое мышленіе укрѣпляетъ силу слабаго нравственнаго стремленія тѣмъ, что оно поднимаетъ до значенія обожествленныхъ заповѣдей тѣ велѣнія, которыя переданы отдѣльнымъ лицамъ при помощи воспитанія и народнаго мнѣнія въ формѣ велѣній нравственности. «Лишь глубокое познаніе цѣлесообразности нравственныхъ правилъ устраняетъ чувство слабости нравственнаго желанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ все стремленіе къ его фантастическому укрѣпленію» [1]).

Отреченіе и требованіе — Entsagen und Vordern — таково основное противоположеніе, которое лежитъ въ основѣ различенія двухъ видовъ нравственности, морали и права. Нравственное стремленіе является «діаметрально различнымъ, смотря потому, направляется ли оно у размышляющаго лица противъ его собственныхъ или противъ чужихъ побужденій, другими словами, является ли оно отрекающимся или требующимъ. По общему правилу, въ нравственности размышляющій субъектъ, съ одной стороны, обращается противъ притязаній своихъ собственныхъ влеченій, съ другой стороны, противостоитъ притязаніямъ другихъ людей. Нравственность имѣетъ двойное, во внѣ и внутрь обращенное, лицо, основанное на аффектѣ отреченія или дѣйствіи требованія. Въ виду этого нравственность различается на два міра: одинъ, обращенный къ «я» и отвѣтственный внутренно — мораль, другой, обращенный къ «ты», внѣшне отвѣтственный — право [2]).

На стражѣ перваго становится принужденіе аффекта

---

[1]) Тамъ же, стр. 131 и слѣд., 138—144—150.

[2]) Конкретная наличность „требующаго", съ одной стороны, и „отрекающагося" въ его пользу, съ другой стороны, для наличности правового феномена не требуется. Достаточно, если наличность того и другого совершается „in der Idee", такъ какъ есть „in der Sittlichkeit Entsagende an die Niemand etwas fordert und Fordernde denen Niemand die Entsagung reicht", (172).

совѣсти, на стражѣ второго—правовое принужденіе. Однакоже правовое принужденіе можетъ быть устранено совѣстью и аффектъ совѣсти, въ свою очередь, возбужденъ правовымъ принужденіемъ. Отсюда цѣлый рядъ послѣдствій. Мораль субъективна, въ правѣ, напротивъ, требующій ищетъ рѣшенія помимо убѣжденія отрекающагося. И требующій, и отрекающійся оба становятся подъ внѣшнюю объективную силу. Мораль гипотетична по отношенію чужого, но безгранично властвуетъ внутри всего субъекта; право, наоборотъ, всегда переходяще отъ одного субъекта по отношенію къ другому, поэтому принуждающіе аффекты совѣсти относятся здѣсь къ морали такъ, какъ «діалогъ» относится къ «монологу». Аффекты совѣсти, далѣе, отнюдь не ограничиваются областью морали, напротивъ, все право стоитъ подъ вліяніемъ совѣсти. Поскольку право для одной или для обѣихъ участвующихъ сторонъ представляется какъ извѣстное, нѣтъ недостатка въ соотвѣтственномъ моральномъ сужденіи; въ правообязанномъ оно выражается въ видѣ отрицающихъ или признающихъ требованія аффектахъ совѣсти, а у правомоченнаго—въ обращеніи къ соотвѣтственнымъ движеніямъ совѣсти своего противника. «Всякое право, которое не имѣетъ своей высшей санкціи въ совѣсти индивидовъ, есть безсовѣстное право». Правовое принужденіе, которое сопровождаетъ право, только очень рѣдко выражается въ непосредственномъ насиліи, напротивъ, оно дѣйствуетъ психологически на массы и строго обусловлено духовностью человѣка. Однако право отличается отъ морали тѣмъ, что для него безразличны мотивы, по которымъ исполняется присущее ему требованіе. Оно удовлетворяется вполнѣ, разъ только выполнена его задача [1]).

Ясное дѣло, что, разъ право есть чисто психическое

---

[1]) Тамъ же, стр. 150, 151, 155 и слѣд., 187—191, 192, 193—195.

переживаніе, коренящееся въ «двигательномъ, порою безсознательномъ, мышленіи» индивида, то право теряетъ характеръ исключительно государственнаго происхожденія и развивается вездѣ, гдѣ только «я» предъявляетъ «ты» императивное требованіе. Отсюда Кнаппъ находитъ право среди разбойниковъ въ ихъ шайкахъ и бандахъ, среди людей подъ кровомъ различныхъ классовъ и сословій, вездѣ, гдѣ встрѣчается своя частная нравственность, въ обществѣ среди его свѣтскихъ отношеній и т. п. Такъ, лавочный мальчикъ не имѣетъ права спрашивать пышную придворную даму относительно ея здоровья, совѣтникъ не имѣетъ права просить тайнаго къ себѣ въ гости, терпимый выскочка не имѣетъ права пригласить къ винту его превосходительство... и т. д., это право гарантировано и приводится въ исполненіе при помощи выговора, презрѣнія, отлученія отъ общества. И транзитивная, нравственная природа права, имѣющая опору въ принужденіи, нисколько не мѣшаетъ тому, что область нравственности—морали и права—захватываетъ, въ концѣ концовъ, міръ фантастическихъ представленій, неземныхъ существъ, боговъ, чертей, ангеловъ и святыхъ, права которыхъ простымъ преслѣдованіемъ за ересь получаютъ значеніе живой дѣйствительности [1]).

Рядомъ съ «философіей» морали и права Кнаппъ указываетъ намъ истинное содержаніе тѣхъ тенденцій, которыя лежатъ въ основѣ нравственныхъ феноменовъ. Содержаніемъ нравственности является примиреніе индивида съ обществомъ, подчиненіе его соціальнымъ интересамъ вида, человѣчества. Какъ мы видѣли, это совершается сначала при помощи различныхъ фантазмъ, неземныхъ образовъ и представленій, которыя приходятъ на помощь человѣку въ его «Entsagen». Но въ опредѣленный моментъ, когда воспитаніе человѣка до извѣстной степени

---

[1]) Тамъ же, 161—165.

организовано, выступаетъ на сцену точное научное знаніе и философія въ качествѣ убивающаго фантазмы мышленія. Сдѣлавъ свое дѣло, философія умираетъ, она сливается со всеобщей исторической наукой, а «всѣ кровавыя и драгоцѣнныя чудовища безумной вѣры бредутъ, какъ успокоенныя тѣни въ подземномъ царствѣ воспоминанія». Не философія, а точная продуктивная наука остается единымъ хранителемъ фактовъ и ведетъ человѣчество въ его дальнѣйшей исторіи. И въ борьбѣ съ интересами отдѣльной личности постепенно побѣждаетъ человѣчество. Съ устраненіемъ дикой фантазмы отрѣзаннаго отъ человѣчества «я», человѣкъ видитъ въ ближнихъ только то же самое, что и онъ самъ, а съ исчезновеніемъ миѳа «безсмертной души» исчезаетъ главная опора антисоціальнаго эгоизма. «Борецъ за идею приноситъ свою смертную жертву не съ сознаніемъ гибели самого себя, а какъ возрожденіе своей личности въ очищенномъ во стотысячемилліонократномъ продолженіи своего бытія въ отдѣльныхъ жизняхъ». Вполнѣ естественно, что право, столь тѣсно уже теперь связанное съ совѣстью, чѣмъ дальше, тѣмъ больше отрѣшается отъ физическаго принужденія и достигаетъ этимъ не только высшей, наиболѣе быстрой, но и успѣшной дѣйствительности. И та «безграничная человѣческая любовь, которая представляетъ полное сліяніе «я» съ человѣчествомъ, ведетъ къ совершенному уничтоженію эгоизма, является полнымъ завершеніемъ морали, небомъ на землѣ, въ которомъ сливаются, какъ ручьи въ долинѣ, всѣ нравственныя теченія» [1]).

Такова теорія Кнаппа, изложенная въ его первомъ опытѣ въ области психологическаго права и морали. Если припомнить, что Петражицкій въ значительной степени совпадаетъ, а частью приближается къ Кнаппу въ своей эмоціональной психологіи, въ своихъ исходныхъ пунктахъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 39, 133, и дальше, 158, 184, 185, 194.

для построенія нравственности и права, въ своей борьбѣ противъ юридическихъ фантазмъ и даже въ окончательномъ соціальномъ идеалѣ—любовь, какъ цѣль политики права,—то нельзя не замѣтить, что сравненіе этихъ двухъ мыслителей должно представить большой интересъ. Одинъ—во всеоружіи современныхъ юридическихъ знаній и психологіи, другой—послѣдовательно мыслящій матеріалистъ въ духѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія; одинъ, стоящій среди полнаго развитія соціальныхъ бурь современности, другой — едва испытавшій на себѣ первый взрывъ 1848 г., одинъ—создатель обширнаго ряда выдающихся изслѣдованій въ области гражданскаго права, правовой психологіи и общей теоріи права, другой—скромный авторъ небольшой, забытой всѣми философской книжки—и, однако, несмотря на все различіе ихъ общаго міровоззрѣнія и пріемовъ изложенія, несмотря на все смѣшеніе quasi-физіологической и психологической точки зрѣнія у матеріалиста Кнаппа, два мыслителя, раздѣленные полустолѣтіемъ, встрѣчаются другъ съ другомъ и взаимно поддерживаютъ и разъясняютъ другъ друга: они объединены общимъ психологическимъ методомъ, они оба ищутъ разрѣшенія своей проблемы въ психологіи единаго, реально существующаго центра общественнаго творчества—въ психологіи отдѣльнаго человѣка.

Въ слѣдующей главѣ мы попробуемъ въ подробностяхъ прослѣдить сходство и различіе между ученіемъ Петражицкаго и наиболѣе приближающимися къ нему положеніями изложенныхъ нами выше писателей.

III.

Психологическая теорія права.

Когда Петражицкій предпринялъ свое психологическое обоснованіе права, онъ не могъ не наткнуться на

шаблонную, застывшую въ традиціонныхъ формахъ, психологію. Правовыя переживанія въ видѣ различныхъ психологическихъ движеній, правовые императивы, ощущаемые человѣкомъ въ качествѣ какихъ-то велѣній, обязательныхъ для внутренней его жизни и дѣйствій, — все это совершенно не умѣщалось въ рамкахъ рутинной системы, стоящей отъ вѣка на трехъ знаменитыхъ китахъ: на чувствахъ, на мышленіи, на волѣ. Психологія этики и права оказывалась въ значительной степени исключенной изъ старой психологіи, и передъ нашимъ авторомъ стояла неотвратимая дилемма: или отречься совсѣмъ отъ созданія всеохватывающей и цѣльной теоріи права, построенной на психологическомъ базисѣ, или же присоединиться къ новому, реформаторскому теченію въ психологіи.

Петражицкій остановился на послѣднемъ рѣшеніи, и если намеки и начатки своей психологіи онъ далъ еще въ своихъ болѣе раннихъ, юридическихъ сочиненіяхъ, то, начиная съ «Очерковъ философіи права», онъ уже ясно избираетъ реформаторское направленіе и въ «Мотивахъ человѣческихъ поступковъ» и въ «Введеніи въ изученіе права и нравственности» рѣшительно становится на новый путь, который и приводитъ его къ завершенію психологической теоріи права. Для психологовъ особенно важное значеніе должно имѣть безспорно упомянутое «Введеніе»; опираясь на глубокое изученіе современныхъ психологическихъ теорій, Петражицкій даетъ здѣсь въ высшей степени изящную критику традиціонныхъ воззрѣній, разбиваетъ на строго методологической основѣ общепринятыя начала тройственной психологіи и, отвергая каждаго изъ трехъ «китовъ», какъ ненаучныя категоріи, сводитъ въ концѣ концовъ психику человѣка къ первоначальному единству. Въ этомъ отношеніи вмѣстѣ со своимъ отдаленнымъ предшественникомъ онъ могъ бы воскликнуть: здѣсь «все едино» и «нѣтъ никакихъ окончательныхъ различій».

Это первоначальное единство, представляющее особый

интересъ для соціолога и юриста, устанавливается Петражицкимъ какъ разъ въ той области, которая особенно близка зоологическому міру, стоитъ на границѣ субъективной психики и объективнаго приспособленія. И нельзя не отмѣтить, что уже покойный Н. К. Михайловскій, благодаря своимъ изслѣдованіямъ въ области животнаго мимизма, массовой подражательности, различныхъ психозовъ, вродѣ эпидемической хореи и мерячества, благодаря, наконецъ, внимательному изученію отношеній «героевъ» и «толпы», пришелъ къ необходимости изученія особыхъ психическихъ «факторовъ», «внутреннихъ двигателей», особыхъ «импульсовъ», которые должны объяснить и «всѣ явленія коллективнаго увлеченія и нравственныхъ эпидемій». Въ своихъ статьяхъ, посвященныхъ указаннымъ вопросамъ, Михайловскій привелъ массу фактовъ и богатую коллекцію примѣровъ, которые ярко рисуютъ намъ картину психо-моторныхъ движеній и заставляютъ признать, «что всякое представленіе да и всякій психическій актъ вообще заканчивается безсознательными непроизвольными движеніями», правда, эти «психо-моторныя движенія» далеко не оказываются всегда достаточно цѣлесообразными. Однако же, нельзя не признать ихъ громадной роли въ дѣлѣ приспособленія живыхъ существъ къ окружающей средѣ. Къ сожалѣнію, Михайловскій не могъ докончить своихъ изслѣдованій, и хотя научная психологія современности его глубоко не удовлетворяла, а психологическое невѣжество нашихъ юристовъ и незнакомство съ психической мотиваціей его искренно печалило, самъ онъ не успѣлъ дать той законченной соціальной психологіи, которая, по его мнѣнію, была такъ необходима [1]).

Отказъ отъ различныхъ фантастическихъ представленій

---

[1]) Н. К. Михайловскій, Сочиненія. Т. II, стр. 104—106, 122, 126, 127, 135, 137, 139, 143, 150, 209, 212, 304—314.

въ области психологіи и обращеніе къ чисто-научному методу—отчасти подъ вліяніемъ успѣховъ зоологіи и физіологіи - заставило не одного Михайловскаго обратиться къ положительному изученію новыхъ фактовъ и построенію исчерпывающей ихъ теоріи. Міръ «безсознательнаго» привлекъ къ себѣ вниманіе не однихъ только Карпентеровъ и Спенсеровъ, съ одной стороны, Гартмановъ и ихъ приверженцевъ—съ другой. У нашего матеріалиста Кнаппа мы встрѣчаемъ попытку построить чисто-научную, позитивную психологію не менѣе рѣшительную, чѣмъ у современныхъ ему, а отчасти послѣдующихъ французскихъ и англійскихъ психологовъ. И у нашего Кнаппа на первый планъ выдвигается особое «безсознательное мышленіе», которое входитъ, какъ одинъ изъ процессовъ, въ общее теченіе человѣческаго мышленія. И у этого писателя мы находимъ указанія на моторную функцію мышленія, при чемъ «каждое обнаруженіе его—будь то аффектъ или дѣйствіе—является только моторнымъ (или мускулы-возбуждающимъ—muskelerregendes) мышленіемъ, а, слѣдовательно, продуктомъ возбужденія со стороны мыслительнаго органа и возбуждаемости моторныхъ приспособленій. Даже особую опасность видитъ нашъ писатель въ той быстротѣ, съ которою работаютъ мускулы подъ вліяніемъ мозга: «разъ только длится секунду представленіе безъ противодѣйствія, тотчасъ же сжимается мускулъ, наносится смертельная рана и бѣшенство безсильнаго отчаянія бросаетъ преступника на его жертву» [1]).

«Безсознательное мышленіе, по теоріи Кнаппа, производитъ во всей мускульной системѣ—какъ произвольной, которая преимущественно служитъ дѣйствіямъ, такъ и непроизвольной, которая также служитъ аффектамъ—цѣлый рядъ весьма тонко оттѣненныхъ возбужде-

[1]) L. Knapp, System de Rechtsphilosophie, Erlangen, 1857 г., стр. 58—61, 65.

нiй, которыя, уменьшаясь во снѣ, прерываясь въ обморокѣ, оканчиваются лишь со смертью. При помощи этихъ закономѣрныхъ и потому понятныхъ мускульныхъ отраженiй выносятся на наружную поверхность тѣла, на волнообразную поверхность кожи безсознательныя, а, слѣдовательно, наиболѣе внутреннiя и скрытыя состоянiя духа и такимъ образомъ обнаруживаются для всего круга умѣлыхъ наблюдателей... такъ какъ склонность и отвращенiе, довѣрiе и подозрительность опредѣляются двойственной—воспринимающей и производящей («productive und receptive»)—дѣятельностью безсознательнаго мышленiя, которое при помощи выработанной дипломатiи аффектовъ регулируетъ формы обращенiя... Влiянiе безсознательнаго мышленiя, однако, никоимъ образомъ не ограничивается одними аффектами; оно господствуетъ и въ сознательныхъ движенiяхъ, сознанiе можетъ освѣщать только узкую полосу главнаго направленiя движенiй, самое же выполненiе массы подчиненныхъ движенiй должно быть предоставлено содѣйствiю безсознательнаго мышленiя». И ясное дѣло, что послѣ того, какъ выяснено, что «безсознательное мышленiе при извѣстныхъ условiяхъ можетъ выполнить все, что производитъ сознательное, то и самое сознанiе нельзя считать существенно опредѣляющей причиной: такъ какъ этотъ факторъ не необходимъ, то его слѣдуетъ разсматривать только лишь въ качествѣ сопровождающаго, хотя и въ высшей степени полезнаго проявленiя для дѣйствiя... Въ аффектѣ страха или радости могутъ быть выполнены сложнѣйшiя движенiя... однако, рѣдкость подобныхъ случаевъ указываетъ, съ другой стороны, на полезность сознанiя въ процессѣ обнаруженiя мысли. Тѣмъ не менѣе, несмотря на безспорность пользы, для насъ имѣетъ важность только несущественность проявленiя сознанiя» [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 70—72.

Для того, чтобы показать на примѣрѣ значенiе такого рецептивно-продуктивнаго и вмѣстѣ безсознательнаго мышленiя, Кнаппъ приводитъ намъ случаи, когда и сознательный и безсознательный процессъ оказываются вполнѣ тождественными по своимъ результатамъ: «гдѣ нѣсколько людей неожиданно должны озаботиться охраненiемъ своей жизни или своей одежды, гдѣ, напримѣръ, глазѣющiе зрители внезапно оказываются подъ угрозой качающейся стѣны или направленной на нихъ пожарной трубы, тамъ обычно всѣ дѣлаютъ одно и то же—всѣ бѣгутъ оттуда: и тѣ, которые вполнѣ сохранили сознанiе, и тѣ, которые потеряли присутствiе духа. То, что говорится здѣсь о различныхъ субъектахъ, въ равной степени можно сказать и о различныхъ перiодахъ мыслительнаго процесса: когда сильное раздраженiе обращаетъ мышленiе въ страсть—сознанiе можетъ присутствовать или нѣтъ безъ какой бы то ни было перемѣны въ дѣйствiи» [1]).

Психическiй духовный факторъ Михайловскаго, точно такъ же какъ безсознательное мышленiе Кнаппа, находятъ свою полную аналогiю въ ученiи Петражицкаго. «Хозяиномъ» человѣческой жизни, «факторами, рѣшающими и управляющими въ области тѣлодвиженiй и вообще осуществленiя... бiологической функцiи психики, являются не тѣ элементы, о которыхъ думаетъ традицiонное психологическое ученiе, а эмоцiи. Что же касается элементовъ познанiя, чувства и воли, то они играютъ лишь роль добавочныхъ, подчиненныхъ и вспомогательныхъ психическихъ процессовъ, служащихъ эмоцiямъ въ качествѣ средства болѣе совершеннаго эмоцiональнаго приспособленiя». Понимая подъ эмоцiями двустороннiя, пассивно-активныя переживанiя или «моторныя возбужденiя», Петражицкiй совершенно вѣрно замѣчаетъ, что «громад-

---

[1]) L. Knapp, в. н. с., стр. 72—73.

*

ное большинство эмоцій», даже «все, кроме некоторыхъ, весьма немногихъ, протекаютъ незаметно для переживающихъ ихъ и недоступны открытію для невооруженнаго взора. Мы переживаемъ ежедневно многія тысячи эмоцій, управляющихъ нашимъ теломъ и нашей психикой... заставляющихъ психо-физическій аппаратъ изменяться и действовать такъ, какъ это соответствуетъ ихъ команде; но сами эти хозяева и управители остаются нормально незамеченными». Это—цепь безчисленныхъ, сменяющихъ другъ друга, нормально скрытыхъ и невидимыхъ эмоцій... Такъ эмоціи въ силу «своей двойственной раздражительно-моторной природы» представляютъ собой «коррелятъ двойственной центростремительной, центробежной, анатомической структуры нервной системы и двойственной, раздражительно-моторной физіологической функціи этой системы и прототипъ психической жизни вообще съ ея двойственнымъ пассивно-активнымъ характеромъ». Или иначе, говоря словами Кнаппа, «передача возбужденія мыслительнаго органа на моторные нервы производитъ сокращеніе мускуловъ, а вследствіе этого и создаетъ историческій процессъ жизни»... [1]).

Итакъ, безсознательный процессъ жизни есть основной и первичный. Не разумъ съ его ясными и чистыми категоріями и стремленіями къ единству, не воля, какъ сознательный процессъ односторонне-активнаго начала, не свободное творчество кантовской самоцельной личности, пришедшей въ міръ, дабы путемъ неуклоннаго следованія категорическому императиву перейти въ разрядъ не феноменовъ, а нуменовъ, умопостигаемыхъ сущностей. И если мы припомнимъ, что какъ разъ въ этой массе вечно движущейся темной безсознательной жизни покоится все богатство уже унаследованнаго человекомъ

[1]) Петражицкій, Введеніе въ изученіе права и нравственности, эмоціональная психологія, Спб., 1905 г., стр. 268—270, 266. Knapp, тамъ же, стр. 61.

приспособленія, то сразу же мы начинаемъ сознавать всю важность такой исходной точки зрѣнія на психическую жизнь человѣка. Недаромъ Петражицкій съ такой подробностью и вниманіемъ останавливается на отдѣльныхъ психическихъ рядахъ эмоціональной жизни человѣка, характеризующихъ собой его дѣятельность, главнымъ же образомъ дѣятельность экономическую.

Уже Авенаріусъ установилъ, что всѣ психическіе феномены представляютъ собой постоянные болѣе или менѣе легко отдѣлимые другъ отъ друга ряды, которые при всемъ своемъ различіи представляютъ опредѣленныя общія черты; эти ряды совершенно одинаковы въ духовной дѣятельности ребенка или дикаря, съ одной стороны, и творческаго генія, съ другой. Изъ среды этихъ психическихъ рядовъ выдѣляются особые жизненные ряды, которые въ свою очередь дѣлятся на независимые и зависимые: первые, согласно терминологіи Мацата, можно назвать рабочими рядами, вторые—мыслительными. Независимые ряды опять-таки могутъ быть раздѣлены на двѣ части: одни, благодаря предшествующему частому упражненію, протекаютъ просто и однообразно, можетъ быть, даже безъ психическихъ сопроводителей, другіе же, теченіе которыхъ отличается отъ предшествующаго упражненія, являются преимущественно носителями или средствами для опредѣленія сознанія. Замѣчательною чертою всѣхъ этихъ «рядовъ» оказывается далѣе то, что каждый изъ нихъ, будучи варіаціей предшествующихъ упражненій, является сосредоточеннымъ на одномъ какомъ-нибудь опредѣленномъ родѣ дѣятельности, такъ что параллельное и совмѣстное существованіе нѣсколькихъ такихъ рядовъ невозможно [1]).

У Петражицкаго мы находимъ аналогичные ряды «моторныхъ возбужденій», которые, однако, приводятся

[1]) N. Matzat, Philosophie der Anpassung, Jena 1903, стр. 100 и слѣд.

имъ безъ какой бы то ни было дальнѣйшей систематики, только въ видѣ иллюстраціи къ его эмоціональной психологіи. Останавливаясь на шаблонной теоріи голода, какъ психической причины, лежащей въ основѣ человѣческой дѣятельности, Петражицкій очень удачно анализируетъ различные «ряды», и притомъ не только связанные съ голодомъ, но и охотничьи, рыболовные, рабочіе, спортивные и т. п., дающіе яркую картину унаслѣдованныхъ нами отъ отдаленнѣйшихъ предковъ переживаній. Обращаясь, подобно Кнаппу, противъ грубаго и элементарнаго сведенія психической жизни человѣка къ «страданію» и «удовольствію», Петражицкій рисуетъ намъ частью индифферентные, частью сопряженные съ своеобразной переоцѣнкой «удовольствія» процессы, гдѣ опредѣленная эмоція является отъ начала до конца господствующимъ стимуломъ ряда [1]).

На этихъ рядахъ Петражицкаго особенно ярко оправдывается то замѣчаніе Шнейдера, которое онъ сдѣлалъ относительно различія между психическими и животными явленіями. Именно на эмоціональныхъ рядахъ движеній мы видимъ, какое преимущество даютъ не только явленія сознанія, но и одно только дѣйствіе привлекательности— Attraction—и отвращенія—Repulsion, то притягивающее, то отталкивающее насъ психически безсознательно отъ предметовъ внѣшняго міра. Но этого мало. Согласно ученію Авенаріуса, мы накопляемъ цѣлый «составъ» логическаго, эстетическаго и этическаго характера, который является своего рода унаслѣдованнымъ отъ предковъ складомъ накопленныхъ вѣками переживаній, которыя всѣ получаютъ жизнь и движеніе во время развитія того или другого психическаго ряда [2]).

---

[1]) Л. Петражицкій, Введеніе, стр. 229 и слѣд., L. Knapp, в. н. с., стр. 99 и слѣд.

[2]) Schneider, Der menschliche Wille vom Standpunkte der neueren Entwickelungs Theorien, цитирую по Мацату, в. н. с., стр. 98. Авенаріусъ, тамъ же стр. 100 и слѣд.

И вотъ мы видимъ, какъ у Петражицкаго идетъ и развивается эмоція голода-аппетита, превращающаго весь организмъ въ спеціальное орудіе «психо-физическій аппаратъ вообще, годный для производства многихъ и весьма различ. дѣйствій, на время въ аппаратъ спеціально приноровленный къ дѣлу успѣшнаго питанія и вызывающій» во всемъ организмѣ «такія безчисленныя измѣненія»... которыя въ совокупности представляютъ «безсознательно геніальное» приспособленіе къ успѣшному осуществленію функціи питанія». Голодъ повышаетъ вниманіе человѣка по отношенію къ впечатлѣніямъ, которыя связаны съ предметами питанія. Онъ увеличиваетъ воспріимчивость органовъ внѣшнихъ чувствъ, служащихъ дѣлу питанія, главнымъ образомъ вкуса и обонянія, онъ дѣйствуетъ и на мозгъ, вызывая раздраженіе и дѣйствіе этихъ элементовъ центральной нервной системы. Онъ вызываетъ прямо физіологическія измѣненія въ железахъ и мускулахъ, наконецъ, дѣйствуетъ на общее возбужденное состояніе другихъ связанныхъ съ питаніемъ органовъ и т. д. «Это положеніе вполнѣ естественно и понятно съ точки зрѣнія естественнаго подбора, т. е. совершенствованія въ теченіе множества тысячелѣтій организмовъ путемъ скорѣйшаго вымиранія менѣе приспособленныхъ и наслѣдственнаго перехода измѣненій къ лучшему въ направленіи приспособленія къ условіямъ жизни». Здѣсь идетъ рѣчь, однако, о приспособленіи «къ общимъ, обычнымъ, преобладающимъ въ массѣ случаевъ условіямъ жизни, и при томъ жизни не настоящаго поколѣнія, какъ такового, а большихъ рядовъ предыдущихъ поколѣній». Это—мысль, которую мы находимъ и у современныхъ эволюціонистовъ. «Въ строеніи нашего тѣла обнаруживается безконечно древній великій разумъ, который безконечно превосходитъ нашъ собственный; онъ есть сумма всѣхъ идей цѣлесообразности, которыя были восприняты и воплощены въ движеніе всѣми безчисленными милліонами нашихъ животныхъ

предковъ, начиная съ самыхъ начальныхъ рыбъ... или даже отъ мельчайшихъ червей». Неудивительно поэтому, что «многія движенія, которыя служатъ нѣсколькимъ цѣлямъ, являются въ качествѣ движеній безсознательныхъ». И если исчезла первоначальная идея цѣли унаслѣдованныхъ нами движеній, то цѣлесообразность ихъ осталась... На примѣрѣ удовлетворенія жажды, занятій охотою, рыболовствомъ, на дѣтскихъ играхъ и забавахъ въ связи съ играми животныхъ, наконецъ, на цѣломъ рядѣ рабочихъ моторныхъ возбужденій показываетъ Петражицкій, какъ соединяются унаслѣдованныя нами эмоціи, порою совершенно излишнія при современныхъ условіяхъ съ возбужденіями, рождающимися на почвѣ новыхъ переживаній... [1])

Переходъ отъ эмоцій «матеріальныхъ» къ эмоціямъ «идеальнаго» характера не могъ представить для Петражицкаго особенныхъ затрудненій, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Л. Кнаппъ, «только благодаря незнакомству съ чувствительной способностью мускульнаго аппарата, превращающаго чистыя идеи въ живыя воспріятія, измѣряемыя сокращеніемъ кожи и пульса, и вербующаго такимъ образомъ безчисленныхъ наемниковъ чувственнаго міра для міра идей—могъ сохранить идеализмъ свое кипящее ужасомъ отвращеніе къ матеріализму естествоиспытателя» [2]).

Современная эволюціонная психологія даетъ Петражицкому возможность построить цѣлую скалу мотивацій, при чемъ онъ различаетъ отъ эмоцій, имѣющихъ опредѣленное и спеціальное содержаніе, другія, въ которыхъ характеръ и направленіе нашего поведенія опредѣляется содержаніемъ связаннаго съ эмоціей представленія. Этотъ видъ эмоціи является въ высшей степени важнымъ для

---

[1]) Петражицкій, Введеніе, стр. 228 и слѣд., Matzat, в. н. с., стр. 102—103.

[2]) Knapp, в. н. с., стр. 109—110.

правовой психологіи, такъ какъ здѣсь двигательное представленіе не требуетъ одной только какой-нибудь опредѣленной акціи или дѣйствія, но является эмоціей сопряженной съ идеей общаго представленія, общаго направленія будущей дѣятельности человѣка. Такимъ образомъ— путемъ ли унаслѣдованныхъ представленій или подъ вліяніемъ импульсовъ подражательности или того внушенія, которое дается проповѣдникомъ съ каѳедры, или командиромъ, стоящимъ во главѣ полка, складывается опредѣленная эмоція отвлеченнаго типа, которая въ свою очередь является только формой для воспріятія самаго различнаго содержанія. И различая, далѣе, согласно теоріи Петцольда-Авенаріуса различные «составы» накопленныхъ мотивацій въ душѣ человѣка (эти писатели различаютъ три особыхъ состава: логическій, эстетическій и этическій) возможно, какъ это дѣлаетъ Петражицкій, установить и соотвѣтственные классы нормативныхъ переживаній. Этихъ классовъ Петражицкій насчитываетъ три: эстетическихъ, этическихъ (моральныхъ и правовыхъ) и интеллектуальныхъ переживаній, при чемъ послѣднія особенно выдвигаются въ «Введеніи», гдѣ Петражицкій разбираетъ такъ называемыя теоретическія эмоціи и роль эмоціональныхъ возбужденій въ чисто логическомъ процессѣ [1]).

Вполнѣ правъ поэтому Петражицкій, когда онъ такъ называемыя «абстрактныя» или «бланкетныя» эмоціи выдвигаетъ на первый планъ; онѣ именно представляютъ собой ту психическую почву, или, вѣрнѣе, то орудіе, при помощи котораго не только человѣкъ управляетъ человѣкомъ, но и вообще складывается регулированіе соціальнаго поведенія. Это—психическій аппаратъ наилучшей, наиболѣе доступной чужому вліянію формы. Самые

---

[1]) Петражицкій, Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности. Спб. 1907. Т. I стр. 10 и слѣд. Matzat, в. н. с., стр. 105 и слѣд.

различные мотивы могутъ быть положены въ основу его построенія, и будутъ ли это мотивы рабской души, приспособившей свою психику къ импульсамъ страха, будутъ ли это мотивы наемника или нравственно свободнаго и любящаго человѣка—всѣ они способны въ концѣ концовъ дать абстракцію, связанную съ живой эмоціональной основой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вступать въ дѣйствія всякій разъ, какъ только будетъ вызвана внѣшними или внутренними причинами именно данная эмоція. Положительныя велѣнія, просьбы, мольбы, совѣты, «чувство долга», «сознаніе права», велѣнія совѣсти—все это въ одинаковой мѣрѣ порождаетъ тѣ или другія акціи въ зависимости отъ того, какое содержаніе вливается въ эту открытую форму психики, снабженную напередъ своимъ особымъ двигательнымъ мотивомъ. Въ душѣ каждаго человѣка такимъ образомъ имѣется своеобразный «составъ», своего рода категорія практическаго разума, снабженная живой двигательной системой, вѣчно наполняемая все новымъ и новымъ содержаніемъ. Къ сожалѣнію, для насъ еще не совсѣмъ ясны тѣ пути, которыми создается этотъ самый составъ. Эволюціонисты пробуютъ свести всю борьбу между истиной и ложью, уродствомъ и красотой, добромъ и зломъ, правомъ и неправомъ исключительно къ борьбѣ уже имѣющихся въ «составѣ» нравственныхъ, эстетическихъ и логическихъ переживаній, съ массою новыхъ, стремящихся въ этотъ составъ, воспріятій и двигательныхъ сужденій. Это своего рода вѣчный поединокъ между старымъ и новымъ. Врядъ ли, однако, послѣ изслѣдованій Михайловскаго и Тарда, послѣ трудовъ по организаціи внушенія со стороны Кржививцкаго можно считать данный вопросъ разрѣшеннымъ, особенно въ такой однотонной формулѣ; и, пожалуй, правъ Петражицкій, когда онъ, ограничиваясь нѣкоторыми замѣчаніями о согласіи своемъ съ основными положеніями эволюціонизма, оставляетъ пока въ сторонѣ этотъ нерѣшенный вопросъ

и прямо переходитъ къ анализу психологіи права и нравственности.

Тѣ двигательныя представленія, которыя лежатъ въ основѣ интеллектуально-эмоціональнаго ряда, распадаются, въ свою очередь, по теоріи Петражицкаго, на разныя категоріи, сообразно тому, изъ чего они состоятъ. Здѣсь прежде всего возможно представленіе цѣли или будущихъ подлежащихъ осуществленію дѣйствій. Однако, представленія цѣли далеко не являются господствующими среди логическихъ возбудителей дѣятельности. Подавляющая масса человѣческихъ дѣйствій основывается совершенно не на цѣлевой, телеологической мотиваціи. Напротивъ того, масса дѣйствій совершается не «для того чтобы», а «потому что». Такимъ образомъ, возбудителемъ можетъ явиться представленіе уже совершившагося факта, по самой природѣ своей относящееся не къ будущему, а къ прошедшему. Эту мотивацію, такъ же какъ и представленіе, выходящее изъ наличнаго факта—Петражицкій называетъ основными. Отъ этихъ мотивовъ отличаетъ Петражицкій объектную или предметную мотивацію, гдѣ эмоція возбуждается воспріятіемъ извѣстнаго предмета. Независимо отъ этихъ мотивовъ, Петражицкій устанавливаетъ еще такія эмоціи, гдѣ возбуждающимъ элементомъ является самое представленіе тѣхъ или другихъ поступковъ, которые въ качествѣ «гадкихъ» или «злыхъ» вызываютъ въ душѣ человѣка непосредственное чувство влеченія или отвращенія. Это—акціонная или самодовлѣющая мотивація [1]).

Нельзя признать подобную классификацію достаточно полной и систематичной; спрашивается, развѣ не можетъ быть цѣлью нашего дѣйствія и при томъ совершенно сознательнаго, цѣлесообразнаго дѣйствія, предметъ, который находится въ наличности? Къ какому классу мотиваціи

[1]) Петражицкій, Теорія права, стр. 19 и слѣд.

должно отнести лежащую въ основѣ эмоцію? Есть ли это цѣлевая, основная или предметная? Основой нашего представленія здѣсь является наличный предметъ, которымъ мы желаемъ овладѣть. Для того, чтобъ овладѣть имъ, мы строимъ цѣлую систему цѣлесообразно-координированныхъ дѣйствій. Такъ, основная мотивація превращается въ цѣлевую, а наличный объектъ становится цѣлью. Гдѣ здѣсь кончается объектная мотивація, гдѣ начинается цѣлевая? Однако, мы пойдемъ еще дальше: при построеніи системы своихъ дѣйствій я необходимо буду исходить изъ представленія образа ихъ совершенія — особенно, если дѣло идетъ о предпріятіи среди и при помощи людей, и такимъ образомъ моя мотивація принимаетъ элементъ «акціонный», а въ мое представленіе входитъ новый мотивъ, который подчасъ оказывается настолько сильнымъ, что можетъ совершенно пресѣчь дѣйствія всѣхъ моихъ предметныхъ, основныхъ и цѣлевыхъ эмоцій, связавшихся въ нераздѣлимый клубокъ. Мы считаемъ въ виду этого болѣе осторожнымъ и соотвѣтствующимъ истинѣ утвержденіе Кнаппа, что въ нашемъ мышленіи, поскольку оно является двигательнымъ и возбуждающимъ тѣлесную дѣятельность, весьма трудно разграничить въ качествѣ независимыхъ мотивовъ эмоціи, связанныя съ познающимъ и творчески-художественнымъ мышленіемъ, которыя являются необходимо сопутствующими нашему двигательному сознанію. «Въ каждомъ конкретномъ проявленіи возбуждающаго дѣятельность мышленія постоянно находится въ общемъ, взаимно другъ друга проникающемъ смѣшеніи эстетическое и познающее мышленіе, такъ что, если представленіе возбуждающе бьетъ на мускулы, оно при этомъ, однако, неизбѣжно опирается на познаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ становится подъ мѣрило красоты» [1]).

---

1) Петражицкій, Теорія права, т. I, стр. 13 и слѣд., Кнарр, стр. 141—142.

Мы бы, со своей стороны, присоединяясь къ Кнаппу и выдѣляя въ особую категорію сознательную мотивацію, слѣдующимъ образомъ видоизмѣнили бы систему Петражицкаго: въ первую категорію зачислили бы мы мотивы, основанные на ясно сознанныхъ представленіяхъ— субъективной и объективной причинности, эстетической и нравственной оцѣнки, практической цѣлесообразности. Цѣлевая мотивація Петражицкаго такъ же, какъ и его акціонная, а частью основная цѣликомъ поглощаются этой категоріей. При примѣненіи указанной мотиваціи къ отдѣльнымъ предметамъ и дѣйствіямъ мы, конечно, можемъ получить оцѣнку ихъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, однако, на нашъ взглядъ именно категорія «оцѣнки» является существеннымъ понятіемъ для всей первой категоріи. Разъ элементъ оцѣнки уходитъ прочь, и дѣйствія, вначалѣ сознательныя, становятся безсознательными, то мотивы, двигающіе и возбуждающіе дѣйствіе въ силу оцѣнки, смѣняются другими мотивами— символа, знака, сигнала и т. п. Классификація подобныхъ сигналовъ могла бы дать намъ приказы, повелѣнія, условныя движенія, внушенія и т. п.—молитвенныя, танцовальныя, военныя, судебныя и т. д., или, по самому свойству сигнализаціи—зрительныя, слуховыя, осязательныя и т. д. Наконецъ, независимо отъ сигнальной мотиваціи мы можемъ выдѣлить мотивацію предметную, къ которой мы можемъ смѣло присоединить и мотивы, вызываемые представленіемъ своего или чужого дѣйствія или иного явленія. Эта мотивація, по утвержденію Петражицкаго, «представляетъ» наиболѣе обыденный и распространенный видъ мотиваціи въ человѣческой и тѣмъ болѣе животной жизни: «питаніе, въ томъ числѣ тѣлодвиженія ѣды, питія, охоты... половая жизнь, тѣлодвиженія спасенія отъ грозныхъ враговъ...—зиждутся въ животномъ царствѣ именно на предметной мотиваціи».

Мы не можемъ не замѣтить здѣсь же, что, не разли-

чая въ видовомъ отношеніи оцѣночной мотиваціи отъ символической и предметной, Петражицкій лишается вмѣстѣ съ тѣмъ необходимаго критерія для классификаціи мотивовъ съ эволюціонной точки зрѣнія. А между тѣмъ нельзя не признать, что именно такой критерій необходимъ для надлежащаго пониманія перехода отъ предметной или животной мотиваціи къ символу,—который уже въ значительно большей степени присущъ человѣку, чѣмъ животному, и характеризуетъ психологію рабскаго общества,—а отъ этого послѣдняго къ высшей ступени культуры и цивилизаціи, когда на первый планъ выступаютъ въ повышающейся прогрессіи нравственныя эмоціи высшихъ областей сознанія. Мало того, специально символическая или сигнальная эмоція объяснила бы Петражицкому тотъ мистическій характеръ нравственныхъ фантазмъ, который является для нашего ученаго чуть ли не основнымъ признакомъ моральныхъ и правовыхъ переживаній. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи теорія Мацата представляется намъ болѣе полной, такъ какъ у него символика и фантазмы являются не только результатомъ недостаточности процесса познанія у младенческихъ народовъ, но и естественнымъ результатомъ той психологіи, которая при помощи символа воспроизводитъ первоначально-сознательныя дѣйствія путемъ безсознательно-воспроизводимыхъ повтореній.

Остановимся теперь специально на тѣхъ эмоціяхъ, которыя лежатъ въ основѣ нравственной и правовой жизни. Эти эмоціи Петражицкій характеризуетъ слѣдующими признаками. Во 1-хъ, онѣ «имѣютъ своеобразный мистическій-авторитетный характеръ... онѣ исходятъ какъ бы изъ невѣдомаго... таинственнаго источника», «онѣ противостоятъ нашимъ (другимъ?) эмоціональнымъ склонностямъ и влеченіямъ, аппетитамъ и т. д., какъ импульсы съ высшимъ ореоломъ и авторитетомъ». Во 2-хъ, «онѣ переживаются какъ внутренняя помѣха свободѣ, какъ свое-

образное препятствіе для свободнаго облюбованія... какъ твердое и неуклонное давленіе въ сторону того поведенія, съ представленіемъ коего сочетаются соотвѣтственныя эмоціи». Останавливаясь на этихъ двухъ признакахъ, которые являются основными, мы не можемъ не замѣтить, что эти признаки далеко не равноцѣнны. Мистическій характеръ нашего мышленія является отнюдь не исключительной привилегіей нашего этическаго мышленія; напротивъ того, какъ это въ свое время указалъ Кнаппъ и какъ это можно считать сейчасъ почти общепризнаннымъ, такъ называемая мистика есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ фантастическаго мышленія, необходимо присущаго человѣку на извѣстной ступени его развитія и восполняющаго при помощи фантазіи ту пропасть, которая образуется между нашими представленіями и дѣйствительностью, нашими желаніями и реальной невозможностью ихъ удовлетворить. И если даже считать съ новѣйшей философіей, что въ основѣ мистическаго чувства лежитъ особая эмоція, влекущая человѣка къ интимному сближенію съ вселенной, то и тутъ мы врядъ ли найдемъ оправданіе для спеціальнаго пріуроченія мистики къ нравственнымъ эмоціямъ вообще. И мистикѣ, и фантазмамъ въ такой же мѣрѣ подлежатъ всѣ другія области человѣческаго мышленія—и связанная съ ними эмоціональность—какъ и нравственныя и правовыя эмоціи. Правда, у этихъ эмоцій, есть нѣкоторая особая тенденція къ фантазмамъ, но она не первична, она только вытекаетъ изъ того признака, который отмѣченъ у Петражицкаго, какъ второй [1]).

Второй признакъ, который по теоріи Петражицкаго является основнымъ для нравственныхъ эмоцій, долженъ быть признанъ первымъ и исчерпывающимъ. Чувство или

---

[1]) Петражицкій, Теорія права, т. I, стр. 30, L. Knapp, в. н. с., стр. 13 и слѣд.

сознаніе границы, опредѣляющей предѣлы для внутреннихъ стремленій человѣка, является въ нравственныхъ эмоціяхъ безусловно основнымъ признакомъ. Но такъ какъ нравственное мышленіе является основаннымъ на абстракціяхъ, которыя сначала возникаютъ безсознательно и только потомъ подымаются въ область сознанія или наоборотъ, то вполнѣ понятно, что эта абстрактная граница, противодѣйствующая опредѣленнымъ желаніямъ и стремленіямъ, представляется чѣмъ-то самостоятельнымъ, то въ видѣ божескаго повелѣнія, то въ видѣ дѣйствія, проистекающаго изъ какой-то субстанціи. «Небесныя представленія нравственности, въ качествѣ велѣній божественной личности или спекулятивнаго отвлеченія являющейся цѣлью самой для себя, представляютъ собою не что иное, какъ фантастическое обозначеніе неизвѣстной исторіи этого древнѣйшаго и наиболѣе цѣлесообразнаго человѣческаго творенія, надъ которымъ работалъ цѣлый рядъ архитекторовъ, и еще сегодня каждый является рабочимъ. И подобное обожествленіе нравственности и возведенія ея заповѣдей къ внѣ насъ стоящему источнику казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что у фантазмы безсознательно искалъ человѣкъ помощи для того, чтобы остановить при помощи новыхъ импульсовъ вытекающія изъ животной жизни стремленія и возбужденные различными аффектами позывы къ гнѣву, зависти, страху и корысти» [1]).

Если Петражицкій далѣе изъ природы нравственныхъ эмоцій выводитъ воспріятіе соотвѣтственныхъ представленій въ видѣ какихъ-то «законовъ», велѣній и «запретовъ», вытекающихъ якобы изъ воли сверхъестественныхъ существъ или «общей воли», «совокупной воли» и т. п., то это вполнѣ объясняется тѣмъ, что сказано выше. И если, съ другой стороны, тотъ субъектъ, который ощупа-

---

[1]) Ѣ. Кнарр, в. н. с., стр. 144—150.

етъ нравственныя эмоціи, чувствуетъ себя въ «особомъ состояніи несвободы, связанности», то и это, конечно, не научное, а фантастическое представленіе, отвѣчающее цѣликомъ характеру импульсіи долга, противодѣйствующей другимъ эмоціямъ иного характера. Для насъ, конечно, важно не изученіе всѣхъ этихъ фантазмъ, которыя отвлекаютъ отъ человѣка его собственныя переживанія и переносятъ ихъ во внѣшнюю жизнь, подобно тому, какъ мы проектируемъ во внѣ ощущенія нашего глаза и т. д. Для насъ важно самое содержаніе тѣхъ переживаній, которыя лежатъ въ основѣ нравственныхъ эмоцій. Но уже здѣсь мы не можемъ не замѣтить, что проф. Петражицкій, считая нравственныя фантазмы, въ частности мистическаго содержанія, основнымъ признакомъ всѣхъ нравственныхъ эмоцій, тѣмъ самымъ—какъ это мы отчасти уже предвидѣли выше—лишаетъ себя возможности отмѣтить то развитіе въ области нравственности, которое, постепенно сокращая количество символовъ, а затѣмъ фантастическихъ представленій, ведетъ насъ къ той эпохѣ, когда не извнѣ навязанная заповѣдь или велѣніе, не императивная фантазма, а сознательный процессъ свободнаго самоопредѣленія человѣка дастъ ему характеръ нравственнаго существа, живущаго по нормамъ «правды-справедливости» [1]).

Въ области нравственности, построенной, какъ мы уже видѣли, у Кнаппа на формулѣ «Entsagen-Vordern» или, по-русски, «отреченіе-требованіе», возможны всегда двоякаго рода положенія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы почитаемъ себя «обязанными» отречься отъ тѣхъ или иныхъ благъ въ пользу другихъ лицъ или даже вообще отречься отъ тѣхъ или иныхъ дѣйствій во имя такъ называемаго долга; это область Entsagen — отреченія, гдѣ не представляется, съ другой стороны, никакого требо-

[1]) Петражицкій. Теорія права. Т. I, стр. 32 и слѣд.

ванія, предъявляемаго третьимъ лицомъ или гдѣ можно говорить о требованіи лишь въ смыслѣ нашихъ собственныхъ чувствъ, убѣжденій, принциповъ и т. п. Въ этомъ случаѣ формула отреченія-требованія цѣликомъ умѣщается въ душѣ самого человѣка. Это область морали. Напротивъ того тамъ, гдѣ «Entsagen» представляется лишь на сторонѣ одного человѣка, при чемъ «Vordern» закрѣплено за другимъ, и слѣдовательно отреченіе одного является результатомъ требованія другого, тамъ возникаетъ отношеніе, которое пріурочивается къ области права. Какъ мы уже видѣли выше, при этомъ совершенно не требуется двухъ реально существующихъ субъектовъ, изъ которыхъ одинъ бы требовалъ, другой лишалъ бы себя тѣхъ или иныхъ благъ въ пользу перваго, нужно только, чтобы требующій или отрекающійся въ его пользу представляли себѣ другого субъекта, въ первомъ случаѣ— обязаннымъ, въ другомъ — требующимъ. Такова теорія Кнаппа. Петражицкій совпадаетъ съ ней вполнѣ, хотя различіе морали и права понимаетъ нѣсколько проще. Свою формулу «pati-movere»—терпѣть и двигать—онъ не переводитъ цѣликомъ на все содержаніе нравственности, какъ это дѣлаетъ Кнаппъ; право онъ характеризуетъ какъ отношеніе, въ которомъ нашъ долгъ закрѣпленъ за другимъ субъектомъ, какъ нѣчто ему должное, какъ его добро. Очевидно—полное примѣненіе формулы Entsagen-Vordern» къ области правовыхъ переживаній. Мораль опредѣляетъ Петражицкій лишь съ отрицательной стороны: это есть долгъ, который не заключаетъ въ себѣ связанности по отношенію къ другимъ. Нельзя не признать нѣкотораго преимущества формулы Кнаппа: она даетъ болѣе цѣлостную характеристику и послѣдовательное опредѣленіе двумъ полюсамъ данныхъ переживаній [1]).

---

[1]) Петражицкій. Теорія права. Т. I, стр. 45 и слѣд. L. Knapp, стр. 150 и слѣд.

Петражицкій, однако, не удовлетворяется однимъ только опредѣленіемъ права: въ цѣломъ рядѣ блестящихъ страницъ даетъ онъ жизненное и научное обоснованіе права, какъ особой психической эмоціи, при помощи богатаго филологическаго матеріала обосновываетъ онъ свою формулу и разбираетъ въ тончайшихъ развѣтвленіяхъ всѣ стороны эмоціональнаго права. Передъ нами такимъ образомъ проходятъ различные виды моторныхъ возбужденій, лежащихъ въ основѣ требованія и отреченія, права и обязанности. Обосновывается съ эмоціональной стороны различіе положительныхъ притязаній, охранительныхъ и уполномочивающихъ; въ самомъ логическомъ составѣ моральныхъ и правовыхъ переживаній различаются всевозможныя представленія, связанныя то съ дѣйствіемъ, то съ субъектомъ, то съ условіями и гипотезами въ видѣ обусловливающихъ правовое переживаніе фактовъ. Сюда же относятся и представленія нормативныхъ фактовъ, которые придаютъ положительный характеръ правовымъ переживаніямъ, снабжаютъ ихъ внѣшней санкціей съ ссылкой на внѣшніе авторитеты. Однако и здѣсь, подобно ученію о мотивахъ, Петражицкій не даетъ намъ такой классификаціи интеллектуальнаго состава, различныхъ видовъ нравственныхъ эмоцій, которая бы открывала намъ извѣстную соціально-историческую подпочву. Возможны переживанія, гдѣ односторонне выступаетъ на первый планъ императивная сторона, опредѣляющая размѣры долга, но бываютъ и другія импульсіи, гдѣ односторонне выступаетъ сторона аттрибутивная. Возможны представленія аттрибутивнаго характера—требованіе безъ требующаго субъекта—и возможно это потому, что «специфическая природа явленій права... коренится не въ области интеллектуальнаго, а въ области эмоціональнаго, импульсивнаго... состава». Увы, и здѣсь нельзя не отмѣтить смѣшенія сознательныхъ представленій и символовъ, которое мы замѣтили уже выше, а

подъ видомъ «безсубъектнаго» представленія здѣсь прямо фигурируетъ опредѣленный знакъ, своего рода скобки для выраженія въ краткой формѣ сложнаго и субъектнаго представленія. Иначе не только «можетъ показаться», но непремѣнно должно признать, что подобныя «правовыя переживанія съ одностороннимъ императивнымъ... аттрибутивнымъ» или «безсубъектнымъ составомъ логически невозможны» и противорѣчатъ «самой природѣ права» [1]).

Перенесеніемъ въ область права современныхъ психологическихъ теорій такъ называемаго эмпиріо-критицизма Петражицкій не только воскресилъ одного изъ ближайшихъ предшественниковъ этого теченія, лѣваго гегеліанца Кнаппа, но и открылъ безспорно совершенно новыя перспективы для пониманія права и классификаціи нравственныхъ явленій. И если, ограничиваясь въ разбираемомъ трудѣ исключительно психологической стороной правовыхъ явленій, нашъ авторъ до извѣстной степени избѣгаетъ соціальныхъ построеній, уже теперь сближающихъ его съ новымъ теченіемъ эволюціонно-біологическаго направленія, то, съ другой стороны, право въ изслѣдованіяхъ Петражицкаго переживаетъ своеобразный процессъ расширенія и спецификаціи, который даетъ полную возможность соціологу распредѣлить по надлежащимъ центрамъ и стадіямъ развитія богатѣйшіе правовые ряды, намѣченные нашимъ ученымъ.

То новое и замѣчательное, что удалось установить Петражицкому, лежитъ на нашъ взглядъ не въ его психологической теоріи самой по себѣ, а въ томъ примѣненіи ея къ новой теоріи права, которую онъ построилъ на психологическомъ базисѣ. Переходимъ къ ея разсмотрѣнію и оцѣнкѣ.

---

[1]) Л. Петражицкій. Теорія права, т. I, стр. 59—81.

IV.

Интуитивное право.

Реально-психологическая точка зрѣнія необходимо ведетъ къ выводамъ, переворачивающимъ совершенно вверхъ дномъ рутинныя воззрѣнія на право и его природу. И въ самомъ дѣлѣ: разъ надо признать право вездѣ, гдѣ его въ качествѣ таковаго чувствуетъ и признаетъ человѣкъ, то этимъ самымъ внезапно расширяется область права до безграничности, захватываетъ такія сферы, о которыхъ не могъ и думать современный юристъ. Наличность права приходится констатировать даже тамъ, гдѣ есть только одинъ человѣкъ, его признающій и въ него вѣрующій. Право отнынѣ не ограничивается наличностью какой бы то ни было шаблонной дѣеспособности. Четырехлѣтній ребенокъ, играющій со своимъ товарищемъ, разсуждаетъ, требуетъ, дѣйствуетъ согласно самому настоящему праву, и не только дѣти, но и животныя входятъ въ правовой оборотъ. Не говоря уже о томъ, что среди животныхъ часто наблюдаются весьма сильные правовые инстинкты, отношенія человѣка къ животнымъ могутъ быть сплошь и рядомъ построены на правовыхъ представленіяхъ и чувствахъ; болѣе того, даже отношенія человѣка къ неодушевленной природѣ могутъ сплошь и рядомъ складываться по правовому типу. Вспомнимъ хотя бы Ксеркса, бичующаго море. Нечего и говорить послѣ этого, что міръ сверхъестественныхъ существъ, населяющихъ то греческій Олимпъ, то римскій Капитолій, является дальнѣйшимъ расширеніемъ правовой области человѣка. Не надо забывать, что все это существа живыя, реальныя, сознательныя, во всемъ подобныя человѣку, и было бы странной непослѣдовательностью, если бы человѣкъ, который всту-

паетъ съ богомъ въ постоянныя сношенія, исключилъ бы его почему-либо изъ великой цѣпи правъ и обязанностей. И на примѣрѣ еврейскаго Іеговы, и на христіанскихъ ангелахъ, святыхъ и чертяхъ мы видимъ, какъ небо нисходитъ на землю и образуетъ вмѣстѣ съ нею единый міръ всюду проникающаго правопорядка [1]).

Воистину грандіозное, удивительное зрѣлище! Безпомощно стоитъ передъ нимъ современный юристъ, привыкшій къ одному праву, выдѣланному въ государственной лабораторіи, признающій обычное право лишь постольку, поскольку стоитъ на немъ надпись: «отъ начальства дозволяется». Но не менѣе смущаетъ этотъ вновь открытый міръ благороднаго прогрессиста и либерала, дорожащаго культурными пріобрѣтеніями новѣйшихъ правовыхъ воззрѣній. Вѣдь, если допустить, что право вездѣ, гдѣ есть представленіе двусторонней зависимости правъ и обязанностей, охваченной фантазмами заповѣди или законъ, то придется отбросить всѣ ограниченія, которыя опредѣляютъ не формы, а самое содержаніе права. Вѣдь если теорія Кнаппа и Петражицкаго вѣрна, то тогда въ царство права можетъ снова войти все, что такъ старательно удалено изъ него усиліями долгой, вѣковой борьбы. Вѣдь тогда падаютъ границы, отдѣляющія совѣсть одного отъ притязаній другого, и вся область духовной жизни человѣка, такъ старательно исключенная изъ круга права и его велѣній, снова можетъ подвергнуться безчисленнымъ посягательствамъ чужой и чуждой ей воли. Любовь и благодарность, вѣра и убѣжденіе, радость и печаль— все это можетъ явиться въ представленіи психологическаго права какъ его объектъ, и даже область человѣконенавистничества, злобы и коварства можетъ дать цѣлый рядъ правоотношеній, которыя упорядочиваютъ злую волю, организуютъ ненависть, даютъ правовой ореолъ престу-

[1]) Петражицкій Теорія. права, т. I, стр. 86—129, ср. Knapp, в. н. с., стр. 161.

пленію. Гдѣ же защита отъ злого неправаго права, какъ оградить освобожденную отъ него любовь, убѣжденіе, совѣсть? [1]).

И надо отмѣтить, Петражицкій безъ страха и колебаній послѣдовательно идетъ по своему пути, не останавливаясь ни передъ какими выводами изъ разъ принятой имъ теоріи. Уже у его предшественника — Кнаппа — находимъ мы самое рѣшительное признаніе права въ отношеніяхъ человѣка къ богамъ, разбойниковъ между собою, людей въ отношеніяхъ такъ называемаго приличія и т. п. Примѣры этого нами приведены уже выше, но, что́ важнѣе всего, Кнаппъ отнюдь не отказываетъ въ признаніи нравственнаго характера, также какъ правового, за такими «институтами», какъ принятыя у дикихъ народовъ «кровосмѣсительство, оскопленіе мужчинъ и женщинъ, самоубійство вдовъ, принесеніе человѣческихъ жертвъ, убійство дѣтей и стариковъ», также какъ за «ордаліями» при помощи воды, каленаго желѣза, бросанія горшка и т. п. И къ нимъ достойно присоединяются «античные и варварскіе нравы проституціи, прямо отрицающее бракъ, обезчещеніе дѣвушекъ и планомѣрный, праздничный адюльтеръ на храмовыхъ площадяхъ, который былъ осѣненъ привлекательнымъ религіознымъ ореоломъ. И въ то же самое время, какъ разъ въ тѣ эпохи и у тѣхъ племенъ, переносившихъ безъ стыда все это безстыдство, величайшей низостью считалось оплаченное гостепріимство и... оплаченная любовь»! Правда, говоря о нравственности и правѣ среди разбойничьихъ бандъ, Кнаппъ называетъ ее «пародіей» другой, внѣ банды существующей морали, однако же, «пародія» въ концѣ концовъ «подымается со справедливой гордостью до рѣшительнаго проявленія, которое гласитъ: «вы на-

---

[1]) Тамъ же.

рушаете ваши клятвы благому Господу Богу, мы—свято блюдемъ наши клятвы чорту» [1]).

Петражицкій посвящаетъ многія и, можно безъ преувеличенія сказать, великолѣпныя страницы своего изслѣдованія полному выясненію разбросаннаго въ обществѣ права. Съ тонкимъ анализомъ психолога рисуетъ онъ дѣтскую, отмѣчаетъ всю важность правового воспитанія ребенка и необходимость блюсти его автономное дѣтское право. Онъ ведетъ насъ далѣе къ алтарямъ древнихъ храмовъ, окружаетъ насъ безсмертными тѣнями небожителей и на яркихъ примѣрахъ убѣждаетъ насъ въ наличности небеснаго правопорядка. Игры и приличія, самая разнообразная, самая широкая жизнь и дѣятельность общественныхъ группъ, слоевъ и классовъ, самыя интимныя отношенія въ средѣ семьи, любви и дружбы, самые сложные оттѣнки въ правилахъ знакомства и такъ называемыхъ свѣтскихъ отношеній получаютъ у него правно-психологическое освѣщеніе; съ культурной средой сливается здѣсь бытъ дикихъ и варварскихъ народовъ, а право, цѣльное и всеобъемлющее, живое и пестрое, какъ сама жизнь, право, блещущее высокимъ подъемомъ самоотверженія и героизма, оттѣненное мрачными пятнами человѣческой крови и мученій, возникаетъ передъ нами, словно океанъ, который не разрѣзанъ еще ладьей изслѣдователя, словно заповѣдная чаща движущихся, растущихъ и переплетающихся человѣческихъ отношеній. Кнаппъ, на основаніи философской дедукціи, указалъ на этотъ скрытый такъ долго отъ науки міръ и звалъ туда юриста и политика, но—увы, остался неуслышаннымъ. И только черезъ пятьдесятъ лѣтъ современный ученый дерзнулъ отбросить прикрывающую общественное право завѣсу и со всѣмъ аппаратомъ нынѣшняго знанія показалъ намъ воочію сокрытыя отъ насъ чудеса.

---

[1]) Knapp, в. н. с., стр. 165.

Для изученія этой новой области правовыхъ явленій и новой природы права въ высшей степени важнымъ является классификація различныхъ его видовъ. И прежде всего, конечно, необходимо установить различіе между тѣмъ, что уже сейчасъ представляется какъ цѣлостный и законченный конгломератъ такъ наз. законнаго и обычнаго права. Слѣдовательно, необходимо разграничить то, что сейчасъ считается правомъ, отъ того, что до сихъ поръ относилось къ нравственности, обычаямъ, нравамъ и т. п. У Кнаппа мы встрѣчаемъ опытъ классификаціи, подсказанной ему его психологіей права. Это раздѣленіе права на «дѣйствительное», поскольку оно дѣйствительно примѣняется, и «мыслимое», поскольку оно не осуществляется на дѣлѣ. Право дѣлится далѣе на «позитивное», поскольку оно принято государственною или какой-либо иной высшей властью, и на «не-позитивное», не положительное, которое признается властью меньшинства, отдѣльныхъ лицъ или сообществъ, а также нефедерированными, слѣдовательно, независимыми государствами. Изъ новѣйшихъ писателей нѣсколько подходитъ къ этой классификаціи Р. Штаммлеръ. Какъ извѣстно, онъ дѣлитъ область соціальной нормировки на два класса: одинъ отличается тѣмъ, что его правила являются «самодержавнымъ, нерушимымъ нормированіемъ соціальной жизни людей», при чемъ оно «желаетъ стоять надъ подчиненными ему людьми безъ какого бы то ни было ихъ согласія». Это—право. Другую категорію представляютъ собою такъ называемыя условныя или конвенціональныя правила, которыя дѣйствуютъ среди общества лишь постольку, поскольку они принимаются или добровольно признаются соблюдающею ихъ средою. Какъ право, такъ и конвенціональныя правила могутъ въ одинаковой степени содержать права и устанавливать обязанности. Наконецъ, дополняетъ это двоякое дѣленіе т. н. «правильное право», котораго, однако, Штаммлеръ за право не почитаетъ, а считаетъ

лишь опредѣленнымъ критеріемъ для сужденія о соотвѣтствіи того или иного права соціальному идеалу. При всей туманности конструкціи Штамлера нельзя не замѣтить, что между его правомъ и конвенціональными правилами скрывается отдаленное подобіе позитивнаго и непозитивнаго права Кнаппа. Особенно можно наблюдать такое сходство на процессѣ превращенія условныхъ правилъ въ право и наоборотъ. Содержанія своего конвенціональныя правила при этомъ не мѣняютъ, они становятся только «самодержавными» и «нерушимыми». Это послѣднее обстоятельство, конечно, нисколько не мѣшаетъ имъ, однако, соблюдаться лишь по волѣ подчиненныхъ и нарушаться въ случаѣ надобности [1]).

Правильному праву Штаммлера суждено было имѣть большой успѣхъ, и это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что неокантціанцы стали искать въ естественномъ правѣ, какъ идеальномъ правѣ «будущаго», новую категорію, которая должна была явиться оплотомъ противъ дурного и недостаточнаго положительнаго права. Такимъ образомъ право будущаго было противопоставлено праву настоящаго, а для того, чтобы хоть нѣсколько оправдать наименованіе права для этихъ желаній и алканій будущаго, приверженцы естественнаго права попробовали сдѣлать его формой съ вѣчно мѣняющимся содержаніемъ. Это — своего рода предварительный резервуаръ, въ который вѣчно вливаются новыя потребности жизни и, перемѣшавшись въ котлѣ «естественнаго права», выливаются оттуда въ настоящее, позитивное право. Какъ очевидно, форма этого права нисколько не соотвѣтствуетъ формѣ положительнаго или какого-либо иного права. Общимъ для обѣихъ категорій является только содержа-

---

[1]) L. Knapp. в. н. с., 102—103. R. Stammler, Wirtschaft und Recht, I Auflage, стр. 105, 106, 125—127, 131, 135, 491. Его же. Wesen des Rechtes und der Rechtswissenschaft (Systematische Rechswissenschaft), стр. 22 и дальше.

ніе, которое становится правовымъ предписаніемъ лишь со времени воспріятія его обычаемъ или закономъ. Какъ справедливо замѣчаетъ по поводу подобныхъ заключеній Кнаппъ, «экипажъ худшаго такъ же, какъ и лучшаго мастера одинаково является экипажемъ, искусственное удобреніе такъ же, какъ навозъ—удобреніемъ. И точно такъ же высокомудрая модель солдатской каски будетъ—самое большее — моделированной каской; что же касается правовыхъ опредѣленій, то здѣсь всякій дуракъ, которому нравится его колпакъ, утверждаетъ, что всѣ колпаки другой матеріи и другого покроя вообще не колпаки». И если тотъ же писатель по поводу современныхъ ему приверженцевъ естественнаго права говоритъ, что у нихъ «воображаемое лучшее право одно только называется правомъ и всякому другому отказывается въ этомъ значеніи», то очень мѣтко замѣчаетъ Петражицкій по поводу нынѣшнихъ представителей «эволюціоннаго естественнаго права», что они изобрѣли идеальную классификацію, которая въ зоологіи могла бы дать параллель въ видѣ раздѣленія собакъ на два основныхъ класса: во 1-хъ, собакъ «настоящихъ», и во 2-хъ, на собакъ «будущихъ» или «идеальныхъ... [1])».

Дѣленіе Петражицкаго значительно совпадаетъ съ дѣленіемъ Кнаппа. Подобно послѣднему онъ дѣлитъ право на два вида: на позитивное и интуитивное (у Кнаппа «непозитивное»); свое раздѣленіе, однако, Петражицкій обосновываетъ болѣе глубоко, чѣмъ Кнаппъ. Основой классификаціи здѣсь является различіе тѣхъ представленій—интеллектуальныхъ элементовъ,—которыя связаны съ самою правовой эмоціей. Въ этихъ представленіяхъ очень часто встрѣчаются указанія на особые факты, съ кото-

[1]) R. Stammler, Wesen des Rechtes, стр. 37 и сл. Новгородцевъ. Нравственный идеализмъ въ философіи права (Проблемы идеализма), стр. 250 и слѣд. L. Knapp, в. н. с., стр. 205. Петражицкій. Теорія права. Т. II, стр. 472—473.

рыми связывается наличность принимаемой нами заповѣди. Таковы ссылки на различные авторитеты, на чужія предписанія или велѣнія, которыя якобы придаютъ силу тому или другому закону. Формула такого права (общая, впрочемъ, и для морали) это «такъ написано въ законѣ», «такъ повелось отъ предковъ», «такъ предписано начальствомъ», «такъ сказала мать или отецъ», «такъ учатъ юристы» и т. п. Другая область права, наоборотъ, не содержитъ въ себѣ никакихъ ссылокъ на внѣшнія «нормоустановительные факты», а выводитъ свои велѣнія изъ внутренняго самостоятельнаго убѣжденія лица; это право, какъ очевидно, нѣсколько приближается къ конвенціональнымъ правиламъ Штаммлера, отличаясь отъ нихъ, однако, тѣмъ, что оно есть всегда право, т. е., какъ опредѣляетъ Петражицкій, аттрибутивно-императивная норма. Среди нормъ позитивнаго права, въ свою очередь, выдѣляетъ Петражицкій право оффиціальное или признанное государствомъ. Различіе у Петражицкаго съ Кнаппомъ въ томъ, что послѣдній, противополагая положительное неположительному, присоединяетъ къ этому различію до извѣстной степени признаки мыслимаго и дѣйствительнаго. Такъ, позитивное оказывается большею частью вмѣстѣ и дѣйствительнымъ, не-позитивное же—главнымъ образомъ, только мыслимымъ. Нельзя не отдать здѣсь преимущества дѣленію Петражицкаго [1]).

Классификація Петражицкаго бросаетъ уже значительный свѣтъ въ ту новую область, которая значительно расширяетъ современную науку. И въ той массѣ правовыхъ переживаній, которыя вѣчно рождаются вновь и умираютъ, сплетаются другъ съ другомъ, перекрещиваются и, наконецъ, сливаются въ мощные потоки массовыхъ чувствованій и представленій, мы начинаемъ различать понемногу отдѣльные пласты живой воды, общее

---

[1]) Петражицкій. Теорія права, т. I, стр. 72, 73. L. Knapp, в. н. с., стр. 203.

движенiе и направленiе ея теченiй и тотъ удивительный процессъ, который можно бы назвать своеобразной кристаллизацiей правовой массы и который представляетъ много въ высшей степени замѣчательныхъ чертъ. Пока еще мы не спрашиваемъ—почему, мы наблюдаемъ, что есть, и уже такое наблюденiе даетъ намъ картину медленнаго и постепеннаго затвердѣнiя права, сгущенiя его въ глыбы отдѣльныхъ положительныхъ институтовъ, наконецъ, своеобразное дѣйствiе ихъ на вѣчно бьющiя волны народнаго правового творчества. Мало того, мы можемъ прослѣдить тѣ особыя эпохи въ развитiи народной жизни, когда мирный процессъ наростанiя кристалловъ и не прекращающагося правового прилива временно уступаетъ мѣсто грозной катастрофѣ со всѣми ея послѣдствiями... О, въ такихъ случаяхъ море народнаго гнѣва, море интуитивнаго права, ничѣмъ не уступаетъ бушующему океану. Темнѣетъ и крѣпнетъ эмоцiя праведнаго гнѣва, сильнѣе и страшнѣе становятся удары карающей правовой совѣсти, и всепобѣдный смерчъ новаго права дробитъ прогнившiя скалы стараго порядка... еще моментъ... и вотъ ужъ...

Ихъ могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
Перерожденiе земли...

Интуитивное право побѣждаетъ, новое право крѣпнетъ, кристаллизуется, становится правомъ позитивнымъ... «На вольность опершись», оно провозглашаетъ «равенство»...

Интуитивное право имѣетъ индивидуальный, измѣнчивый характеръ, оно опредѣляется особыми условiями жизни каждаго человѣка, его характеромъ, воспитанiемъ, соцiальнымъ положенiемъ, профессiей, знакомствами и т. п. Общность этихъ условiй необходимо ведетъ «къ наличности большей или меньшей степени согласiя ихъ интуитивнаго права. Такъ рождается право данной семьи, кружка, круга общества, класса и т. п. И по мѣрѣ того, какъ интуитивное право захватываетъ все болѣе и болѣе

широкіе круги, оно становится болѣе сильнымъ и господствующимъ въ данной средѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ это право — гибкое и разнообразное; его рѣшенія свободно сообразуются съ конкретными индивидуальными обстоятельствами случая, данной комбинаціи». Оно во имя формы не насилуетъ факта, про него нельзя сказать summum jus — summa injuria. Такъ же гибко оно и въ области своего историческаго развитія, оно развивается «закономѣрно, постепенно, не подвержено фиксированію и окаменѣнію», оно «не зависитъ отъ чьего бы то ни было произвола». Вмѣстѣ съ тѣмъ оно является правомъ безмѣрно болѣе широкимъ, чѣмъ право позитивное; оно властвуетъ вездѣ, гдѣ только есть правовая инструкція, куда не доходитъ велѣніе положительнаго закона. Оно не связано въ своемъ существованіи съ наличностью символа, съ приказами начальства, съ авторитетомъ законодателя, съ заповѣдью бога, чорта или ангела; оно существуетъ внѣ ихъ и независимо отъ нихъ. Право, не знающее момента своего рожденія, оно представляется вѣчнымъ; не нуждающееся въ силѣ для своего бытія, оно кажется высшимъ, духовнымъ; отвѣчающее жизни и идущее вмѣстѣ въ нею шагъ за шагомъ, оно получаетъ ореолъ разумнаго и естественнаго, нормальнаго и непогрѣшимаго. Отсюда, говоритъ Петражицкій, «высшій ореолъ, высшій рангъ интуитивно-правовыхъ нормъ, значеніе ихъ, какъ высшаго масштаба и критерія для оцѣнки позитивныхъ нормъ, для порицанія ихъ въ случаѣ несоотвѣтствія ихъ содержанія» и т. д. Неудивительно теперь, что правовая эмоція способна именно здѣсь къ величайшему подъему, что здѣсь рождается тотъ энтузіазмъ, тотъ правовой фанатизмъ, который требуетъ не милости, а права, во имя права идетъ на героическія жертвы, съ сознаніемъ всепобѣждающей правды связываетъ надежды на окончательный успѣхъ [1]).

---

[1]) Петражицкій. Теорія права. Т. II, стр. 475—483.

«Не трудно убѣдиться», говоритъ Петражицкій, «что фактически интуитивное право играетъ весьма большую и существенную роль въ качествѣ фактора индивидуальнаго поведенія и массовыхъ, соціальныхъ, экономическихъ и иныхъ явленій; въ обширныхъ областяхъ соціальной жизни, оно играетъ болѣе важную и существенную роль, чѣмъ позитивное право». Даже болѣе того, «фактическою основою соціальнаго «правопорядка» и дѣйствительнымъ рычагомъ соотвѣтственной соціально-правовой жизни является въ существѣ дѣла не позитивное право» [1]).

Прежде чѣмъ перейти къ интуитивному праву въ его отношеніи къ положительной нормировкѣ соціальной жизни, необходимо остановиться на тѣхъ «тенденціяхъ» и на томъ вліяніи на общественную среду, которую обнаруживаетъ самый психологическій аппаратъ правовыхъ переживаній. И здѣсь прежде всего мы замѣчаемъ, что въ основѣ права лежитъ тенденція достигнуть своего осуществленія независимо отъ желанія или нежеланія обязаннаго. «За обязаннымъ не признается свободы усмотрѣнія исполнить или не исполнить»; требующей сторонѣ, во что бы то ни стало, должно быть доставлено то, что ей причитается, если же этого нѣтъ, «то это представляется нетерпимымъ и недопустимымъ произволомъ». Праву вообще, не исключая интуитивнаго, принадлежитъ тотъ «самодержавный» характеръ, который былъ отмѣченъ Штаммлеромъ относительно права въ отличіе отъ конвенціональныхъ нормъ, но, какъ мы видимъ, это «самодержавіе» есть не признакъ права какъ таковаго, но только психологическая тенденція, лежащая въ основѣ правосознающей психики. Отсюда вытекаетъ роль и принужденія и самоуправства тамъ, гдѣ право встрѣчается съ произволомъ [2]).

---

1) Петражицкій, в. н. с. Т. II, стр. 482, 483.
2) Петражицкій. Теорія права, Т. I, стр. 157—162.

Въ отличіе права отъ морали, говоритъ Кнаппъ, «разъ только кто-нибудь въ формѣ правопритязанія требуетъ хотя бы лишь цѣнности ломанаго гроша, то это требованіе—иначе оно бы не было правовымъ—существенно связывается съ обращеніемъ къ объективной силѣ, которая можетъ вытекать изъ власти судьи или изъ самоуправства сторонъ». Право, такимъ образомъ—«будетъ ли оно кѣмъ-нибудь оспариваемо или не подвергается спору, разрѣшается ли вопросъ о немъ ножами при потопленіи корабля, идетъ ли о немъ дѣло среди уличныхъ боевъ революціи или въ перипетіяхъ всемірной войны, разрѣшается ли споръ, наконецъ, въ сосѣдской бесѣдѣ, третейскомъ разбирательствѣ иди въ судебномъ залѣ—оно всегда содержитъ вмѣстѣ со своимъ бытіемъ призывъ къ объективной силѣ, которая должна обезпечить носителю право внѣшнее или, иначе, мускульно-переходящее признаніе» [1]).

Правовой эмоціи свойственны, однако, еще болѣе грозныя тенденціи; неисполненіе обязательства со стороны обязаннаго сознается другой стороной въ качествѣ положительнаго ущерба, посягательства, обиды, причиняемаго человѣку зла. И подобное сознаніе дѣйствуетъ чрезвычайно рѣзко и сильно на правовое чувство. Необходимо является не только личный протестъ, но и широкое зараженіе гнѣвомъ и негодованіемъ за попранное право окружающихъ обиженнаго человѣка, и мы видимъ картину коллективнаго взрыва мести и ненависти, которыя направлены противъ преступниковъ, нарушителей права. На этой почвѣ развиваются не только «рѣзкія формы мести, самосуда и расправы, но и такіе факты, какъ «судъ Линча», расправа съ конокрадами и т. п.». Правовая психика не есть явленіе мира и любви, жалости и снисхожденія, въ ея нѣдрахъ рождается грозная Не-

---

[1]) L. Knapp, в. н. с., стр. 218.

мезида, и какъ бы ни представлялись отвратительными гильотины революцiи и разгромы культурныхъ гнѣздъ и центровъ, увы, это неизбѣжный результатъ оскорбленнаго народнаго чувства, стихiйная месть за попранное право [1]).

Правовая психика есть психика борьбы и опасныхъ разрушительныхъ столкновенiй; ей свойственна тенденцiя къ «насильственному добыванiю» должнаго, къ гнѣвной репрессiи въ случаѣ нарушенiя. И «если одни приписываютъ другимъ правовыя обязанности, а себѣ соотвѣтственныя права, а эти другiе не признаютъ этихъ обязанностей-правъ... то это представляетъ благопрiятную... почву для возникновенiя опасныхъ споровъ и конфликтовъ, ожесточенiя, насилiй, кровопролитiй, подчасъ взаимоистребленiя цѣлыхъ группъ людей». Такъ, въ правѣ кроется «опасное взрывчатое вещество»... и не удивительно послѣ этого, что, въ противоположность этой тенденцiи права, въ немъ развивается «на почвѣ соцiально-культурнаго приспособленiя» стремленiе къ развитiю «единаго шаблона нормъ». На этой почвѣ выростаетъ то теченiе къ позитивацiи права, которое желаетъ присвоить положительнымъ нормамъ монополiю на созданiе права и прямо отрицаетъ существо какого бы то ни было права помимо ихъ. Пусть лучше пропадетъ всякое право, кромѣ позитивнаго, лишь бы скрылось чудовище правового возмездiя, лишь бы не рождалось новыхъ, властныхъ правопритязанiй оттуда, изъ народной глубины! Но и народная психика сама въ опредѣленныхъ случаяхъ стремится къ установленiю такого шаблона, она спасаетъ себя отъ лишнихъ потрясенiй, она устанавливаетъ компромиссъ тамъ, гдѣ вчера еще звучали мечи, она пользуется для этого и частнымъ сборникомъ права и формой стариннаго обычая и изреченiемъ угод-

1) Л. Петражицкiй, в. н. с., стр. 162, 163, 164.

наго и разумнаго судьи. Такъ возникаютъ хартіи и своды права въ моменты успокоенія послѣ перелома [1]).

Съ объединеніемъ—унификаціей—права тѣсно связаны и другія тенденціи, которыя направлены къ установленію точной опредѣленности содержанія и объема правовыхъ представленій и понятій. Въ этомъ случаѣ, какъ мѣтко замѣчаетъ Кнаппъ, въ виду необходимости сведенія двухъ сторонъ къ одному пункту, долженъ быть съ двухъ концовъ построенъ своего рода туннель, который при встрѣчѣ долженъ дать объективно установленную точку соединенія двухъ противныхъ сторонъ. Отсюда величайшая важность юридической точности, составляющей особую задачу юриспруденціи. Къ этому присоединяется стремленіе права къ достиженію не меньшей точности въ установленіи и доказательствѣ тѣхъ или другихъ важныхъ для рѣшенія спора фактовъ. Это же, въ свою очередь, порождаетъ такъ называемый формализмъ права, который тѣмъ выше, «чѣмъ ниже культура даннаго народа», «чѣмъ рѣзче и кровопролитнѣе соотвѣтственные конфликты, чѣмъ больше эгоистичной неуступчивости, неправдивости и проч.». Послѣдней стадіей унификаціи или объединенія въ правѣ является обращеніе къ третьему незаинтересованному лицу съ просьбой о разборѣ и рѣшеніи дѣла. Такихъ судей можно встрѣтить очень много, начиная съ суда дѣтей и кончая судомъ государственнымъ. Принципъ всѣхъ этихъ судовъ совершенно одинаковъ [2]).

Своего завершенія шаблонное и формальное право, вмѣстѣ съ тѣмъ право точное и буквальное, способное больше всякаго иного къ судебной защитѣ — достигаетъ какъ разъ въ области не интуитивнаго, а позитивнаго или положительнаго права. Въ своихъ различныхъ видахъ и

---

[1]) Тамъ же, стр. 165—169, Кнарр, в. н. с., стр. 219—224.

[2]) Петражицкій, т. I, стр. 169—177. Сравн. Кнарр. стр. 225 и слѣд. Февраль. Отдѣлъ II.

разновидностяхъ оно отличается прежде всего тѣмъ, что не въ человѣкѣ, не внутри его, а извнѣ, со стороны ищетъ оно импульса для своей эмоціональной основы. Безразлично, кто является этимъ внѣшнимъ авторитетомъ или—какъ говорятъ юристы—источникомъ права. Но именно въ постепенномъ подчиненіи народной психики императивному представленію даннаго авторитета лежитъ его сущность, и здѣсь, конечно, нельзя говорить о полномъ противоположеніи между интуитивнымъ правомъ и правомъ положительнымъ. Въ послѣднемъ также основу повиновенія надо искать въ подчиненіи не за страхъ, а за совѣсть; подчиненіе это, несмотря на долгій процессъ, которымъ оно вырабатывается, не идетъ далѣе опредѣленныхъ границъ, установленныхъ правомъ интуитивнымъ. И то сверженіе авторитетовъ, замѣна однихъ другими и перетасовка законодателей, на которую уже указалъ Менгеръ, упоминается Петражицкимъ въ качествѣ одной изъ причинъ неустойчивости позитивнаго права. Не говоримъ уже о томъ, что «незамѣтное и постепенное разрушительное дѣйствіе оказываетъ въ этой области интуитивное право» [1]).

Однако, нельзя чрезмѣрно умалять значеніе позитивнаго права; проявляясь въ различныхъ формахъ, оно дѣйствуетъ тѣмъ суровѣе и грубѣе, чѣмъ ниже культурный уровень общества, чѣмъ больше дикой воли и кулачнаго самоуправства. И уже первая господствующая въ исторіи форма права, основанная на обычаѣ, показываетъ намъ весь смыслъ позитиваціи, обращенной какъ разъ противъ интуитивнаго простора. Шаблонъ обычнаго права отличается характеромъ мелочной регламентаціи, однообразіемъ своихъ формулъ, «косностью и неподвижностью, стремленіемъ сообразоваться «съ условіями не настоящаго, а прошлаго, подчасъ весьма отдаленнаго прошлаго». Обычному праву свойственна тенденція «сохранять неизмѣнно

---

[1]) Петражицкій, Теорія права, т. II, стр. 514 и слѣд.

*

подлежащую рутину и старину». «Это наиболѣе косный и консервативный видъ права», и это въ особенности надо отмѣтить тамъ, гдѣ оно основывается на старомъ преданіи, а не на общепринятомъ обычаѣ. И если послѣднему свойственна неизмѣнная рутина, то первое есть «по природѣ своей... право, смотрящее не впередъ, а назадъ». Оно сообразуется не съ тѣмъ, что можетъ быть въ будущемъ... а съ тѣмъ, что было раньше». Отсюда многіе обычаи сохраняются даже послѣ того, какъ исчезло ихъ содержаніе, а смыслъ ихъ затерялся. Характерно, что какъ разъ обычное право явилось въ исторіи въ качествѣ орудія «развитія и поддержанія соціально-правового неравенства кастовыхъ и сословныхъ привилегій, рабства и крѣпостного права, безправія женщинъ» и т. п. Такъ «на почвѣ медленнаго, незамѣтнаго и нечувствительнаго процесса... получаются, напримѣръ, такіе результаты, какъ кастовое право, низведеніе болѣе слабыхъ на положеніе паріевъ въ буквальномъ смыслѣ, рабовъ, крѣпостныхъ» и т. п. Съ другой стороны, консерватизмъ обычнаго права, сила инерціи, традиціи и старины содѣйствуетъ поддержанію соотвѣтственныхъ сословныхъ и иныхъ привилегій и предразсудковъ и т. д., и подчасъ настолько упорно задерживаетъ соціально необходимое развитіе болѣе равнаго и свободнаго права, въ частности попадаетъ въ такую коллизію съ имѣющимъ принципіально иное содержаніе интуитивнымъ правомъ, что дѣло доходитъ до соціальныхъ катаклизмъ или, въ случаѣ безсилія освободиться отъ устарѣвшаго и негоднаго права, до разложенія соціальнаго организма, деморализаціи высшихъ классовъ» и т. д. И какъ разъ обычное право, поддерживающее указанные институты, пользуется великимъ престижемъ и ореоломъ, всякое же «новшество, выдумываніе новаго собственнымъ умомъ вмѣсто соблюденія священныхъ традицій считается зломъ, постыднымъ» [1]).

---

[1]) Петражицкій, тамъ же, стр. 559—565.

Обычное право представляетъ собой наиболѣе суровую форму правовой позитиваціи. Болѣе гибкимъ характеромъ и сравнительно большей широтой отличается та форма права, которая ссылается, какъ на авторитетъ, на практику судебныхъ рѣшеній, на изреченія мудрецовъ и миѳическихъ законодателей, наконецъ, на частные сборники разныхъ законовъ и правъ, собранныхъ анонимнымъ трудомъ безвѣстныхъ авторовъ. Это «юдиціальное» и «книжное» право, право священныхъ изреченій, примѣровъ является, развивается, процвѣтаетъ и играетъ главную... роль въ правовой жизни обыкновенно въ тѣ эпохи, когда обычное право, какъ таковое, разрушается или вообще перестаетъ доставлять народу необходимый, опредѣленный... шаблонъ, и законодательство не достигло еще такого развитія и значенія, чтобы замѣнить въ этомъ отношеніи съ успѣхомъ обычное право» [1]).

И вотъ, наконецъ, мы встрѣчаемся съ высшей формой позитивнаго права, съ такъ называемымъ закономъ. Выясняется особое понятіе законодателя. Божественный законодатель постепенно становится мірскимъ, но это нисколько не умаляетъ его исключительныхъ правъ. При помощи ихъ «одно лицо или извѣстная группа... можетъ по своему усмотрѣнію вызывать въ психикѣ... обширныхъ народныхъ массъ такое право на будущее время, какое ему или ей представляется съ какой-либо точки зрѣнія желательнымъ, а равно устранять, отмѣнять существующее право и производить разныя другія измѣненія въ чуждой психикѣ и жизни». Эти измѣненія, далѣе, «могутъ быть производимы внезапно, сразу въ избранное по усмотрѣнію время». Такъ власть роднится съ правомъ и сама становится правосозидающей силой; власть пріобрѣтаетъ характеръ символа, съ роковой неизбѣжностью требующаго повиновенія, и человѣчество

---

[1]) Тамъ же, стр. 573, 574—578.

преклоняется, едва заслышитъ трубу глашатая, объявляющаго новые законы... Всякая власть становится законодателемъ; хозяинъ, отецъ, матерь у себя дома, рабовладѣлецъ на своей плантаціи, помѣщикъ, предприниматель-фабрикантъ у себя въ имѣніи и на фабрикѣ, папы, патріархи и соборы—въ церкви, и, наконецъ, цари, парламенты, суверенныя общины республиканскаго народа—въ государствѣ. «Обыкновенно,—говоритъ Петражицкій,—въ области упорядоченной и нормальной правовой жизни законы исходятъ отъ лицъ или учрежденій, надѣленныхъ (въ психикѣ надлежащаго общественнаго круга) такою или иною властью надъ другими, общею или спеціальною, соціально служебною или господскою, низшею или высшею или верховною властью». И во всѣхъ этихъ случаяхъ право становится правомъ не потому, что таковымъ признаютъ его подвластные, а лишь потому, что такъ повелѣваетъ признанная ими власть. Самодержавіе права становится самодержавіемъ законодателя... [1]).

Итакъ, мы снова стоимъ передъ трагедіей правотворящаго процесса: съ одной стороны, свободное интуитивное право, вѣчно вновь созидающее свои живыя измѣнчивыя нормы, съ другой—твердо-организованная сила власти, ставшей правомъ и творящей его въ видѣ непреложнаго, неизмѣннаго, для всѣхъ обязательнаго закона. Какъ помирить эту область свободы и подчиненія, эти два, казалось бы, другъ друга отрицающихъ права. И если въ современной культурной жизни начало закона является всепобѣждающимъ принципомъ общественной жизни, то какъ примирить по самой природѣ возникающій конфликтъ между позитивнымъ и интуитивнымъ правомъ, между закономъ государственнымъ, оффиціальнымъ и правовымъ убѣжденіемъ того или иного боль-

[1]) Петражицкій, Теорія права. Т. II, стр. 534 и слѣд.

шинства или меньшинства, того или другого класса и сословія или, наконецъ, попросту «подвластныхъ», которые безсильно отступаютъ предъ натискомъ «закономъ» организованныхъ полчищъ. Мало того, Петражицкій научилъ насъ различать законъ домашній и общинный, законъ промышленнаго предпріятія и церкви, законъ общины и провинціи, города и государства. Правовая жизнь не только распадется передъ нами на милліоны индивидуальныхъ сознаній, она раскалывается на два враждебныхъ міра—интуитивнаго и позитивнаго права, изъ которыхъ каждый живетъ особою жизнью. Первый покрываетъ извнутри каждую соціальную форму своимъ живымъ, измѣнчивымъ покровомъ, второй охватываетъ ее извнѣ жесткой оболочкой приготовленной по произволу «законодателя» формы. Право властное и безвластное, право разныхъ борющихся между собою властей, право юридическаго символа, авторитета и свѣтлаго индивидуальнаго сознанія—вотъ тѣ силы, которыя страшатъ изслѣдователя своимъ неожиданнымъ появленіемъ на историческую сцену.

Тамъ, гдѣ прежде все было ясно, тихо и спокойно, и царило одно оффиціальное и обычное право, теперь сняты всѣ запоры, открыты всѣ входы для новыхъ неожиданныхъ гостей. Юристъ и соціологъ видятъ себя передъ новыми задачами, которыхъ они не подозрѣвали, и твердый порядокъ научнаго познанія долженъ быть внесенъ въ ожившіе подъ рукою нашего ученаго ряды. Спрашивается, однако, какъ же Петражицкій разрѣшаетъ основную задачу, какъ смиряетъ буйную толпу новыхъ сомнѣній, запросовъ, колебаній?

Остановимся пока на главномъ, основномъ вопросѣ объ отношеніи интуитивнаго права и положительнаго. Умѣстнымъ будетъ замѣтить, что первое Петражицкій отожествляетъ цѣликомъ съ такъ называемой «справедливостью». Полное совпаденіе этихъ двухъ понятій онъ до-

казываетъ, настолько убѣдительно, что мы цѣликомъ присоединяемся къ его воззрѣніямъ, нашъ вопросъ, слѣдовательно, можно формулировать еще такъ: какъ относится справедливость къ положительному праву? [1]).

Прежде всего надо, однако, замѣтить, что Петражицкій далеко не считаетъ необходимымъ отсутствіе согласія между «правдой-справедливостью» и позитивнымъ правомъ. И хотя этотъ изслѣдователь самъ утверждаетъ, что «разныя частныя разногласія» «между позитивнымъ и интуитивнымъ правомъ» «по природѣ вещей неизбѣжны», онъ полагаетъ, однако, что также «имѣется и должно неизбѣжно имѣться согласіе по содержанію въ главныхъ основахъ, въ общемъ и основномъ направленіи». И это утвержденіе нашъ ученый обосновываетъ слѣдующимъ образомъ: «развитіе обоихъ правъ, и интуитивнаго, и позитивнаго, опредѣляется въ общихъ и основныхъ чертахъ дѣйствіемъ однихъ и тѣхъ же соціально-психическихъ процессовъ, дѣйствующихъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, и лишь въ связи съ... различіями интеллектуальнаго состава... получаются частично различные результаты развитія, разныя частныя, по большей части несущественныя, различія по содержанію». Однако, не однимъ психическимъ процессомъ объединяется то и другое право: «неизбѣжность согласія» между ними, по мнѣнію Петражицкаго, коренится и въ томъ, «что одновременное существованіе и дѣйствіе и интуитивнаго и позитивнаго права возможно только при условіи... согласія въ общихъ и основныхъ чертахъ; при переходѣ разногласія за извѣстные предѣлы неизбѣжно крушеніе подлежащаго позитивнаго права—въ случаѣ сопротивленія въ формѣ соціальной революціи [2]).

Въ этихъ положеніяхъ далеко не все представляется правильнымъ. Прежде всего врядъ ли можно согласиться

---

[1]) Петражицкій, в. н. с. Т. II, стр. 500 и слѣд.
[2]) Петражицкій, в. н. с. Т. II, стр. 488.

съ такой низкой оцѣнкой въ различіи «интеллектуальнаго состава»; для психики субъекта далеко не безразлично, какія именно представленія опредѣляютъ ее къ дѣйствію: представленіе начальственнаго кулака или вѣчной справедливости, законнаго приказа подзаконной власти, или же велѣнія неизмѣнной и всеобщей «правды». Если Петражицкій самъ указываетъ на неизбѣжность конфликта между тѣмъ и другимъ правомъ по самой «природѣ вещей», то мы не склонны считать этого различія несущественнымъ, частнымъ или второстепеннымъ; по теоріи Петражицкаго представленіе есть существенный элементъ эмоціальнаго процесса, и даже на общей почвѣ правовой психики нельзя не различать, какъ отдѣльныхъ типовъ, интуитивнаго и позитивнаго права, въ качествѣ формъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга по своему интеллектуальному составу. Мотиваціи здѣсь и тамъ построены на исключающихъ другъ друга принципахъ, нѣтъ и не можетъ быть «взаимной поддержки и взаимнаго укрѣпленія» этихъ двухъ психикъ, если одна не подчиняется другой; слѣдовательно, не о согласіи по содержанію здѣсь идетъ рѣчь, а о преобладающей роли одной, которая и опредѣляетъ другую. Самъ Петражицкій подтверждаетъ это, говоря, что въ случаѣ «разногласія» между ними происходитъ «крушеніе» «подлежащаго позитивнаго права». Какъ очевидно, здѣсь для позитивнаго права не оказывается другого выхода, какъ воспріятіе того содержанія, которое ему навязываетъ интуитивное. И если позитивное право сопротивляется, оно—при наличномъ своемъ содержаніи—неизбѣжно гибнетъ. Говорить такимъ образомъ о согласіи двухъ формъ права между собою не приходится, здѣсь вынужденное и необходимое согласованіе одной съ другою. И это согласованіе немыслимо, если не признать существеннаго различія, а затѣмъ и зависимости одна отъ другой двухъ правовыхъ психикъ.

На дальнѣйшемъ знакомствѣ съ взаимнымъ отноше-

ніемъ интуитивнаго и позитивнаго права, мы убѣждаемся въ правильности нашихъ выводовъ. Какъ оказывается, оба вида права имѣютъ свои области, въ которыхъ они дѣйствуютъ почти исключительно. Таковой оказывается прежде всего область, въ которой «всякая... позитивная нормировка, не только оффиціальная, но и неоффиціальная... была бы неумѣстна». Это область, «гдѣ является необходимымъ сохраненіе свободной измѣнчивости и приспособляемости обязанностей и правъ къ конкретнымъ обстоятельствамъ сообразно измѣнчивому объему, измѣнчивымъ степенямъ интенсивности, качественнымъ оттѣнкамъ и т. д.». Такъ, въ области литературной и художественной критики, въ жизни семьи и школы, въ области наложенія господскихъ наказаній, а въ современномъ правѣ даже въ области суда (наложеніе наказаній на преступника), мы видимъ сферу свободнаго дѣйствія интуитивнаго права, при чемъ позитивное въ лучшемъ случаѣ опредѣляетъ рамки и границы подобной автономной области. Замѣтимъ кстати, что загадка такъ называемаго дисциплинарнаго права во всѣхъ областяхъ соціальной жизни очень легко разрѣшается съ принятіемъ гипотезы интуитивнаго права. И то, что до сихъ поръ криминалистамъ и государствовѣдамъ представлялось не то правомъ, не то нравственностью получаетъ совершенно опредѣленное и научное объясненіе. Несомнѣнно, что и такъ называемое свободное творчество управленія, свободное усмотрѣніе администраціи и дискреціонная власть являются въ значительной степени мѣстомъ развитія не позитивнаго, а интуитивнаго права. И замѣчательная вещь, говоритъ Петражицкій, «по мѣрѣ облагороженія и соціализаціи человѣческой психики... сфера, предоставляемая позитивнымъ правомъ дѣйствію интуитивнаго», «все болѣе» увеличивается... [1]).

Спеціальной родиной интуитивнаго права—«правды-

---

[1]) Петражицкій, въ н. с. Т. II, ст. 486—487.

справедливости»—является, однако, область оцѣнки и распредѣленія хозяйственныхъ благъ и общественнаго властвованія. По теоріи Петражицкаго, право вообще является факторомъ распредѣляющимъ и организующимъ. Съ одной стороны, оно регулируетъ раздѣленіе разныхъ хозяйственныхъ благъ отдѣльнымъ индивидамъ и коллективнымъ группамъ, создаетъ соціальную принадлежность этихъ благъ, опредѣляетъ ихъ соціальное распредѣленіе. Съ другой стороны, право организуетъ индивидуальное и массовое поведеніе, состоящее въ томъ, что «одни повелѣваютъ, распоряжаются общими дѣлами, наказываютъ провинившихся и пр., а другіе безропотно это переносятъ, безпрекословно исполняютъ распоряженія первыхъ и проч.». Къ числу явленій первой «распредѣляющей функціи права» относится «всяческая собственность»; къ области второй «организующей функціи» относится «власть», а при ея помощи и организація коллективной силы.

И вотъ здѣсь-то мы встрѣчаемъ своеобразную роль интуитивнаго права: оно регулируетъ какъ разъ тѣ отношенія, «въ которыхъ дѣло идетъ о причиненіи извѣстнаго добра или зла (въ томъ числѣ извѣстной тягости, извѣстнаго имущественнаго бремени)» или, говоря иначе, «при распредѣленіи извѣстныхъ благъ или золъ между нѣсколькими субъектами». Справедливость такимъ образомъ становится за спиной распредѣляющаго права и независимо отъ той или другой положительной нормировки рѣшаетъ вопросъ о томъ, кому и сколько «по совѣсти», «по правдѣ» надлежитъ, и какое зло, тягость или мученіе «по правдѣ» тому или другому причитаются. И, какъ отмѣчаетъ Петражицкій, даже обычное пониманіе справедливости спеціально пріурочиваетъ ея господству наиболѣе важную сторону въ дѣятельности власти. Именно интуитивному праву принадлежитъ сужденіе о томъ, справедливо ли поступаютъ тѣ или другія высшія и не-

зависимыя лица по отношенію къ другимъ, низшимъ и подчиненнымъ. «Справедливость приписывается» (или отрицается!) «законодателямъ по отношенію къ подзаконнымъ, монархамъ по отношенію къ подданнымъ, господамъ по отношенію къ рабамъ... родителямъ по отношенію къ дѣтямъ» и т. п. И замѣчательная вещь, справедливость, какъ критерій, никогда не примѣняется къ ниже стоящимъ, а только къ тѣмъ, которые могутъ «по усмотрѣнію надѣлять другихъ благами». И только одна сфера въ области распредѣляющаго и организующаго права не имѣетъ возлѣ себя справедливости, какъ высшаго судьи— это область административной техники, формальнаго порядка, должности и службы, механической организаціи коллективнаго труда. Только здѣсь господствуетъ нераздѣльно положительное право и молчитъ за отсутствіемъ поводовъ интуитивно-правовая совѣсть [1]).

Подобное значеніе интуитивнаго права намъ лучше всего раскрываетъ то «согласіе», которое существуетъ между справедливостью и положительнымъ правомъ. Въ ней положительная норма имѣетъ своего судью, и понятнымъ теперь является тотъ—я сказалъ бы, діалектическій—ходъ развитія обѣихъ формъ права. Конфликты и противорѣчія между ними являются его постояннымъ содержаніемъ, и это въ полной мѣрѣ подтверждаетъ Петражицкій. Интуитивное право, благодаря своей близости разнымъ сферамъ и кругамъ жизни, всегда право разнообразное и пестрое. Право позитивное, «удовлетворяя интуитивно-правовымъ требованіямъ однихъ... тѣмъ самымъ не удовлетворяетъ» таковымъ же «требованіямъ другихъ». И «чѣмъ больше разнообразія и разногласія въ предѣлахъ самой интуитивно-правовой народной психики, тѣмъ обильнѣе и больше разногласія и коллизіи

---

[1]) Петражицкій, в. н. с. Т. I, стр. 185—187, 198, 199, 208. Т. II, стр. 484, 505, 506, 485.

этой категоріи между позитивнымъ правомъ и интуитивнымъ... разныхъ общественныхъ элементовъ». Въ результатѣ—тяжелые конфликты между обѣими формами права. Можно ли это считать «только частными разногласіями» между ними? На нашъ взглядъ—это необходимый и неизбѣжный процессъ [1]).

Въ своемъ историческомъ развитіи обѣ формы права идутъ путемъ вѣчной борьбы еще и въ другомъ отношеніи: позитивное право имѣетъ тенденцію костенѣть и отставать отъ жизни, интуитивное развивается «непрерывно-постепенно». «Чѣмъ большей неподвижности и окаменѣлости достигаетъ традиціонно обычное или иное право... чѣмъ менѣе приспособленъ законодательный механизмъ къ сообразованію законодательнаго права съ народными интуитивно-правовыми воззрѣніями и требованіями, тѣмъ обильнѣе и рѣзче, ceteris paribus, конфликты этого рода между интуитивнымъ правомъ; ихъ можно назвать историческими или эволюціонными конфликтами». Эти конфликты смягчаются только тѣмъ, что интуитивное право пріобрѣтаетъ рѣшающее вліяніе на самое развитіе позитивнаго права. Это послѣднее оказывается такимъ образомъ «въ значительной степени» ничѣмъ инымъ, какъ «продуктомъ и проявленіемъ интуитивнаго права соотвѣтствующихъ лицъ, индивидовъ и массъ, получающихъ затѣмъ въ психикѣ другихъ самостоятельное значеніе». Такое давленіе «правды-справедливости» на положительное право идетъ, однако, какъ это признаетъ самъ Петражицкій, путемъ постоянно возрастающихъ несогласій и конфликтовъ между ними и вмѣстѣ съ тѣмъ постояннаго роста реформаторской дѣятельности въ области законодательства. «Процессу постепеннаго появленія и усиленія разногласій между интуитивнымъ и позитивнымъ правомъ соотвѣтствуетъ процессъ множества частичныхъ и мелкихъ

---

[1]) Тамъ же, . н. с. Т. II, стр. 489.

или болѣе или менѣе крупныхъ разрѣшеній и перемѣнъ въ сферѣ позитивнаго права». Величайшаго напряженія достигаетъ эмоція «справедливости» тогда, когда она встрѣчаетъ особенно сильное сопротивленіе со стороны стараго порядка. Въ этихъ случаяхъ интуитивное право пріобрѣтаетъ все большую силу, доходитъ «у все большаго числа индивидовъ до энтузіазма и фанатизма», доводитъ ихъ «до фанатической ненависти къ существующему порядку и его представителямъ, вызываетъ въ концѣ концовъ взрывъ, революцію»... Успѣхъ ея облегчается тѣмъ, что на сторонѣ стараго порядка, идущаго въ разрѣзъ съ интуитивнымъ правомъ массъ, развивается неизбѣжное «этическое гніеніе», столь свойственное средѣ, лишенной моральной санкціи и сознанія своего права [1]).

Въ обычное время «дѣйствіе интуитивнаго права по большей части остается скрытнымъ и незамѣтнымъ», оно «дѣйствуетъ въ качествѣ, такъ сказать, незримаго закулиснаго фактора, на сценѣ же появляются разные иные моменты и соображенія, составляются разныя теоріи, политическія и соціальныя ученія. Несмотря на свою подчасъ большую поверхность, односторонность и произвольность... разъ онѣ по своему направленію соотвѣтствуютъ требованіямъ зарождающагося и укореняющагося интуитивнаго права, представляются людямъ весьма удачными и убѣдительными, пріобрѣтаютъ распространеніе и популярность, иногда такую вѣру и почитаніе, какая бываетъ въ религіозной области». Также незамѣтно можетъ дѣйствовать интуитивное право и тамъ, гдѣ оно встрѣчается съ нарушеніемъ справедливости въ отдѣльныхъ случаяхъ или казусахъ. Этотъ конфликтъ неизбѣженъ, позитивное право не можетъ покрыть всѣ «конкретно-житейскіе» случаи и отношенія, и право интуитивное приходитъ на помощь. Массу отношеній оно выводитъ

---

[1]) Петражицкій, в. н. с. Т. II, стр. 492, 493, 494.

въ область третейскаго суда совѣсти, оно вліяетъ на самое толкованіе и примѣненіе позитивнаго права, оно путемъ психическаго давленія вводитъ свои идеи въ ученую юриспруденцію, даетъ тонъ ея работамъ въ толкованіи источниковъ, примѣненіи аналогіи и т. п. [1]).

Значеніе интуитивнаго права выяснено теперь передъ нами вполнѣ, и мы не можемъ въ виду этого присоединиться къ тѣмъ положеніямъ нашего автора, которыя какъ бы стремятся ослабить смыслъ сдѣланнаго имъ открытія и уравнять до извѣстной степени соціальный вѣсъ интуитивнаго и позитивнаго права. Пріоритетъ перваго и его первородство не могутъ уже представить никакихъ сомнѣній. Петражицкій не только снабдилъ «дворянскимъ патентомъ» интуитивное право и поставилъ его рядомъ съ положительнымъ, онъ доказалъ намъ, что оно одно имѣетъ право на царскій престолъ, является прирожденнымъ сувереномъ правовой области. Если Биндингъ выгналъ въ лакейскую правовое принужденіе, то Петражицкій заставилъ позитивное право преклонить колѣна передъ своимъ высокорожденнымъ господиномъ. И когда тотъ же Петражицкій старается придать самостоятельное и независимое значеніе положительному праву и его мотиваціи среди массъ, то мы не можемъ встрѣтить подобныхъ утвержденій безъ оговорокъ и сомнѣній. Когда у Петражицкаго выступаетъ позитивное право въ роли самодовлѣющаго воспитателя народа, — это утвержденіе является натяжкой и преувеличеніемъ: какъ примѣръ приводитъ здѣсь нашъ авторъ вліяніе освобожденія крестьянъ на психику народа. Но развѣ неизвѣстенъ нашему ученому тотъ фактъ, установленный историками Россіи, что болѣе столѣтія до освобожденія длилась непрестанная война крестьянъ съ правительствомъ за поруганное право, а слѣдовательно и здѣсь интуитивное право пред-

---

[1]) Тамъ же, Т. II, стр. 492, 493—496, стр. 490, 491.

шествовало положительному? Что «передовое позитивное право... ускоряетъ развитіе соотвѣтственнаго интуитивнаго права», въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній такъ же, какъ въ томъ, что «неразумное, злокачественное позитивное право» можетъ быть до извѣстной степени «источникомъ отравленія и порчи народной, интуитивной... этики». Не отрицаемъ мы также возможности вліянія позитивнаго права на тѣ или другіе круги, тѣсно связанные съ судебной, административной и т. п. практикой. Однако, это все частные случаи, скорѣе подтверждающіе правило, чѣмъ опровергающіе его. Не стоитъ ли въ подобныхъ случаяхъ за «злокачественнымъ» закономъ интуитивное право опредѣленныхъ группъ и классовъ населенія, не дѣлаетъ ли адвоката и юриста интуитивное право его группы особенно воспріимчивымъ къ позитивной мотиваціи? Правъ поэтому Петражицкій, когда онъ говоритъ: «Степень способности позитивнаго права модифицировать интуитивное право, сообразно собственному своему содержанію, зависитъ въ сильной степени (мы бы сказали исключительно) отъ его соотвѣтствія потребностямъ соціальной жизни, тенденціямъ ея развитія и т. д.» [1]).

Здѣсь мы приходимъ къ вопросу объ историческомъ развитіи права, неизбѣжно связанному съ самымъ ходомъ соціальной эволюціи... У Петражицкаго уже намѣчены ея нѣкоторые пункты и этапы. Въ новомъ трудѣ онъ обѣщаетъ намъ дать ея полное раскрытіе; до появленія этого труда мы пока отлагаемъ разборъ его эволюціонной теоріи, но здѣсь мы уже можемъ оцѣнить въ полной мѣрѣ его теорію права.

Будучи результатомъ крупнаго движенія европейской мысли и выдающихся дарованій автора, она является настоящимъ событіемъ въ наукѣ. Новое теченіе въ совре-

---

[1]) Петражицкій, в. н. с. Т. II, стр. 498—499.

менной юриспруденціи открываетъ широкіе горизонты правовой наукѣ и возвращаетъ массамъ отнятое было у нихъ интуитивное право, эту великую идею правды, которая одна можетъ дать оболочку соціальнымъ требованіямъ современности.

Борьба за хлѣбъ, за жизнь, за существованіе, борьба за блага свободы политической и соціальной также какъ за высшія блага культуры должны стать борьбой за право. Иначе—она безнадежна!

Теорія государства въ ученіи марксизма.

I.

Антиноміи марксизма [1]).

Для доктрины, которая видитъ въ политической борьбѣ одно изъ главнѣйшихъ средствъ достиженія новаго общественнаго порядка, вопросы политики и государствовѣдѣнія представляютъ совершенно исключительную важность. И, дѣйствительно, въ соціалистической литературѣ мы находимъ чрезвычайно обширные матеріалы не только въ области тактическихъ и соціальныхъ задачъ, но и болѣе общихъ ученій о государствѣ, объ его формахъ, типахъ и значеніи. И если, съ одной стороны, рабочія партіи всѣхъ странъ и народовъ, принимая горячее участіе въ парламентарной борьбѣ, являются передовыми въ дѣлѣ рѣшенія соціальныхъ и экономическихъ проблемъ и со всей энергіей отзываются на вопросы ежеминутной политики, то точно также—съ другой—имъ приходится

---

[1]) При составленіи настоящихъ очерковъ мы пользовались такъ называемой классической литературой марксизма, которая является въ значительной степени общеизвѣстной. Таковы главнымъ образомъ „Ludwig Feuerbach", „der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates" и „Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft"—Энгельса „das Elend der Philosophie", „die Klassenkämpfe in Frankreich", „der achtzehnte Brumaire", „zur Kritik der politischen Oekonomie"—Маркса; для общаго освѣщенія теоріи были необходимы и болѣе крупныя вещи вродѣ „Капитала". Цитаты, насколько было возможно, брались изъ русскихъ переводовъ. Хорошую службу для оріентированія сослужила и „Памятная книжка марксиста" г. Чернышева. Его переводы отличаются точностью и изяществомъ.

рѣшать и такіе вопросы государственнаго устройства и дѣятельности, которые своей вершиной достигаютъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Революціонныя эпохи въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ еще болѣе рѣшительнымъ образомъ: передъ научнымъ соціализмомъ и передъ соціалистами всѣхъ странъ онѣ ставятъ съ исключительной остротой вопросы міровового историческаго значенія и вынуждаютъ у пролетарскихъ партій отвѣтъ какъ разъ въ области историческаго признанія зрѣлости и сознательности пролетаріата, его пониманія не только текущаго момента, но и великой освободительной роли.

Отъ либеральныхъ революцій—къ конституціи, отъ всеобщаго избирательнаго права—къ парламентаризму, отъ этого послѣдняго къ новой, быть можетъ, рѣшительной борьбѣ; отъ перемѣщенія центровъ политической власти изъ рукъ одного класса въ руки новаго, возникающаго, и до полнаго преобразованія стараго общества на соціалистическихъ началахъ—весь этотъ путь длительной и напряженной борьбы, согласно теоріи марксизма, долженъ свершиться въ рамкахъ государственнаго порядка при помощи государственныхъ средствъ и силъ, и такимъ образомъ государство, эта «повивальная бабка» классоваго общества, передъ тѣмъ, какъ быть сданнымъ въ архивъ на-ряду съ веретеномъ и бронзовымъ топоромъ, должна выполнить въ послѣдній разъ свою акушерскую задачу—помочь рожденію на свѣтъ новаго общества, которое уже болѣе не будетъ нуждаться въ старой бабушкѣ классоваго порядка. Эти послѣдніе роды будутъ въ сущности самоубійствомъ государства—акушерки... Государство и политическая власть сначала въ видѣ угнетателя рабочихъ массъ, а затѣмъ въ видѣ орудія пролетарскаго преобладанія, государство какъ врагъ и какъ объектъ вѣковой борьбы, государство какъ мощный порядокъ классоваго владычества, какъ колеблющаяся сила, вторгающаяся порой въ соціальную борьбу и, словно разновѣсъ, играющая на междуклассовыхъ от-

ношеніяхъ,—вотъ какъ оно является для исторического материализма, въ самыхъ различныхъ формахъ и положеніяхъ, и весьма трудно считаться съ этимъ явленіемъ въ дѣйствительности, разъ не выяснить его въ научной положительной теоріи, не установить его мѣсто среди другихъ феноменовъ общественной жизни.

И, къ сожалѣнію, нужно отмѣтить, литература марксизма до настоящаго времени еще не имѣетъ законченной государственной теоріи. Это, впрочемъ, судьба всего ученія объ идеологическихъ «надстройкахъ» историческаго матеріализма. Вопросы марксистской теоріи познанія и соціальной философіи, ученіе о правѣ и государствѣ, религіозная и эстетическая теоріи—все это еще ждетъ своихъ изслѣдователей и работниковъ, несмотря на то, что практически всѣ эти области почти ежедневно затрагиваются въ дѣятельности соціалистическихъ партій. Теорія здѣсь слишкомъ отстала отъ жизни, и это не можетъ не отразиться и на самой практикѣ; послѣдняя часто принуждена разыскивать ощупью тотъ путь, освѣтить который задача теоретика. Нельзя не замѣтить однако, что по отношенію къ государству отсталость теоріи сказалась значительными неудобствами. Успѣхи анархизма, синдикализма и т. п. ученій въ рабочей средѣ несомнѣнно обязаны своимъ торжествомъ, между прочимъ, и безсистемности и отрывочности государственной теоріи марксизма. И не только новые вопросы политической жизни, вродѣ національности и колоніальной политики, требуютъ вниманія мыслящаго соціолога, нѣтъ, далеко нѣтъ. Даже основныя положенія доктрины въ родѣ отношенія экономическаго базиса къ политической надстройкѣ нуждаются въ критическомъ разсмотрѣніи, дополненіи и систематикѣ; иначе государственная теорія историческаго матеріализма можетъ послужить источникомъ самыхъ различныхъ недоразумѣній.

И для этого есть слишкомъ достаточно основаній. Какъ извѣстно, самъ Марксъ еще въ 1844 г. по его сло-

вамъ пришелъ къ убѣжденію, «что вообще не государство обусловливаетъ и регулируетъ гражданское общество, а, наоборотъ, гражданское общество обусловливаетъ и регулируетъ государство, и что, слѣдовательно, политика и ея исторія объясняются изъ экономическихъ отношеній и ихъ развитія, а не наоборотъ». Или, иначе, уже тогда Марксъ пришелъ къ результату, «что правовыя отношенія, какъ и государственныя формы, нельзя объяснить ни изъ нихъ самихъ, ни изъ такъ называемаго общаго развитія человѣческаго духа, а, наоборотъ, корни правовыхъ отношеній нужно искать въ матеріальныхъ жизненныхъ условіяхъ» такъ называемаго «общества», «анатомію же... общества нужно искать въ политической экономіи». Это основное положеніе историческаго матеріализма стало краеугольнымъ камнемъ теоріи; оно формулируется затѣмъ многократно, при чемъ получаетъ дальнѣйшее развитіе. Съ одной стороны Энгельсъ въ своемъ Анти-Дюрингѣ говоритъ: «матеріалистическое пониманіе исторіи исходитъ изъ положенія, что производство и, на-ряду съ производствомъ, обмѣнъ продуктовъ производства являются основаніемъ всякаго общественнаго строя; что во всякомъ обществѣ, выступающемъ на арену исторіи, распредѣленіе продуктовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и соціальное расчлененіе на классы и сословія зависитъ отъ того, что и какъ производится и какъ произведенное обмѣнивается. Съ этой точки зрѣнія, послѣднія причины всѣхъ общественныхъ измѣненій и политическихъ переворотовъ нужно искать... въ способахъ производства и обмѣна... въ экономіи данной эпохи». И эту мысль дополняетъ Марксъ: «въ непосредственномъ отношеніи собственника условій производства къ непосредственнымъ производителямъ... мы всегда находимъ внутреннюю тайну, скрытое основаніе всего общественнаго строенія, а потому также и политической формы отношенія властвованія и подчиненія, или, другими словами, основаніе всякой специфической государственной формы». Вкратцѣ словами Энгельса

можно это положеніе характеризовать такъ: «сила, вмѣсто господства надъ экономическимъ положеніемъ, сама принуждена подчиниться и служить ему».

Выраженныя въ приведенныхъ формулахъ начала, будучи взяты въ отдѣльности, могутъ повести къ самымъ одностороннимъ заключеніямъ. И прежде всего можетъ показаться, что въ нихъ скрытъ извѣстный экономическій фатализмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выражено осужденіе всякой политикѣ, какъ чему-то второстепенному, неважному, несущественному, а въ концѣ концовъ и ненужному. И если, съ одной стороны, именно въ этихъ положеніяхъ ищетъ своей опоры такъ называемый «экономизмъ», отрицающій вполнѣ какую бы то ни было политическую борьбу, то, съ другой стороны, на практикѣ мы встрѣчаемся съ отсутствіемъ сколько-нибудь серьезнаго интереса въ марксистскихъ кругахъ какъ разъ къ общимъ вопросамъ государствовѣдѣнія. И, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли заниматься чѣмъ-то второстепеннымъ и неважнымъ, когда политическая экономія одна въ состояніи дать самую суть, и ужъ несомнѣнно тотъ, кто хорошо усвоилъ себѣ экономію, будетъ въ состояніи самъ открыть всяческіе изъ нея выводы, разобрать «надстройку», разъ ему извѣстны ея основа и содержаніе.

И однако же, тотъ практикъ, который сдѣлалъ бы подобныя заключенія, былъ бы поставленъ въ немалое затрудненіе. Какъ оказывается, всякая борьба классовъ есть борьба не экономическая, но политическая, хотя и за экономическое освобожденіе. Мало того, само государство въ лицѣ своей бюрократіи, «располагая вооруженной силой и правомъ взиманія податей... стало выше общества, органомъ котораго оно является... носители чуждой обществу власти, чиновники, нуждаются для того, чтобъ имъ оказывали почетъ, въ исключительныхъ законахъ, на основаніи которыхъ они пользуются безотвѣтственностью и неприкосновенностью». Будучи «продуктомъ общества, достигшаго извѣстной степени развитія», государство характе-

ризуется, во-первыхъ, «дѣленіемъ подданныхъ по областямъ», во-вторыхъ, «учрежденіемъ особой вооруженной власти, отличной отъ вооруженной силы, организованной самимъ народомъ», при чемъ даже военная мощь государства развивается до такой степени, «что она грозитъ поглотить и общество и государство», наконецъ, въ-третьихъ, типичнымъ для государства, какъ для таковаго, является «обложеніе гражданъ податями», а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе государственнаго хозяйства или финансовъ. Такъ училъ уже Энгельсъ въ «Происхожденіи семьи, частной собственности и государства» и на исторіи Аѳинъ, Рима и германской государственности показалъ намъ, какъ постепенно создалась «вооруженная сила, исключительно подчиненная государственной власти и по ея приказу часто дѣйствовавшая противъ народа»; какъ за этимъ «отличительнымъ признакомъ государства» послѣдовали всѣ другіе, которые и дали въ одномъ мѣстѣ демократію, въ другомъ аристократію, въ третьемъ, наконецъ, монархическое устройство. Такъ создалась «особая власть, стоящая, повидимому, выше общества», которой послѣдующіе писатели посвятили весьма краснорѣчивыя страницы. И у Каутскаго въ его «Соціальной революціи» мы уже читаемъ, «что могущество современной государственной власти возрасло до необычайной степени»; «всякое значительное политическое преобразованіе въ современномъ крупномъ государствѣ тотчасъ же оказываетъ самое глубокое вліяніе на громадное общественное цѣлое, воздѣйствуя на него одновременно и одинаковымъ образомъ». «Техническая революція, произведенная капитализмомъ, распространяется и на военную технику... Оружіе и орудія войны... дѣлаются привилегіей государственной власти. Уже по одной этой причинѣ армія отдѣляется отъ народа... И повсюду представители арміи являются профессіональными солдатами, отдѣленными отъ народа и составляющими привилегированную касту. Но и экономическія средства современнаго... государства оказываются

огромными... оно сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ богатства громадной области, техническія средства которой далеко оставляютъ позади даже техническія средства наиболѣе высокихъ культуръ древности. И при этомъ въ распоряженіи современнаго государства имѣется централизованная бюрократія, какой не знало ни одно государство древности и среднихъ вѣковъ... Какъ занятіе искусствомъ и наукою, такъ и управленіе государствомъ перестаетъ быть теперь дѣломъ господствующихъ классовъ... Классъ капиталистовъ господствуетъ, но не управляетъ»... Такое государство получаетъ совершенно особый характеръ; неудивительнымъ является поэтому, что государственная власть можетъ получать «извѣстную самостоятельность». Напротивъ, можно удивляться, какъ подобное государство еще терпитъ возлѣ себя какое-то общество, и представляется совершенно непостижимымъ, какъ подобная мощь, опирающаяся на военную силу, финансы и бюрократію, можетъ въ чемъ-нибудь зависѣть отъ какихъ-то экономическихъ условій. Развѣ само государство не является хозяйственнымъ центромъ перваго ранга въ современной экономикѣ?

Мы видимъ и въ самомъ дѣлѣ, что не одинъ Дюрингъ придавалъ и придаетъ такое громадное значеніе государству, основанному на непреоборимой мощи. Теорія силы или насилія имѣетъ громадное число приверженцевъ въ государственной наукѣ. Сила чуждой расы и завоеванія легла въ основу теоріи австрійца Гумпловича, завоеваніе, какъ источникъ всего современнаго государства, устанавливаетъ англичанинъ Дженксъ въ своихъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, индивидуалистическое царство силы характеризуетъ, по ученію такого соціалиста, какъ А. Менгеръ, существующій правовой и политическій порядокъ. Въ теоріи марксизма государство выступаетъ также подъ знаменемъ насилія и силы, и ближайшей задачей теоріи является примиреніе такой надстройки съ экономической основой, а вмѣстѣ съ тѣмъ установленіе рѣзкаго отличія

между историческимъ матеріализмомъ и другими общественными теоріями.

Понятіе общественныхъ классовъ и ихъ борьбы является опредѣляющимъ въ данномъ отношеніи. По теоріи марксизма, государство рождается вмѣстѣ съ классовымъ обществомъ и вмѣстѣ съ нимъ умираетъ. Хозяйственныя условія дикаго состоянія и эпохи варварскаго хозяйства даютъ только родовой укладъ, но не государство. Въ этотъ періодъ, въ качествѣ надстройки, является родъ и родовая организація, такъ какъ нѣтъ еще имущихъ и неимущихъ, угнетателей и угнетаемыхъ, эксплоатируемыхъ и эксплоататоровъ, а есть только, говоря словами Моргана, «свобода, равенство и братство древняго родового быта». «Государство есть продуктъ общества на извѣстной ступени его развитія». «Государство не отъ вѣчности, жили общества и безъ него... только на извѣстной ступени экономическаго развитія, неразрывно соединеннаго съ распаденіемъ общества на классы, на сословія, явилась необходимость въ государствѣ»... «Какъ возникло это дѣленіе на классы, такъ оно и исчезнетъ, а съ нимъ исчезнетъ и государство». Спрашивается, однако, почему государство, эта военно-бюрократическая и финансово-полицейская машина, оказывается нужной со времени возникновенія классовой борьбы? Какую роль играетъ этотъ громоздкій аппаратъ, обладающій къ тому же такой рѣзкой тенденціей къ самостоятельности въ общемъ ходѣ соціальнаго развитія? Ни Марксъ, ни Энгельсъ отнюдь неповинны въ идеализаціи государственныхъ формъ; въ ихъ твореніяхъ нашли свою характеристику не только грубѣйшія формы азіатской деспотіи, но и цивилизованное насиліе новѣйшихъ культурныхъ государствъ. И однако же, какъ выясняетъ это Энгельсъ въ своемъ Анти-Дюрингѣ, не только существующія противоположности между эксплоатирующими классами и подвластными имъ, но и сама необходимость государства построена на недостаточной производительности труда или на несовершенствѣ

производства. Государство этимъ самымъ обосновывается экономически, а дѣятельность его получаетъ исторически необходимый характеръ.

Все дѣло въ томъ, что съ самаго начала общества наблюдаются «извѣстные общіе интересы, защита которыхъ должна быть поручена отдѣльнымъ лицамъ», подобныя должности и служатъ зачатками государственной власти; «основой политическаго господства служила всюду общественно-должностная дѣятельность. И политическое господство только тамъ продолжало существовать, гдѣ оно исполняло эту свою общественную должностную функцію». Спрашивается теперь, какова эта функція и въ чемъ ея связь съ классовымъ порядкомъ? На это отвѣчаетъ историческій матеріализмъ: «возрастаніе производительныхъ силъ и густоты населенія создаетъ не только общность, но и противорѣчіе интересовъ среди группъ населенія», а вмѣстѣ и необходимость «новыхъ органовъ для защиты общихъ и устраненія противоположныхъ интересовъ». Государство стало, такимъ образомъ, «оффиціальнымъ представителемъ всего общества, воплощеніемъ его въ видимой корпораціи». Въ качествѣ таковаго, государство беретъ на себя сначала только защиту общества противъ внѣшнихъ враговъ или такихъ общихъ интересовъ, какъ, напримѣръ, орошеніе полей на востокѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ развитія классоваго порядка, беретъ на себя защиту тѣхъ классовыхъ отношеній, которыя опредѣляются существующимъ способомъ производства. Въ силу недостаточной производительности труда и невозможности для трудящихся непосредственно завѣдывать общими интересами, устанавливается раздѣленіе труда между обществомъ и государствомъ, при чемъ послѣднее изъ слуги общества часто становится его господиномъ. И это немудрено: по своему содержанію дѣятельность государства какъ разъ лежитъ тамъ, гдѣ сосредоточены интересы охраны всего существующаго порядка производства. Неудивительно отсюда, что отъ направленія государственной дѣятельности въ зна-

чительной степени зависитъ самый ходъ общественнаго процесса. «Политическая власть, сдѣлавшаяся самостоятельной по отношенію къ обществу, превратившись изъ слуги въ господина, можетъ дѣйствовать въ двоякомъ направленіи: или она дѣйствуетъ въ смыслѣ и направленіи закономѣрнаго экономическаго развитія, въ этомъ случаѣ нѣтъ спора между обществомъ и государствомъ, и экономическое развитіе ускоряется; или же политическая власть дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи, и тогда, за немногими исключеніями, экономическое развитіе ее обыкновенно побѣждаетъ». Такъ государство представляетъ собой первую идеологическую «власть надъ людьми»; въ немъ «общество создаетъ себѣ органъ для защиты своихъ общихъ интересовъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ посягательствъ».

Въ приведенныхъ положеніяхъ имѣется несомнѣнно много истинъ, которыя являются общимъ достояніемъ науки. Государство, ставшее въ противоположность обществу, находитъ пути необходимой съ нимъ связи; хозяйственный, производственный процессъ и порожденные имъ интересы получаютъ въ лицѣ государства могущественный аппаратъ охраны и защиты. Въ данномъ случаѣ марксизмъ разсуждаетъ совершенно такъ же, какъ и всякая иная соціологическая теорія. Установивъ опредѣленное содержаніе общественной жизни, онъ съ неизбѣжностью опредѣляетъ государство какъ внѣшній механизмъ, своего рода роговой панцырь, который какъ разъ прикрываетъ собою наиболѣе важные пункты такъ называемыхъ общихъ интересовъ. Приверженцы идеалистическаго направленія смѣло могутъ замѣнить хозяйственный процессъ общественной жизни, выдвинутый Марксомъ, культурнымъ, религіознымъ или какимъ-либо инымъ, по образцу Огюста Конта, Кидда или Фуллье, и съ тѣмъ же удобствомъ, съ какимъ государство марксистовъ защищаетъ эволюцію хозяйственнаго процесса, ихъ государство станетъ служить всякому иному.

И если бы марксизмъ ограничивался только такой конструкціей государства, онъ былъ бы очень недалекъ отъ знаменитаго «ночного сторожа» до-мартовскаго либерализма. Не надо забывать, что и почтенный будочникъ упомянутой эпохи иногда пошаливалъ и производилъ всяческій терроръ и разные дебоши. Недаромъ просвѣщенный деспотизмъ звалъ себя слугою націи, а римскіе императоры-папы величали себя даже рабами—рабовъ Божіихъ... И самое происхожденіе власти въ разобранныхъ положеніяхъ Энгельса также напоминаетъ болѣе старыхъ писателей. Еще у Платона и Аристотеля читаемъ мы о раздѣленіи труда, поведшемъ къ основанію государства, а общественно-должностной характеръ разныхъ владыкъ и повелителей не разъ служилъ имъ для оправданія и даже апологіи своей дѣятельности и правъ. И если, на почвѣ охраны общихъ интересовъ, «сила» и «политика» заняли соотвѣтственное мѣсто по отношенію къ хозяйству, а, въ частности, къ процессу производства и обмѣна, то пока историческій матеріализмъ не сдѣлалъ этимъ никакихъ существенныхъ пріобрѣтеній. Единственно важное заключается здѣсь лишь въ томъ, что хозяйство и экономика признаны основной и опредѣляющей политику категоріей.

Къ подобной теоріи безъ всякихъ затрудненій могутъ присоединиться всѣ представители не-марксистскаго историческаго матеріализма; ибо, какъ совершенно правильно указываетъ на это М. Ковалевскій въ своихъ «Современныхъ соціологахъ», признаніе хозяйственной категоріи въ качествѣ рѣшающаго момента для политики далеко не ново въ государственной наукѣ. У греческихъ политиковъ, особенно у Аристотеля, у итальянскихъ писателей эпохи Возрожденія, въ частности у Маккіавелли и Гвичіардини, наконецъ, у англійскихъ публицистовъ середины XVIII вѣка, также какъ у физіократовъ и экономистовъ XVIII столѣтія, рѣзко выдвигается на

первый планъ экономическій моментъ, а у Сенъ-Симона и его учениковъ, также какъ у гегеліанца Лоренца Штейна, все соціальное движеніе объясняется хозяйственными причинами. И новѣйшій историческій матеріализмъ неокантіанца Рудольфа Штаммлера легко можетъ быть поставленъ въ связь съ вышеприведенными положеніями марксизма, и между ними можетъ не оказаться никакой разницы. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ штаммлеровская матерія какъ «соціальное хозяйство» хуже упомянутой экономики съ ея общими интересами. И спрашивается, почему бы не представить себѣ государства и права въ видѣ «формы», облекающей собою этотъ самый общій интересъ. Tout comme chez nous—все, какъ у насъ, въ благонамѣренной и скромной научной доктринѣ неокантіанскаго либерализма.

Сходство между всѣми упомянутыми «историческими матеріалистами» и марксизмомъ можно еще значительно увеличить. Стоитъ припомнить, что даже въ классовой борьбѣ государство выступаетъ въ качествѣ своего рода примирителя и защитника интересовъ «цѣлаго» противъ посягательствъ со стороны отдѣльнаго класса. И, въ самомъ дѣлѣ, «до тѣхъ поръ, пока общественный и совокупный трудъ доставляетъ продуктъ, лишь немногимъ превышающій необходимыя для скуднаго существованія потребности всѣхъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока трудъ отнимаетъ все или почти все время огромнаго большинства членовъ общества—до тѣхъ поръ общество по необходимости дѣлится на классы». «Такимъ образомъ въ основѣ дѣленія на классы лежитъ законъ раздѣленія труда». Этимъ дѣленіе на классы получаетъ историческое оправданіе. Вполнѣ естественно, однако, что масса неимущихъ или малоимущихъ возстаетъ противъ господствующихъ и владѣющихъ монополіей богатства и образованія классовъ. Начинается классовая борьба и что же? По словамъ Энгельса, какъ разъ государство втор-

гается въ эту борьбу, какъ разъ оно является «сознаніемъ, что общество находится въ неразрѣшимомъ противорѣчіи само съ собою, что оно распалось на непримиримые классы, и что оно не имѣетъ средствъ примирить эти противоположности и противорѣчія». И государство, какъ нѣкій благодѣтельный геній, приходитъ на помощь раздираемому классовой борьбой обществу; какъ «особая власть, стоящая, какъ кажется, выше общества», оно заботится о томъ, «чтобы эти противорѣчія, эти общественные классы съ противоположными экономическими интересами не уничтожили другъ друга и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое общество въ безплодной борьбѣ». И если государство и не въ силахъ «уничтожить борьбу», то во всякомъ случаѣ «эта власть, выдѣлившаяся изъ общества, ставшая надъ нимъ и чуждая ему», имѣетъ своимъ призваніемъ по крайней мѣрѣ держать эту борьбу «въ границахъ порядка». Неудивительно поэтому, что уже въ Аѳинахъ государство создало своеобразную полицію изъ рабовъ, что оно становится порой не только полицейской, но и соціальной силой, и, какъ признаетъ тотъ же Энгельсъ, оно въ тѣ періоды, когда борющіеся классы уравновѣшиваютъ другъ друга, играетъ роль своеобразной посредницы между отдѣльными классами. Не надо забывать, что сама покорность угнетеннаго и эксплоатируемаго класса покупается далеко не одной только силой, но и опредѣленными уступками. Каждый порядокъ распредѣленія благъ долженъ обезпечивать угнетеннымъ классамъ хоть какую-нибудь возможность улучшить свое положеніе, и только этимъ путемъ достигается извѣстное признаніе существующаго строя со стороны трудящихся массъ. И если «въ основаніе учрежденія государства легла потребность держать въ повиновеніи различные общественные классы», то, съ одной стороны, господствующій классъ пользуется охраной государства, какъ «представитель всего общества», съ другой же по-

корность эксплоатируемыхъ классовъ обезпечивается не только карательными средствами, но и компромиссомъ. Понятнымъ послѣ этого становится утвержденіе Каутскаго въ его «Соціальной революціи», что даже современное государство, въ лицѣ его бюрократіи, оказывается болѣе умѣреннымъ въ средствахъ и менѣе враждебнымъ по отношенію къ пролетаріату, чѣмъ стоящіе за нимъ господствующіе классы. «Парламентскія большинства оказываются очень часто болѣе реакціонными, болѣе враждебно настроенными къ пролетаріату, нежели правительства». «Нерѣдко правительства, при всей своей реакціонности и враждѣ къ рабочимъ, не обнаруживаютъ на практикѣ такой дикой свирѣпости», какъ современная крупная и мелкая буржуазія. И это немудрено: «чтобъ быть въ состояніи угнетать классъ, ему должно обезпечить условія, при которыхъ онъ по крайней мѣрѣ можетъ поддерживать свое рабское существованіе». И не только это: «при крѣпостной зависимости, крѣпостной поднялся до члена общины такъ же, какъ мелкій горожанинъ выросъ до буржуа подъ гнетомъ феодальнаго абсолютизма». Современныя соціальныя реформы и демократизація государства построены на томъ же принципѣ отдѣльныхъ уступокъ рабочему классу. И правительства здѣсь идутъ впереди своего общества.

Передъ нами самая настоящая теорія Лоренца фонъ-Штейна. Борьба классовъ съ одной стороны и благодѣтельное государство съ другой; стоя надъ обществомъ, этимъ гегелевскимъ царствомъ борьбы и эгоизма, оно, въ качествѣ носителя нравственной идеи, вноситъ миръ и благораствореніе туда, гдѣ вчера еще шла сѣча, лилась кровь и скрещивались мечи. Передъ нами чуть ли не апоѳеозъ государственной власти. Наверху сіяніе обожествленнаго милитаризма, внизу Бисмаркъ, несущій счастье умиротворенному человѣчеству; справа рабочій въ качествѣ честнаго малаго, простирающаго предпринимателю

свои руки для соотвѣтственнаго употребленія, слѣва фабрикантъ, великодушно отрывающій отъ себя часть своего предпринимательскаго «заработка», согласный сократить 10 часовъ одуряющаго и напряженнаго труда до $9^1/_2$— по требованію добродѣтельнаго государственнаго мужа. Развѣ не основанъ на необходимости классовый порядокъ? Развѣ возможно обойтись безъ раздѣленія труда? Развѣ можетъ существовать общество безъ подчиненія съ одной стороны и властвованія съ другой? Наконецъ, развѣ не общій интересъ лежитъ въ основѣ тишины и порядка, мирнаго преуспѣянія подъ охраной твердой правительственной власти? И развѣ, принявъ, подобную теорію, не пріобрѣлъ бы марксизмъ себѣ всеобщаго признанія и лавровъ спасителя отечества! Если бы Марксъ и Энгельсъ ограничились только высказанными положеніями, ихъ портреты, несомнѣнно, красовались бы давно на стѣнахъ всѣхъ кабинетовъ финансоваго и промышленнаго міра. И не только университеты, но и биржи основывались бы въ память геніальныхъ мыслителей, укротившихъ силою Орфея безчисленныя стада ревущихъ и бунтующихъ, все низвергающихъ, все подрывающихъ существъ...

Увы, теорія марксизма позволяетъ себѣ выводы, которыхъ не рискнетъ сдѣлать ни одинъ школьный систематикъ и догматикъ. Ставъ, какъ казалось, на рельсы вполнѣ благонамѣренной науки, она дѣлаетъ, повидимому, неожиданный поворотъ влѣво и сразу переходитъ на рельсы «сюбверзивныхъ», разрушительныхъ теорій. И если она создаетъ рай въ отношеніяхъ общества и государства, то только съ тѣмъ, чтобы его разрушить. И какъ волшебный садъ въ вагнеровскомъ Персивалѣ, рушатся устои соціальной идилліи, украшавшей собой историческій матеріализмъ. И едва мы успокоились на общемъ интересѣ, такъ властно укротившемъ отдѣльные общественные классы, какъ мы слышимъ изъ устъ той же теоріи: «государственная власть сосредоточена въ рукахъ самаго могуще-

ственнаго въ экономическомъ отношеніи сословія, и къ нему уже перешло политическое господство». «Государственную власть составляетъ организація класса имущихъ для защиты ихъ интересовъ противъ класса неимущихъ». Общество, основанное на классовыхъ противорѣчіяхъ, нуждается въ государствѣ, которое есть ни что иное, какъ «организація эксплоатирующаго въ данное время класса». Цѣль государства это—«держать въ повиновеніи и эксплоатировать побѣжденный классъ». И если «государство было оффиціальнымъ представителемъ всего общества», то оно было имъ лишь «постольку, поскольку оно было государствомъ того класса, который въ данную эпоху являлся представителемъ всего общества: въ древности мы имѣемъ государство гражданъ рабовладѣльцевъ, въ средніе вѣка государство феодальнаго дворянства, въ наше время—государство буржуазіи». И послѣднее положеніе въ настоящее время можетъ быть раскрыто еще подробнѣе: это «лишь организація, создаваемая буржуазнымъ обществомъ съ цѣлью защиты внѣшнихъ условій капиталистическаго способа производства противъ домогательствъ какъ со стороны рабочихъ, такъ и со стороны отдѣльныхъ капиталистовъ. Современное государство, независимо отъ его формы, есть въ сущности капиталистическая машина, государство капиталистовъ—идеальный коллективный капиталистъ». Даже когда государство становится независимымъ отъ общества, то «оно тѣмъ болѣе получаетъ эту независимость, чѣмъ больше оно становится органомъ опредѣленнаго класса, чѣмъ непосредственнѣе оно осуществляетъ господство именно этого класса».

Нельзя выразиться болѣе опредѣленно. Общему интересу здѣсь противопоставленъ частный, а послѣдній сдѣланъ представителемъ всего общества. Гармонія общей охраны условій производства, поддержаніе порядка и даже благодѣтельнаго примиренія классовъ разсыпалась, какъ

воздушный замокъ, и мы имѣемъ передъ собою тираннію хозяйственной эксплоатаціи, которая пользуется общественной властью съ цѣлью все большаго угнетенія побѣжденныхъ. «Самостоятельная» государственная власть пользуется своей независимостью лишь для того, чтобъ отречься отъ великихъ общественныхъ задачъ и стать орудіемъ того, для отвращенія чего она поставлена: для пожиранія однимъ классомъ всего общества, для его разложенія и разрушенія. Какія вопіющія противорѣчія!

И враги соціализма съ торжественнымъ видомъ извлекаютъ изъ теоріи марксизма всѣ отдѣльныя положенія доктрины и, сопоставивъ ихъ другъ съ другомъ, получаютъ, казалось бы, чудовищную картину: государство въ то же время самостоятельное и несамостоятельное съ одной стороны, зависимое отъ экономики и стоящее на стражѣ средствъ и способа производства, а съ другой— разбивающее теченіе хозяйственнаго прогресса своимъ вмѣшательствомъ при помощи чисто-политическихъ силъ. Государство, возникающее то изъ экономически общественнаго призванія, то опирающееся на грубую силу оружія, монополизирующее армію и бюрократію, отказавшееся отъ какой бы то ни было службы обществу, само ставшее господиномъ. Наконецъ, и въ своемъ отношеніи къ борьбѣ классовъ государство выступаетъ опять какимъ-то Янусомъ, правая рука котораго рубитъ лѣвую, а лѣвая поражаетъ правую. То посредникъ между классами въ ихъ взаимной борьбѣ, то защитникъ общества отъ тиранніи класса, оно вдругъ превращается во врага этого самаго общества, въ слѣпое орудіе классоваго хищничества, общественнаго разграбленія.

Но чѣмъ мы можемъ еще страшнѣе завершить рядъ приведенныхъ нами положеній марксизма и этимъ окончательно убить всякаго филистера, это—письмомъ Дицгена къ Зорге отъ 9 іюня 1886 г. Признанный философъ марксизма, такъ тепло рекомендуемый Энгельсомъ и Мар-

ксомъ, провозглашаетъ себя безъ всякаго стѣсненія «анархистомъ», при чемъ тамъ даже встрѣчается предложеніе: «названія:—анархистъ, соціалистъ, коммунистъ бросить въ одну кучу и... смѣшать...» Что же это такое? Неужели дѣйствительно анархизмомъ заканчивается все то государственное строеніе, которое марксизмъ строилъ съ такимъ стараніемъ и обиліемъ матеріаловъ, неужели правы тѣ, кто говоритъ, что въ сущности весь марксизмъ можно свести «къ дикимъ теоріямъ все отрицающаго и все разрушающаго анархизма?»

II.

Государство—идеологія.

Было бы совершенно праздной задачей пытаться распутать вышеприведенныя положенія при помощи обычной догматики. И даже «великій» Іеллинекъ врядъ ли помогъ бы намъ со своимъ соціальнымъ ученіемъ о государствѣ. Одинъ діалектическій методъ можетъ поставить на свое мѣсто въ историческомъ процессѣ отдѣльныя, казалось бы, другъ другу противорѣчащія явленія и найти имъ соотвѣтственныя объясненія. Въ особенности это относится, конечно, къ той доктринѣ, которая заимствовала свою діалектику у незабвеннаго Гегеля, перевернувъ кстати головою вверхъ поставленный кверху ногами процессъ историческаго развитія. Уже Гегель самъ являлся въ высшей степени опаснымъ государствовѣдомъ со своимъ отрицаніемъ отрицанія. Уже у него цвѣли и развертывались различныя формы государства съ исключительной цѣлью также быстро отцвѣсти съ закатомъ опредѣленной эпохи. Ко всеобщему конфузу старыхъ юристовъ слово фейерверкъ, пускаемый опытнымъ пиротехникомъ, играли у него на небѣ то царство естественной необходимости

восточнаго быта, то прекрасная личность Эллады, то холодная универсальность Рима, то, наконецъ, великій германскій міръ, давшій торжество нравственной идеѣ, воплотившій въ себѣ и всеобщность и свободу. И каждый изъ этихъ міровъ, каждая государственность погибала, торжественнымъ ходомъ двигалась исторія, созидающая и разрушающая въ одно и то же время. Все старое обречено гибели во имя новой жизни, таковъ былъ революціонный результатъ гегелевскаго метода, и только абсолютный духъ и насильственная остановка исторіи на прусскомъ государствѣ Фридриха-Вильгельма III спасла Гегеля отъ развращающихъ тенденцій. И въ самомъ дѣлѣ, чего было этой діалектикѣ бояться катастрофъ, когда абсолютъ затѣмъ лишь проявлялся въ погибшихъ формахъ, чтобы съ тѣмъ большимъ блескомъ воплотиться въ королевско-прусской христіанской казармѣ. Всѣ формы государственности, вся исторія ихъ развитія была заготовлена напередъ, какъ пасхальное яйцо съ массой вложенныхъ въ него деревянныхъ яичекъ. И въ самомъ центрѣ здѣсь было воистину красное яичко: объективный духъ или нравственная идея, облеченная въ бѣло-черные истинно-прусскіе цвѣта. Само собою разумѣется, что діалектика марксизма лишена премудраго духа, совершающаго исторію съ переодѣваніемъ. Ея діалектика не боится конца и смѣло несетъ отрицаніе всякой дѣйствительности. Не оживетъ, аще не умретъ.

Къ сожалѣнію, воспользовавшись діалектикой Гегеля для своихъ смѣлыхъ и широкихъ построеній, марксизмъ слишкомъ во многомъ слѣдуетъ Гегелю въ его государственной философіи. Въ особенности пагубнымъ оказалось здѣсь пользованіе старой терминологіей для новыхъ понятій и некритическое отношеніе ко многимъ «сущностямъ». Правда, тѣ бенгальскіе огни, которыми было освѣщено гегелевское государство, въ марксизмѣ затушены совсѣмъ. Отъ великой нравственной идеи, отъ объ-

ективнаго духа, отъ порядка свободы и всеобщности у марксистовъ не осталось ничего. Вся бутафорія дешевой идеализаціи устранена вовсе. Но, несмотря на это, рѣзкое и ненаучное противоположеніе «общества» и «государства» осталось, только изъ царства свободы государство превратилось въ царство принужденія, хотя ни Марксъ, ни Энгельсъ не могли не замѣтить, что государство есть лишь «первая изъ идеологій» или иначе «первая идеологическая власть надъ людьми». Сознаніе связи между политикой и экономикой спасало марксизмъ отъ олицетворенія государства, отъ превращенія его въ самостоятельную сущность. Марксъ, по примѣру Фейербаха, также искалъ въ политической идеологіи реальнаго экономическаго человѣка, какъ Фейербахъ на небесахъ читалъ земную его исторію. И однако же фантомъ государства, какъ чего-то самостоятельнаго, независимаго отъ общества, какой-то особой силы, съ специфической природой, организаціей и дѣятельностью, все время тяготѣетъ на творцахъ историческаго матеріализма и перебиваетъ ихъ смѣлыя и новыя обобщенія. И тѣ самые писатели, которые ни одной минуты не сомнѣвались изслѣдовать въ экономической борьбѣ ея политическую сторону, въ то же самое время изо всѣхъ силъ стараются оторвать это самое государство отъ экономической жизни въ качествѣ какого-то особаго привѣска, по крайней мѣрѣ, на время классового порядка и классового общества.

Въ особенности ярко выяснится основное заблужденіе воспринятаго марксизмомъ гегеліанства, если мы попробуемъ скомбинировать въ одно цѣлое тѣ черты, которыми государство отличается отъ общества и его феноменовъ. Такими понятіями являются, во-первыхъ, понятіе власти; во-вторыхъ, организаціи, стоящей на основѣ территоріальнаго общества; въ-третьихъ, опирающейся на военную силу, финансы и бюрократическій аппаратъ; въ-четвертыхъ, имѣющей своею задачей защиту интере-

совъ всего общества, въ частности всего общественнаго производства; въ-пятыхъ, главнымъ же образомъ постольку, поскольку эти интересы рождаются изъ антагонизма классовъ и сосредоточиваются въ интересахъ одного или нѣсколькихъ классовъ, являющихся господствующими и своего рода представителями данной фазы производственнаго процесса.

Такое государство, лишенное суверенитета, этой верховной и самодовлѣющей власти, не имѣетъ въ себѣ уже главнаго признака государства, въ смыслѣ общепринятаго понятія, и однако же называется государствомъ. Между тѣмъ, съ упраздненіемъ мистическаго верховенства у государства, его власть уже ничѣмъ не отличается отъ власти цѣлаго ряда другихъ союзовъ, и совершенно непостижимо, почему власть одного или двухъ господствующихъ классовъ въ отличіе отъ власти другихъ организацій и союзовъ должна называться по преимуществу «государствомъ». Но опять-таки власть отдѣльнаго класса такого же соціально-хозяйственнаго происхожденія, какъ всякая другая въ человѣческомъ обществѣ, ибо какъ въ христіанствѣ нѣтъ власти, аще не отъ Бога, такъ въ марксизмѣ нѣтъ власти, которая не была бы надстройкой надъ экономическимъ базисомъ и которая не служила бы ему. Что же касается спеціально территоріальнаго характера и финансовой или вѣрнѣе хозяйственной организаціи, то этими чертами отличается точно также всякій иной общественный союзъ, начиная съ территоріальной организаціи какого-нибудь кочующаго народа и кончая общиной городомъ, областью. О финансахъ ужъ и не говоримъ: взиманіемъ податей и правомъ самообложенія обладали не только государства, но и отдѣльныя сословія, а постоянныя повинности были присущи и родовымъ союзамъ. Спрашивается, при чемъ тутъ государство?

Что понятіе «государство», эта первая изъ идеологій, можетъ смутить даже лицъ изъ марксистскаго ла-

геря, это показываютъ не только ревизіонистскіе опыты, но и книжка г. Магазинера, сдѣлавшаго попытку построить суверенитетъ при помощи метода историческаго матеріализма. И что же получилось? Не рѣшаясь поднять руку на старую фантазму шаблонной юриспруденціи, нашъ авторъ принужденъ былъ мыслить до конца и послѣдовательно пришелъ къ конструкціи особаго «экономическаго» или «хозяйственнаго суверенитета» рядомъ съ понятіемъ «политическаго». Этимъ путемъ вносится въ науку самый непростительный дуализмъ, при чемъ экономическій суверенъ и суверенъ юридическій оказываются двумя существенно различными силами, а на помощь этимъ двумъ факторамъ выступаетъ еще третій фактическій суверенъ, который опирается въ свою очередь на экономическій суверенитетъ. И какъ бы для того, чтобы довести ad-absurdum гегелевское государство, попавшее въ обрѣзанномъ видѣ въ марксистскую теорію, г. Магазинеръ прямо противопоставляетъ другъ другу двухъ сувереновъ и заставляетъ ихъ бороться другъ съ другомъ. Спрашивается, къ чему эта феерическая борьба двухъ вагнеровскихъ героевъ, когда все государство съ его суверенитетомъ сводится лишь къ понятію власти, при томъ неотдѣлимой никакими существенными признаками отъ власти класса, сословія, общественной группы или организаціи. Другое дѣло, если бы марксизмъ дѣлалъ государство не только оффиціальнымъ представителемъ всего общества и всего производственнаго процесса въ его цѣломъ. Тогда у насъ была бы экономическая основа для построенія спеціально государственной фантазмы. Однако же, какъ говоритъ Энгельсъ, «когда государство явится, наконецъ, фактическимъ представителемъ всего общества, то оно станетъ излишнимъ... Первый актъ, съ которымъ государство выступаетъ дѣйствительно какъ представитель всего общества—монополизированіе средствъ производства

во имя общества — будетъ въ то же время его послѣднимъ самостоятельнымъ актомъ какъ государства».

Отказывая государству въ значеніи дѣйствительнаго представителя всего общества, лишая это понятіе ореола народной національной воли, а также всѣхъ правъ на таинственный суверенитетъ, столь излюбленный юристами, марксизмъ этимъ самымъ принуждается и къ отреченію отъ стараго термина, который болѣе не имѣетъ никакого смысла. И давно пора отказаться отъ этой «сущности», навязанной современному обществу философіей стараго радикализма. Не надо забывать, что понятіе государства въ качествѣ суверѣннаго, самостоятельнаго союза весьма недавняго происхожденія. Не только родовой бытъ, но и добрые средніе вѣка его совершенно не знали. Суверенитетъ родился вмѣстѣ съ абсолютизмомъ!

Представляется, конечно, возможнымъ именовать государствомъ специальный аппаратъ военно-полицейскаго принужденія, которымъ пользуются одни классы для угнетенія другихъ. Когда идетъ рѣчь о такомъ насиліи, то прежде всего, само собою разумѣется, здѣсь исключается понятіе физической силы, какъ таковой. Какъ прекрасно Энгельсъ возразилъ Дюрингу: «тотъ простой фактъ, что порабощенныхъ и эксплоатируемыхъ во всѣ времена было больше, чѣмъ господствующихъ и эксплоатирующихъ, что, слѣдовательно, дѣйствительная сила на сторонѣ первыхъ, а не вторыхъ, это уже достаточно показываетъ всю вздорность теоріи насилія». Слѣдовательно, здѣсь идетъ рѣчь совсѣмъ не о простой силѣ, а о совершенно иной, которая коренится въ общихъ условіяхъ хозяйства и является моментомъ той власти, о которой рѣчь шла уже выше. Дѣло сводится, такимъ образомъ, вообще къ орудіямъ угнетенія, а таковыми, на-ряду съ ружьями и пушками, являются: поощреніе невѣжества и фанатизма, развращеніе при помощи подкупа и подачекъ, разжиганіе племенной національной ненависти и т. п. Исторія показы-

ваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что для производства всевозможныхъ карательныхъ экспедицій и избіеній совершенно въ одинаковой степени пригодны толпы разъяренной черни, выпущенныхъ на волю преступниковъ и тому подобныхъ представителей государственнаго, если не меча, то во всякомъ случаѣ кулака. И если въ настоящее время, и при томъ въ мирныя нормальныя эпохи, считается, что государству одному принадлежитъ монополія принужденія, то, во-первыхъ, это было далеко не во всѣ времена такъ называемой цивилизаціи, а, во-вторыхъ, и въ настоящее время съ арміей и полиціей въ дѣлѣ водворенія благонадежности соперничаютъ не только частная полиція сыска—детективовъ—или американскихъ Пинкертоновъ, но и массы добровольныхъ мушаровъ, цѣлыя арміи бандитовъ, которыя обыкновенно восполняютъ собой чинные кадры святой Германдады. Если полагать, что всѣ орудія экономическаго и политическаго угнетенія, духовнаго преступленія и обнищанія массъ являются «государствомъ», то въ такомъ случаѣ, съ той же послѣдовательностью, нужно именовать государствомъ и всѣ эти факторы современной «культуры» и облечь ихъ въ соотвѣтственныя униформы. Однако же этого марксизмъ не дѣлаетъ—и съ полнымъ основаніемъ, такъ какъ основнымъ является здѣсь не понятіе принужденія, не наличность средствъ и орудій для угнетенія низшихъ классовъ, а ихъ организованность, устойчивый и твердый порядокъ ихъ примѣненія, нормировка ихъ дѣятельности, другими словами, юридико-оффиціальный характеръ, основанный на той или другой идеологіи

Единственное заключеніе, которое можно вывести изъ нашихъ поисковъ марксистскаго государства, это полная непригодность понятія «государства», какъ чего-то обособленнаго, стоящаго надъ обществомъ, самостоятельнаго и самоцѣннаго, при чемъ здѣсь одинаково оказывается невѣрнымъ и возведеніе государства на положеніе суверен-

наго представителя общества и возвеличенiе въ его образѣ участка и казармы. Единственный результатъ, къ которому мы пришли, это необходимость искать его тамъ, гдѣ скрываются вообще всѣ порядки, правила, нормы и общественныя организацiи. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что именно мирное, упорядоченное, закованное въ панцырь правообязанностей, классовое господство есть господство по преимуществу политическое; что средства и орудiя для удержанiя въ повиновенiи трудящихся массъ тогда только являются государственными, когда это «насилiе» или «гнетъ» имѣютъ организованный характеръ, дѣйствуютъ во имя строго намѣченныхъ цѣлей, подчиняются опредѣленнымъ нормамъ, а подчасъ подвергаются и опредѣленной, законной отвѣтственности. Другими словами, какъ сказано Энгельсомъ въ его «Фейербахѣ», «государство представляетъ первую идеологическую власть надъ людьми»; «надъ различными формами собственности», говоритъ Марксъ, «надъ соцiальными условiями существованiя, возвышается цѣлая надстройка разнообразно сложившихся чувствованiй, иллюзiй, способовъ мышленiя и мiросозерцанiй». И если «эксплоатацiя одной части общества другою остается фактомъ, общимъ всѣмъ истекшимъ столѣтiямъ», то «неудивительно поэтому, что общественное сознанiе всѣхъ вѣковъ, вопреки всему многообразiю и всѣмъ различiямъ, движется въ извѣстныхъ общихъ формахъ, въ формахъ сознанiя, которыя совершенно уничтожаются лишь съ полнымъ исчезновенiемъ классовой противоположности». И если все, что побуждаетъ человѣка къ дѣятельности, должно пройти черезъ его сознанiе, и точно также всякое соцiальное дѣйствiе въ настоящее время нуждается въ прохожденiи черезъ «формальную волю» государства, то въ высшей степени важно узнать, въ какой формѣ выражается какъ разъ государственная идеологiя, эта великая сила общественной жизни. Признанiе подобныхъ «идеальныхъ движу-

щихъ силъ» вовсе не противорѣчитъ марксизму, разъ только за ними не предполагается никакой самостоятельной сущности. Марксизмъ не признаетъ никакой метафизической идеологіи для себя, но разъ всякая идеологія, и въ томъ числѣ государственная, состоитъ въ томъ, что люди считаютъ идеи «независимыми, самостоятельно развивающимися и подчиняющимися только своимъ собственнымъ законамъ сущностями», то на обязанности марксизма выяснить характеръ и вскрыть истинное содержаніе этой идеологіи.

«Матеріальныя условія существованія людей, въ сознаніи которыхъ происходитъ идеологическій процессъ мышленія, опредѣляютъ въ концѣ концовъ и ходъ этого процесса». Это однако «не сознается людьми, такъ какъ иначе не существовало бы никакой идеологіи». «Но всякая идеологія, разъ она возникла, развивается въ связи съ даннымъ кругомъ представленій, который она разрабатываетъ дальше». И государство, «эта первая идеологическая власть надъ людьми», сдѣлавшись, въ качествѣ всякой идеологіи, «самостоятельной силой, независимой отъ общества», создаетъ тотчасъ дальнѣйшую идеологію. И это развитіе идетъ чрезвычайно далеко: «такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ экономическіе факты должны быть юридически мотивированы для того, чтобы быть санкціонированными въ формѣ закона», а правовая идеологія находитъ свое высшее выраженіе въ системѣ права, то и выходитъ въ концѣ концовъ, что даже для «политиковъ по профессіи, для теоретиковъ государственнаго права и юристовъ-цивилистовъ связь государства съ экономикой совершенно исчезаетъ». И это вполнѣ понятно: «въ средніе вѣка всѣ формы идеологіи, философія, политика и право примыкали къ теологіи и играли по отношенію къ ней подчиненную роль»; отсюда вся общественная политическая жизнь приняла тогда богословскую оболочку, и всякое стремленіе массъ

«должно было быть облечено въ религіозную форму, чтобы вызвать крупное движеніе». Понятно отсюда, что религія провозглашалась государственной вплоть до новой эпохи, когда французская буржуазія въ XVIII вѣкѣ «произвела свою великую и окончательную французскую революцію при исключительной апелляціи къ юридическимъ и политическимъ идеямъ». Но и эти послѣднія отнюдь не лишены того особаго характера, который присущъ всякой идеологіи. Какъ замѣтилъ Марксъ еще въ «Нѣмецко-французскихъ ежегодникахъ», «тамъ, гдѣ политическое государство достигло своего политическаго развитія, человѣкъ ведетъ не только въ мысли, въ сознаніи, но и въ дѣйствительности, въ жизни, двойную жизнь, небесную и земную, жизнь въ политическомъ обществѣ, гдѣ онъ считаетъ себя общественнымъ существомъ, и жизнь въ гражданскомъ обществѣ, въ которомъ онъ дѣйствуетъ какъ частный человѣкъ, разсматриваетъ другихъ людей какъ средство, унижаетъ самого себя на степень средства и становится игрушкой въ рукахъ чуждыхъ силъ. Политическое общество относится такъ же спиритуалистически къ гражданскому обществу, какъ небо къ землѣ... Въ гражданскомъ обществѣ человѣкъ—существо нечестивое, здѣсь, гдѣ онъ самъ считаетъ себя и считается другими дѣйствительнымъ индивидомъ, здѣсь онъ явленіе истинное. Напротивъ, въ государствѣ, гдѣ человѣкъ считается существомъ родовымъ, онъ мнимый членъ воображаемой суверенной власти, онъ лишенъ своей дѣйствительности, индивидуальной жизни и наполненъ недѣйствительной всеобщностью». Такова «софистика самого политическаго государства». Въ основѣ ея лежитъ «различіе между купцомъ и членомъ государства, между поденщикомъ и членомъ государства, между землевладѣльцемъ и членомъ государства, между живымъ индивидуумомъ и членомъ государства». Таково «противорѣчіе, которое возникаетъ между буржуа и ситуаеномъ, между

членомъ буржуазнаго общества и его политической львиной шкурой». Такимъ образомъ, эмансипація государства отъ религіи вовсе не есть уничтоженіе всякой государственной идеологіи, наоборотъ, это есть моментъ, когда на мѣсто старой небесной религіи ставится новая земная, когда потустороннія сущности уступаютъ мѣсто мірскимъ и свѣтскимъ, другими словами, когда государство создаетъ изъ самого себя своего бога. Государство тогда «начинаетъ признавать себя государствомъ».

Здѣсь мы принуждены сдѣлать, однако, небольшую оговорку; тѣмъ, кто читалъ коммунистическій манифестъ и набросанную тамъ великолѣпными чертами характеристику буржуазіи, можетъ придти на мысль, что идеологія этого класса, положенная въ основу новаго конституціоннаго режима, совершенно лишена той «львиной шкуры», о которой раньше говорилъ Марксъ. И въ самомъ дѣлѣ, манифестъ коммунистической партіи гласитъ: «буржуазія тамъ, гдѣ она достигла господства, разрушила всѣ феодальныя, патріархальныя и идиллическія отношенія, она безжалостно разорвала пестрыя феодальныя связи, соединяющія человѣка съ его естественными начальниками, и не оставила между человѣкомъ и человѣкомъ никакой другой связи, кромѣ голаго интереса, безчувственной «расплаты на наличныя». Она утопила въ ледяной водѣ эгоистическаго разсчета священный трепетъ набожной мечтательности, рыцарскаго воодушевленія, мѣщанской грусти. Она обратила личное достоинство въ мѣновую цѣнность и на мѣсто безчисленныхъ, патентованныхъ и благопріобрѣтенныхъ свободъ поставила одну безсовѣстную торговлю. Она, однимъ словомъ, поставила на мѣсто эксплоатаціи, прикрытой религіозными и политическими иллюзіями, эксплоатацію открытую, безстыдную, прямую, сухую. Буржуазія сняла сіяніе святости со всѣхъ дѣятельностей, которыя до тѣхъ поръ пользовались почетомъ и на которыя взирали съ благо-

честивою боязнью»... Итакъ, буржуазія отказалась отъ всякой идеологіи, буржуазія есть ничѣмъ непокрытое господство капитала, она одна представляетъ исключеніе въ исторіи государственныхъ образованій. Государство осталось, но государство, лишенное всякой идеологіи. И это сдѣлала буржуазія...

Подобное заключеніе было бы однако же весьма поспѣшнымъ. Начиная съ того, что въ самомъ коммунистическомъ манифестѣ приведенное мѣсто начинается съ указанія спеціально на революціонную роль буржуазіи, которая, благодаря колоссальному прогрессу техники, не только ниспровергаетъ всѣ старыя идеологическія формы, но и въ хозяйственной области производитъ постоянныя революціи «въ орудіяхъ производства», слѣдовательно, и въ производственныхъ отношеніяхъ, а слѣдовательно, и «во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ». Это положеніе и до сихъ поръ сохранило все свое значеніе, и ни у кого другого, какъ у Зомбарта, мы имѣемъ краснорѣчивое описаніе того, какъ, говоря словами того же манифеста, «всѣ прочныя заржавѣлыя отношенія, съ ихъ свитой почтенныхъ по своему возрасту представленій и взглядовъ, разрушаются, всѣ новообразовавшіяся становятся устарѣлыми, не успѣвая окостенѣть». Такъ оно было, есть и будетъ въ дѣйствительности для всякаго зрячаго; однако это нисколько не мѣшаетъ тому, что и во время своихъ первыхъ великихъ побѣдъ, а еще болѣе въ эпохи «увѣнчанія зданія», буржуазія создавала свою идеологію, а впослѣдствіи старалась укрѣпить ее въ общественномъ сознаніи. И уже въ своемъ «18 брюмера» писалъ Марксъ: «герои, партіи и народныя массы первой французской революціи совершили задачу своего времени въ римскихъ костюмахъ и съ римскими фразами на устахъ»; такъ «традиціи предшествующихъ поколѣній тяготѣютъ надъ умами живущихъ». И хотя то, что первый разъ переживается какъ трагедія, второй разъ разыгрывается какъ

фарсъ, однако и въ послѣдующіе періоды кризисовъ буржуазія все же хваталась за старыя знамена, символы и девизы. Такъ буржуа «боязливо заклинаютъ духовъ прошлаго, зовутъ ихъ на помощь, заимствуютъ старыя названія, старые боевые лозунги, старые костюмы и при помощи такого маскарада и заимствованнаго у прошлаго языка готовятся поставить на сцену новое дѣйствіе исторіи». Какъ очевидно, революціонная роль капиталистическаго производства нисколько не мѣшаетъ свирѣпому и холодному ростовщику, трезвому и положительному банкиру, купленному политику и наемному писакѣ, несмотря на всю холодность и жестокость ихъ экономической жизни, въ то же самое время красоваться на политической сценѣ въ высокихъ котурнахъ великихъ призваній, священныхъ, неотчуждаемыхъ правъ, свободы и братства освобожденнаго изъ феодальной тюрьмы «индивида».

Со своей стороны, мы можемъ только подтвердить наличность грандіозныхъ идеологическихъ построеній новаго государства. Для каждаго, кто занимался вопросомъ объ отношеніи государства и церкви, становится особенно яснымъ возникновеніе новой свѣтской религіи на мѣстѣ старой, а вмѣстѣ съ тѣмъ нарожденіе новаго идеологическаго фактора, который не только вытѣснилъ, но и замѣнилъ церковь въ современномъ обществѣ. Особенно любопытно постепенное превращеніе религіи-просто въ религію-государственную, а этой послѣдней въ религію отечества и патріотизма. Здѣсь мы можемъ отмѣтить нѣсколько послѣдовательныхъ стадій: первая эпоха начинается вмѣстѣ съ абсолютизмомъ, его финансовой и военной политикой; Провидѣнія здѣсь еще не рѣшаются замѣнить призракомъ политическаго чудовища и небеса дѣлятся на различныя вотчины тѣхъ или другихъ суверенныхъ хозяевъ. Отдѣльныя государственныя церкви поступаютъ въ распоряженіе національныхъ властителей,

которые, въ свою очередь, становятся не то первосвященниками, не то божествами второго ранга, но во всякомъ случаѣ христіаннѣйшими, апостолическими и т. п. Это означаетъ секуляризацію церкви съ одной стороны,—разрывъ единаго царства небеснаго на англійское, французское, прусское, баварское и т. п., а съ другой—безмѣрный ростъ новой организаціонной идеи непогрѣшимаго, неприкосновеннаго и всемогущаго суверенитета, который разрушаетъ феодальные замки, ломаетъ общины, очищаетъ національный рынокъ отъ преградъ, вводитъ римское право, организуетъ и колоніи и финансы; наконецъ, вѣшаетъ нищихъ и бродягъ. Интересы тогдашняго третьяго сословія были выполнены королевскимъ абсолютизмомъ, но идеологія организовала тогдашнее общество, и права божественнаго католическаго, англиканскаго или лютеранскаго суверенитета были именно той формой, которая не только объединила чиновниковъ, офицеровъ, судей и монаховъ, но и воодушевляла третье сословіе, наполняла его великимъ энтузіазмомъ, несла страхъ и утѣшеніе угнетеннымъ народнымъ массамъ. И не потому повиновались люди, что такъ хотѣлъ четырнадцатый Людовикъ, а потому, что создали себѣ кумира, отъ котораго ждали одни милости, другіе гнѣва, всѣ же отдавали ему свои силы, такъ какъ именно этотъ кумиръ лучше всего двигалъ ихъ на пути общей работы въ разбитомъ на классы государствѣ. Идеологія этого государства есть религіозный суверенитетъ.

Второй періодъ знаменуетъ собой эпоху просвѣщеннаго деспотизма. Короли снимаютъ съ себя церковныя одежды,—опираясь на естественное право, они становятся центромъ новой идеологической паутины. Подчиняясь производственному процессу, эта паутина все ширится и растетъ, все новыя нити овладѣваютъ вчерашнимъ государствомъ королей-епископовъ, инквизиторовъ, проповѣдниковъ, и въ умахъ господствующихъ классовъ

все болѣе торжествуетъ новая мысль всеобщаго блаженства, насаждаемаго могучимъ центромъ; блаженства столь же матеріальнаго, какъ духовнаго, которое однимъ обѣщаетъ курицу въ супѣ, другимъ свѣтъ науки и просвѣщенія, третьимъ торжество добродѣтели, а всѣмъ вмѣстѣ царство небесное на землѣ, изготовленное въ королевскихъ канцеляріяхъ по лучшимъ образцамъ и распредѣленное съ великой мудростью и справедливостью высшими и низшими чинами по приказу короля. Въ эту эпоху церковная религія отошла на второй планъ; потухли костры инквизиціи, сократились изгнанія за вѣру, водворилась вѣротерпимость. Церковная идеологія замѣнена свѣтской, земное блаженство было сочтено достаточнымъ новыми классами, возращенными на почвѣ зрѣющаго капитализма, и эта идея абсолютной власти, водворяющей общее благо по началамъ естественнаго права, оказалась способной стать ферментомъ новой организаціи классовыхъ отношеній, укрѣпить единство и силу государственнаго цѣлаго, лежащаго на крестьянствѣ и его пролетаризированныхъ частяхъ.

Однако этимъ дѣло не ограничилось. Французская революція не только восприняла демократическую идеологію Америки и парламентарные образцы Англіи, она сдѣлала еще одинъ великій шагъ, который сравнительно мало отмѣченъ въ современной наукѣ; она попробовала удалить изъ государственнаго организма идеи старыхъ религій и открыто сдѣлать то, что хранилось уже въ нѣдрахъ полицейскаго государства: церковь замѣнить государствомъ, государство—отечествомъ, а его вѣру патріотизмомъ. Культъ разума Франціи не удался, но религія національности тамъ родилась и стала Палладіемъ новаго государства вмѣстѣ съ катехизисомъ конституціонныхъ хартій и правъ человѣка и гражданина. И какъ прежде церковь сковывала узами правовѣрія и вѣрующихъ и невѣрующихъ, сжигала бунтовщиковъ, какъ потомъ

деспотизмъ общаго блага провозглашалъ всѣхъ участниками богатой трапезы просвѣщенія и вѣшалъ недостойныхъ ея уродовъ и отщепенцевъ, точно такъ же теперь идолъ патріотизма и правового порядка зоветъ всѣхъ на арену великихъ свободъ, отъ всѣхъ требуетъ кровавой жертвы во имя отечества, а противъ измѣнниковъ и бунтарей вводитъ осадныя положенія и скорострѣльные суды. Идеологія патріотизма уже совершенно равнодушна къ религіознымъ догмамъ, освобождаетъ себя отъ нихъ, вводитъ цивическіе катехизисы и считаетъ церковь частнымъ сообществомъ.

Государственная фантазма не умираетъ, хоть и вѣчно мѣняетъ содержаніе; основная ея идея подчиненія не личности, а цѣлому, служенія не частному, а общему благу, прекрасно исполняетъ свою роль въ исторіи разбитаго на классы человѣчества: эта фантазма есть иллюзія, такъ какъ никогда еще благо широкихъ трудящихся массъ не было цѣлью и содержаніемъ государства, но эта фантазма имѣла и свою необходимую и полезную сторону: она восполняла то въ идеѣ, чего никогда не было въ дѣйствительности, она же была организаціоннымъ моментомъ въ прогрессивномъ ходѣ народнаго хозяйства. На обязанности теоретика однакоже лежитъ выяснить государственную идеологію во всей ея невѣрности и необходимости, разоблачить тотъ обманъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ двигательной силой человѣчества. И то, что въ свое время сказалъ Марксъ о религіи, мы можемъ цѣликомъ сказать о государственной вѣрѣ и ея кодексѣ: «человѣкъ не абстрактное, внѣ міра прозябающее существо. Человѣкъ—это человѣческій міръ, это государство, общество. Это государство, это общество порождаютъ религію, т. е. вывернутое на изнанку сознаніе міра, потому что они ничто иное, какъ вывернутый на изнанку міръ... Уничтоженіе призрачнаго счастья народа, религіи,—необходимое условіе для осуществленія его дѣйстви-

тельнаго счастья; требуя уничтоженія иллюзіи насчетъ положенія народа, мы требуемъ уничтоженія нуждающагося въ иллюзіяхъ»...

Послѣ того, какъ мы убѣдились, что государство есть фантазма или идеологія, получающая жизнь и дѣйствительность, только благодаря опредѣленнымъ соціальнымъ условіямъ въ опредѣленной и данной средѣ, мы можемъ заглянуть въ ту лабораторію, гдѣ эта идеологія вырабатывается и снабжается силой навязчивой идеи для того, чтобы въ концѣ концовъ наложить свою печать на цѣлую эпоху. И опять-таки еще у молодого Маркса мы имѣемъ великолѣпную характеристику происхожденія такихъ фантазмъ и идеологій. Но для этого мы должны остановиться на періодѣ общественнаго перелома, когда подъ кровомъ старой политической формы уже совершился хозяйственный переворотъ въ силахъ и формахъ производства и старая идеологія оказывается неспособной организовать общество на новыхъ началахъ. Въ такія эпохи «опредѣленный классъ предпринимаетъ всеобщую эмансипацію общества, исходя при этомъ изъ своего особеннаго положенія». Однако «ни одинъ классъ гражданскаго общества не можетъ играть этой роли, не вызывая на одинъ моментъ въ себѣ самомъ энтузіазма, и не заражая этимъ энтузіазмомъ массы. Въ этотъ моментъ данный классъ братается и сливается съ обществомъ, становится на его мѣсто, чувствуетъ себя и признается всѣми общимъ представителемъ общества... Лишь во имя общихъ правъ общества отдѣльный классъ можетъ претендовать на всеобщее господство». Съ другой стороны, «для того, чтобы революція народа и эмансипація особеннаго класса гражданскаго общества совпали... необходимо, чтобы съ другой стороны всѣ недостатки общества концентрировались въ какомъ-нибудь другомъ классѣ, чтобы опредѣленное сословіе стало сословіемъ всеобщаго отвращенія, воплощеніемъ общаго ограниченія. Нужно, чтобы въ особой

соціальной сферѣ стали видѣть явное преступленіе противъ всего общества, такъ, чтобы освобожденіе отъ этой сферы представлялось какъ общее самоосвобожденіе».

Въ этихъ строкахъ мы видимъ воочію тотъ взрывъ энтузіазма, ту силу всеобщаго воодушевленія, въ которыхъ выражается протестъ противъ невыносимости стараго порядка, а вмѣстѣ съ тѣмъ готовность воспринять идеологію руководящаго, идущаго впереди класса. И въ исторіи никогда не было недостатка въ проповѣдникахъ, реформаторахъ, философахъ, поэтахъ и публицистахъ для того, чтобы дать революціонно настроенному классу необходимые лозунги борьбы и принципы будущаго строя. И если бюргерство имѣло среди своихъ вождей Лютера и Кальвина, то, какъ мы уже видѣли выше, новыя революціи выдвинули иныхъ, чисто свѣтскихъ героевъ. Какъ говоритъ Марксъ, сама буржуазія обнаруживаетъ весьма мало героизма, но для ея выхода въ свѣтъ понадобилось не мало героическаго духа, самопожертвованія, ужасовъ, гражданскихъ войнъ и всенародной бойни; и ея гладіаторы нашли въ строго классическихъ традиціяхъ римской республики идеалы и художественныя формы, «тотъ самообманъ, который имъ былъ необходимъ, чтобъ скрыть отъ самихъ себя буржуазно ограниченное содержаніе ихъ борьбы» и остаться на высотѣ великой исторической трагедіи.

Для Франціи это было тѣмъ легче, что тамъ, по выраженію того же писателя, «каждый классъ — политическій идеалистъ, онъ чувствуетъ себя раньше всего не особеннымъ классомъ, а представителемъ соціальныхъ потребностей вообще». Въ Германіи революція не могла достигнуть такой идеологической высоты, такъ какъ тамъ исторически сложившееся бюргерство не обладало прежде всего «послѣдовательностью, рѣзкостью, мужествомъ и неуклонностью для того, чтобы играть роль отрицательнаго представителя общества». «Сословіямъ Германіи не хватаетъ въ такой же степени и той широты души, которая

способна отождествить себя хотя бы на одинъ моментъ съ народной душой, той геніальности, которая воодушевляетъ матеріальную силу и превращаетъ ее въ политическую власть». И результаты не заставили себя ждать. Въ то время, когда Франція въ своихъ конституціяхъ, въ гражданскомъ правѣ, въ своей публицистикѣ и философіи дала классическіе образцы новой государственной идеологіи и создала государство, носящее всѣ черты законченной системы капиталистическаго общества, Германія лишь благодаря внѣшнимъ событіямъ смогла выбраться изъ тисковъ патримоніально-юнкерскаго господства и только при помощи геніальнаго юнкера, Бисмарка, смогла найти свое государство, свои идеологическія формы.

Нельзя не прибавить къ этому пару словъ pro domo sua: наша русская буржуазія оказалась еще болѣе слабой, чѣмъ прусско-нѣмецкая: запасы ея идеологическаго воодушевленія были столь скудны, а мужество такъ незначительно, что она ни одной минуты не осмѣлилась говорить отъ лица всей націи, не попробовала найти хотя бы фантастической, но тѣмъ не менѣе всѣхъ объединяющей иллюзіи, и все время она оставалась одинокой среди другихъ борющихся классовъ, при чемъ она начала съ того, чѣмъ въ другихъ странахъ кончали: съ политики самоотреченій и приспособленія.

Побѣда отдѣльнаго класса обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою, и побѣду его идеологіи; не нужно, однако, думать, что политическія фантазмы, легшія въ основу новаго строя, сами по себѣ должны представлять что-то новое, оригинальное или особое. Напротивъ того, «традиціи всѣхъ міровыхъ поколѣній кошмаромъ тяготѣютъ надъ умами живыхъ». Подъ старыя формулы подставляется новое содержаніе, старые права и законы толкуются новымъ фасономъ, и то, что еще вчера служило одной цѣли, сегодня оказывается нужнымъ для совсѣмъ другого, ибо «во всякой идеологіи традиція яв-

ляется великой консервативной силой». Какъ бы то ни было, новый порядокъ соотвѣтствуетъ уже значительно болѣе интересамъ гражданскаго общества въ данную эпоху его развитія, и всякій такой шагъ впередъ, «частичную политическую революцію», необходимо считать шагомъ впередъ въ дѣлѣ общественнаго развитія. Рабство и античное государство выше, нежели его варварскій предшественникъ, меркантильно-полицейскій абсолютизмъ выше по своему организаціонному значенію, чѣмъ феодально-общинная анархія. И, наконецъ, конституціонное государство современной буржуазіи несравненно выше дореформеннаго режима, такъ какъ является организаціонной идеологіей общества на высшей ступени развитія. Вотъ почему съ улыбкой сожалѣнія отмѣчаетъ Энгельсъ риторическіе ужасы Дюринга, когда послѣдній, совершенно игнорируя трагедію экономической необходимости, сражается, на манеръ Донъ-Кихота, съ вѣтряными мельницами стараго отжившаго деспотизма. И Энгельсъ въ данномъ случаѣ является не апологетомъ рабства какъ таковаго, и Марксъ точно также далеко не восхищается тысячами повѣшенныхъ воровъ и бродягъ, и разграбленіемъ самостоятельнаго крестьянина, во время рожденія англійскаго капитализма, но и тотъ и другой отлично знаютъ, что всякая новая идеологія въ рамкахъ классоваго общества есть необходимо идеологія угнетенія и эксплоатаціи, однако съ каждымъ новымъ шагомъ въ этомъ отношеніи все приближается моментъ окончательнаго и всеобщаго раскрѣпощенія. Такъ мы подходимъ къ положительной оцѣнкѣ всякой идеологіи, сопровождающей прогрессъ хозяйственнаго развитія, и мы, такимъ образомъ, приближаемся къ разрѣшенію противорѣчія, которое мы отмѣтили въ самомъ началѣ. На извѣстной стадіи и въ опредѣленное время государство является представителемъ общаго интереса. Государство дѣйствительно охраняетъ внѣшнія условія производства, и въ этотъ моментъ,

несмотря на весь антагонизмъ классовъ, народъ настолько преклоняется передъ государствомъ, настолько цѣнитъ эту общественную фантазму, что властвующимъ классамъ, сравнительно, нѣтъ особой надобности прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, а признаваемый всѣмъ населеніемъ аппаратъ «справедливости» безпрепятственно и мирно отправляетъ свою полицейско-карательную функцію. Государственная фантазма царитъ и процвѣтаетъ въ подобное время, даетъ иллюзію законченнаго нерушимаго порядка, а идолъ государства выростаетъ въ понятіи и волѣ людей въ какую-то самостоятельную и благодѣтельную силу.

Процессъ производства однако вѣчно прогрессируетъ, «на извѣстной ступени развитія средствъ производства и сообщенія условія, внутри которыхъ совершается производство и обмѣнъ болѣе не соотвѣтствуетъ развившимся уже производительнымъ силамъ». Производительныя силы вступаютъ въ конфликтъ съ тѣми рамками, въ которыя онѣ заключены, и этотъ конфликтъ начинаетъ ощущаться прежде всего классомъ подвластнымъ и угнетеннымъ. Государство въ качествѣ организаціонной идеи, связанной съ опредѣленнымъ способомъ производства, теряетъ постепенно характеръ представителя общихъ интересовъ, носителя справедливости и порядка. Однако, общественный классъ, стоящій во главѣ, тѣмъ съ большей силою хватается за данную идеологію, съ тѣмъ большей настойчивостью и фанатизмомъ старается укрѣпить шатающіяся идейныя формы. И для этого лучшій способъ— это возможно ярко подчеркнуть и доказать воочію, что данное государство не есть государство класса, а независимая отъ него, совершенно самостоятельная мощная и властная сила. И эта сила дѣйствительно пріобрѣтаетъ такой характеръ, такъ какъ, чѣмъ больше господствующій классъ теряетъ почву въ обществѣ и встрѣчаетъ все растущее недовольство и сопротивленіе со стороны массъ,

тѣмъ болѣе неразборчиво пользуется онъ существующей организаціей для того, чтобы путемъ возрастающаго давленія удержать старый порядокъ, вынудить повиновеніе со стороны эксплоатируемыхъ. Такъ идеологія общаго интереса становится все болѣе узкой, фанатичной и насильственной, или, говоря словами Энгельса: «тѣмъ больше государственная власть становится независимой отъ общества, тѣмъ больше она становится органомъ опредѣленнаго класса». Независимость государственной идеи есть признакъ обостренія классовыхъ противоположностей и потери вліянія со стороны господствующаго класса. Такъ государство становится представителемъ частнаго интереса.

Въ эпохи разлада и борьбы, на первый планъ выдвигается вполнѣ естественно начало законности и закона. И справедливо замѣтилъ Марксъ въ своей рѣчи передъ судомъ кёльнскихъ присяжныхъ: «законъ долженъ основываться на обществѣ, онъ долженъ быть выраженіемъ его общихъ интересовъ и потребностей, вытекающихъ изъ даннаго матеріальнаго производства, въ противоположность интересамъ отдѣльнаго индивида. Старые законы возникли изъ старыхъ отношеній, съ ними же они должны и погибнуть... Сохраненіе старыхъ законовъ, наперекоръ новымъ потребностямъ и запросамъ общественнаго развитія, представляетъ въ сущности не что иное, какъ лицемѣрное отстаиваніе несоотвѣтствующихъ времени частныхъ интересовъ противъ назрѣвшихъ общихъ интересовъ». Этимъ путемъ «стремятся сдѣлать такіе частные интересы господствующими въ то время, когда они больше не господствуютъ». Это стремленіе «подготовляетъ общественные кризисы, которые прорываются въ видѣ политическихъ революцій». Таковъ истинный смыслъ привязанности къ правовой почвѣ и сохраненіе правовой почвы; это «сознательный обманъ или безсознательный самообманъ».

Въ періодъ подъема такъ же, какъ паденія отдѣльной государственной формы, какъ очевидно, «государство» оказывается созданіемъ опредѣленнаго класса и орудіемъ его господства. Но въ первомъ случаѣ этотъ классъ является вмѣстѣ съ тѣмъ носителемъ общаго интереса, во второмъ онъ становится къ нему въ противоположность. Государственная идеологія и въ первомъ и во второмъ случаѣ слѣдуетъ за судьбой создавшаго ее класса, при чемъ естественно обостряетъ свои формулы и усиливаетъ призракъ своей самостоятельности по мѣрѣ того, какъ все болѣе становится въ противорѣчіе съ условіями общественнаго хозяйства. Мастерски нарисованный образецъ такой самостоятельной власти даетъ намъ Марксъ въ своемъ «18 Брюмера»: «во Франціи... государство опутываетъ общество какъ-бы сѣтью, контролируетъ, опекаетъ его, держитъ подъ надзоромъ и дисциплинируетъ во всѣхъ его жизненныхъ проявленіяхъ... здѣсь поразительный чиновничій организмъ, благодаря необыкновенно сильной централизаціи, пріобрѣтаетъ свойства вездѣсущности, всевѣдѣнія, ускоренной подвижности и быстроты, находящей себѣ аналогію только въ безпомощной несамостоятельности и въ неопредѣленной безформенности настоящаго общественнаго организма. Но матеріальный интересъ французской буржуазіи какъ разъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ поддержаніемъ этой огромной, столь распространенной государственной машины... съ другой стороны политическій интересъ принуждалъ буржуазію усиливать репрессію, а слѣдовательно, съ каждымъ днемъ увеличивать средства и персоналъ государственной власти»...

Такое противорѣчіе долго продолжаться не можетъ: и тѣ формы развитія производительныхъ силъ, которыя превратились въ ихъ оковы, должны быть устранены; тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. «Съ измѣненіемъ экономической основы, болѣе или менѣе быстро происходитъ переворотъ во всей громадной надстройкѣ».

Таковы были англійская революція 1648 и французская 1789; первую сдѣлала буржуазія съ новымъ дворянствомъ противъ короля, феодальнаго дворянства и высокой церкви, вторую—буржуазія въ союзѣ съ народомъ противъ короля, дворянства и господствующей церкви. Каждая изъ этихъ революцій повергала все общество въ состояніе анархіи и междуусобной войны, но изъ этихъ бурь вышелъ новый строй со своимъ правомъ, моралью и государствомъ. Этому порядку въ свою очередь суждено погибнуть, чтобы дать мѣсто новому обществу и его организаціи.

Государственная идеологія является характерной особенностью общества, построеннаго на классахъ. Политическая фантазма здѣсь какъ бы дополняетъ то, чего не даетъ солидарность общественныхъ интересовъ. Господствующіе классы создаютъ навязчивыя идеи, идеи силы, которымъ человѣкъ придаетъ самостоятельное значеніе, и при ихъ помощи онъ освѣщаетъ порядокъ угнетенія и господства. Спрашивается теперь, нужна ли будетъ идеологія въ соціальномъ переворотѣ, который навсегда уничтожитъ классовый порядокъ? Будетъ ли какая-нибудь политическая надстройка тамъ, гдѣ будетъ излишенъ всякій политическій миражъ, всякая идеократія, такъ какъ въ новомъ обществѣ не будетъ угнетателей и угнетенныхъ, а общій интересъ, безъ всякихъ искусственныхъ идеологическихъ представителей, будетъ дѣйствительно общимъ интересомъ?

На этотъ вопросъ Марксъ и Энгельсъ отвѣчаютъ отрицательно: «разъ въ теченіе развитія исчезли классовыя различія, а все производство сосредоточилось въ рукахъ ассоціированныхъ индивидовъ, то общественная власть теряетъ политическій характеръ... мѣсто стараго буржуазнаго общества, съ его классами и классовыми противоположностями заступаетъ ассоціація, въ которой свободное развитіе каждаго является условіемъ свобод-

наго развитія всѣхъ». «Когда не будетъ общественнаго класса, подлежащаго угнетенію, когда вмѣстѣ съ классомъ и съ обусловленной анархіей производства борьбой за личное существованіе исчезнутъ вытекающіе отсюда коллизіи и эксцессы, тогда некого будетъ больше наказывать, для чего требовалась особая карательная власть— требовалось государство... Вмѣшательство какой-либо государственной власти въ общественныя отношенія станетъ совершенно излишнимъ въ одной области за другой и затѣмъ прекратится само собою. Правительство надъ людьми замѣнится управленіемъ вещами и завѣдываніемъ процессами производства. Государство не «упраздняется»— оно умираетъ. Это надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ фразы «о свободномъ народномъ государствѣ», какъ по ея временной агитаціонной неумѣстности, такъ и по ея научной несостоятельности». Классы падутъ съ такой же неизбѣжностью, съ какой они раньше возникали, съ ними неизбѣжно падетъ государство. Общество, которое организуетъ производство на основѣ свободныхъ и равныхъ ассоціацій производителей, поставитъ государственную машину туда, гдѣ ей тогда будетъ мѣсто—въ музей древности рядомъ съ веретеномъ и бронзовымъ топоромъ».

III.

Гибель государства.

Для того, чтобы усвоить себѣ положенія марксизма о смерти, грозящей государству въ соціалистическомъ обществѣ, необходимо прежде всего представить себѣ тотъ процессъ, при помощи котораго совершается знаменитый прыжокъ изъ «царства необходимости въ царство свободы».

При наличности могучихъ силъ производства и высокой степени производительности «пролетаріатъ долженъ завоевать себѣ политическое господство, поднять себя до національнаго класса, себя самого организовать какъ націю». При этомъ коммунисты, стоящіе во главѣ пролетаріата, не выставляютъ особыхъ принциповъ, по которымъ они желали бы формировать пролетарское движеніе. Они только «выдвигаютъ и отстаиваютъ независимые отъ національности интересы пролетаріата въ цѣломъ». И на всѣхъ ступеняхъ развитія, которыя проходитъ борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей, они «постоянно являются представителями интереса движенія, взятаго въ цѣломъ». «Теоретическія положенія коммунистовъ никоимъ образомъ не основываются на идеяхъ, на принципахъ, выдуманныхъ или изобрѣтенныхъ тѣмъ или другимъ міроисправителемъ, они лишь общія выраженія фактическихъ отношеній существующей классовой борьбы, историческаго движенія, происходящаго на нашихъ глазахъ». Въ коммунистическихъ идеяхъ, такимъ образомъ, выражается не идеологія, а теорія. Научный соціализмъ, поэтому, имѣетъ своей задачей только «изслѣдовать историческія условія и вмѣстѣ съ тѣмъ самую природу мірового освободительнаго акта». Его цѣль «довести до сознанія призваннаго къ этому акту угнетеннаго теперь класса условія и природу его собственной дѣятельности». Такъ, по словамъ юнаго Маркса, «молнія мысли» падаетъ въ пролетаріатъ, эту наиболѣе мощную производительную силу, и теорія становится матеріальной силой, когда она овладѣваетъ массами.

Пользуясь невыносимымъ противорѣчіемъ между общественными учрежденіями и ростомъ производительныхъ силъ, пролетаріатъ подымаетъ за собою широкія массы народа. За нимъ идутъ и часть буржуазіи, и, въ особенности, мелко-буржуазные классы. Эти послѣдніе революціонны лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ пере-

ходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не свои настоящіе, а свои будущіе интересы. Такимъ образомъ, мелкіе промышленники, купцы и крестьяне примыкаютъ къ пролетаріату, лишь «поскольку они покидаютъ свою собственную точку зрѣнія для того, чтобы встать на точку зрѣнія пролетаріата». «Босяцкій пролетаріатъ, этотъ пассивный продуктъ гніенія стараго общества, мѣстами вовлекается въ движеніе пролетарской революціей, но по своему жизненному положенію онъ болѣе склоненъ продавать себя реакціоннымъ проискамъ». Такъ организуется революціонная армія. Скрытая гражданская война внутри существующаго общества разражается наконецъ открытою революціей, и «пролетаріатъ основываетъ свое господство, могуче низвергнувъ буржуазію». Пролетаріатъ въ этотъ моментъ организуется въ «государство», онъ занимаетъ мѣсто «господствующаго класса», онъ «пользуется своимъ политическимъ господствомъ, чтобы мало-по-малу отнять отъ буржуазіи весь капиталъ, чтобы централизовать всѣ орудія производства»; онъ прибѣгаетъ къ ряду «деспотическихъ вторженій въ право собственности, въ буржуазныя производственныя отношенія», и если даже эти мѣры «кажутся экономически недостаточными и несостоятельными», однако же «онѣ неизбѣжны какъ средство къ перевороту всего способа производства». И только послѣ того, какъ пролетаріатъ «при посредствѣ революціи становится классомъ господствующимъ и, какъ господствующій классъ, насильственно уничтожаетъ старое производственное отношеніе», онъ «уничтожаетъ классы вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ свое собственное господство какъ класса». Всякое управленіе при этомъ упраздняется «кромѣ управленія проявляемаго самимъ обществомъ».

И послѣ того, какъ орудія производства переходятъ въ распоряженіе общества, становится возможнымъ овладѣть тѣми «силами, дѣйствующими въ обществѣ, которыя проявляются слѣпо, стихійно и разрушающе до тѣхъ

поръ, пока мы ихъ не знаемъ и съ ними не считаемся, но послѣ того, какъ мы познали ихъ, поняли ихъ дѣятельность, ихъ направленіе, ихъ вліяніе, то отъ насъ уже зависитъ все болѣе и болѣе подчинять эти силы нашей волѣ и пользоваться ими для достиженія нашихъ цѣлей. Въ особенности это относится къ нынѣшнимъ могучимъ производительнымъ силамъ». Такимъ образомъ, «силы эти въ рукахъ ассоціированныхъ производителей могутъ превратиться изъ демоническихъ властителей въ покорныхъ слугъ»... На мѣсто общественной анархіи производства выступитъ общественно планомѣрное регулированіе производства, приноровленное къ потребностямъ всего общества, какъ и каждаго отдѣльнаго его члена. Такъ пролетаріи «могутъ завоевать общественныя производительныя силы, лишь уничтоживъ свои собственные, а вмѣстѣ съ тѣмъ—всѣ прежніе способы пріобрѣтенія». Пролетаріатъ завоевываетъ государство лишь съ тѣмъ, чтобы лишить его всякой возможности дальнѣйшаго существованія.

Таковъ, по ученію марксизма, ходъ соціальной революціи, кончающейся побѣдой пролетаріата и организаціей новаго способа производства. Какъ очевидно, во всемъ этомъ процессѣ государству отводится выдающаяся роль, но въ то же время отвергается всякая, а слѣдовательно и политическая идеологія. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, можно различать два типа идеологическихъ построеній: здѣсь можетъ идти рѣчь о старой идеологіи буржуазнаго государства и о созданіи новой идеологіи пролетарскаго, государственнаго господства, такъ называемой диктатуры или временнаго государства пролетаріевъ. Какъ очевидно, отрицая старое государство, приходится, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣликомъ отказаться отъ его идеологіи. Что же касается новыхъ принциповъ пролетарской диктатуры, то здѣсь марксизмъ не желаетъ въ нихъ видѣть идеологіи, а нѣчто такое, что соотвѣтствуетъ

требованіямъ научной теоріи соціализма. Нельзя не замѣтить, что мы подходимъ къ самому больному пункту государственнаго ученія марксизма.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ мы убѣдились выше, не впадая въ метафизику и не олицетворяя государство въ видѣ отдѣльной сущности, его можно считать только идеологіей или идейной силой. Свойство всякой идеологіи заключается въ томъ, что люди отвлекаютъ и олицетворяютъ различныя фантазмы и при ихъ помощи огранизуютъ общественныя отношенія такъ, какъ требуетъ этого данное развитіе производительныхъ силъ. Какъ мы уже видѣли выше, основная черта идеологіи заключается въ томъ, что данныя идеи получаютъ повелительный, авторитарный характеръ со стороны человѣка и такимъ путемъ съ извѣстнымъ постоянствомъ опредѣляютъ его поведеніе. Если, въ виду этого государство, какъ идеологическая сила, сама по себѣ не только должна существовать, но и дать своего рода «деспотическіе» и «диктаторскіе» эффекты, то, само собою разумѣется, подобная идеологія должна обладать чрезвычайной повелительной силой, доведеннымъ до крайности идеологическимъ авторитетомъ. Диктатура пролетаріата, такимъ образомъ, ведетъ за собой съ необходимостью не только не уничтоженіе всякой идеологіи, а напротивъ вознесеніе политической идеологіи до ея вершинъ, а, слѣдовательно, и повтореніе въ превосходной степени того, что до сихъ поръ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ продѣлывало классовое общество, основанное на угнетеніи и силѣ.

Государство могло бы принять видъ особой утонченной идеологіи въ сознаніи того пролетаріата, который поведетъ общество къ новой организаціи, мы можемъ даже предположить такой высокій интеллектуальный уровень будущаго пролетаріата, что онъ исключительно на научной теоріи построитъ свои дѣйствія во время побѣды и будетъ смотрѣть на государство не какъ на самостоятельную форму, а

лишь какъ на временный организаціонный планъ на пути окончательнаго торжества. Такой высокій уровень психики рабочаго класса врядъ ли однако допустимъ при наличности современныхъ способовъ производства и классоваго государства; и хотя Каутскій указываетъ, что «поразительнымъ явленіемъ за послѣднія 50 лѣтъ служитъ быстрый и безпрерывный подъемъ пролетаріата въ нравственномъ и умственномъ отношеніи», однако мы полагаемъ, что масса пролетаріата не будетъ способна въ надлежащій моментъ освободиться отъ всякаго идеологическаго обаянія соціалистическихъ идей. Не говоримъ уже о той массѣ примыкающихъ изъ другихъ классовъ, для которыхъ соціализмъ будетъ болѣе или менѣе высокой идеологіей и ничѣмъ другимъ. Особенно найдетъ чисто-идеологическое пониманіе соціалистическаго государства благопріятную почву среди мелкаго крестьянства и мелкой городской буржуазіи, которыя воспримутъ новые девизы и ихъ власть скорѣе стихійно, чѣмъ сознательно.

Не надо забывать также, что процессъ завоеванія политической власти долженъ совершиться еще подъ кровомъ современной государственной идеологіи, а, слѣдовательно, подъ властью у традиціоннаго вліянія. Государство во власти пролетаріата, благодаря консерватизму и косности всякой старой фантазмы, будетъ постоянно приводиться въ связь съ государствомъ буржуазнымъ, и массѣ трудно будетъ отдѣлить нынѣшній строй отъ будущаго. И тамъ, и здѣсь—диктатура опредѣленнаго класса, аппаратъ остается старый, принципы власти исполнительной—старые, и если синіе жандармы превратятся, хотя бы въ наилучшихъ цѣляхъ, въ красныхъ, и нынѣшняя администрація сохранитъ свою власть въ новыхъ мундирахъ для новаго «деспотизма», то это поведетъ за собой такое утвержденіе старой идеологіи подъ знаменемъ диктатуры пролетаріевъ, что сама диктатура пуститъ новые идеологическіе ростки и создастъ въ видѣ переходной формы не

диктатуру пролетаріата, а диктатуру пролетарской канцеляріи, участка и казармы. Къ сожалѣнію, опытъ всѣхъ революцій до сегодня подтверждаетъ наши опасенія; при первой удачѣ пролетарскихъ массъ появляются тучами разные партійные диктаторы, кружковыя министерства, quasi-рабочіе участки и жандармерія, которые, воспринявъ всѣ худшія стороны современной бюрократіи, дополняютъ ихъ демагогіей и шарлатанствомъ. Провозглашать государственную идеологію, и въ частности политическую диктатуру, при господствующемъ обожаніи государства, переходной ступенью къ будущему строю— значитъ подкладывать подъ колесницу пролетаріата одно изъ самыхъ тяжелыхъ бревенъ старой отжившей идеологіи. Диктатура пролетаріата неизбѣжно выродится въ диктатуру политиковъ, писакъ и маленькихъ бонапартовъ, которая, конечно, не можетъ разсчитывать на долгое существованіе, но зато будетъ стоить многихъ жертвъ прежде, чѣмъ эти паразиты будутъ выметены вонъ вмѣстѣ съ ихъ государственностью.

Вводить «государство» въ предположенія относительно будущей борьбы за соціализмъ въ высшей степени опасно. Какъ мы видѣли, этимъ вносится въ ходъ переворота старая, отжившая идеологическая сила, которая можетъ дать только самые печальные результаты. И здѣсь сказывается еще разъ отрывочность и незаконченность государственной теоріи марксизма, заимствовавшей и «диктатуру» и «государство» у современнаго буржуазнаго общества. И ничего не помогаетъ здѣсь то обстоятельство, что марксизмъ такъ рѣшительно отрекается тутъ отъ всякой идеологіи; получается чудовищное противорѣчіе—и ничего больше. Примирить это противорѣчіе можно только однимъ путемъ, это значитъ принять государство не какъ идеологію, а какъ самостоятельную силу. Это значитъ соблазниться его ролью въ качествѣ формальной воли, черезъ которую, якобы, точно также

должна пройти всякая общественная норма, чтобы стать всеобщимъ закономъ, какъ всякое чувство, мысль и влеченіе должны пройти черезъ человѣческую голову. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наличность такого законодательнаго центра съ абсолютной диктаторской властью, какой находимъ мы хотя бы въ англійскомъ парламентѣ, можетъ сильно облегчить деспотизмъ какого угодно переворота, особенно если тюрьмы продолжатъ свое существованіе. Но не теоріи экономическаго матеріализма, изгнавшей всякую метафизику, вводить или по крайней мѣрѣ поддерживать идоловъ формальной воли, волшебныя аппараты для декретированія новыхъ нормъ человѣческаго поведенія. Если государство есть не идеологія, то, въ такомъ случаѣ, оно есть чудо или божество!

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что теорія научнаго соціализма никогда не могла серьезно принять какого бы то ни было олицетворенія государства. И если рядомъ съ отрицаніемъ всякой идеологіи она выставила теорію временнаго государства, единственной задачей коего является, въ полномъ смыслѣ слова, самоубійство, то, конечно, здѣсь разумѣется совсѣмъ иное государство, чѣмъ нынѣшнее, отрицаніе же всякой идеологіи идетъ только вплоть до тѣхъ поръ, пока эта идеологія является фантазмой современнаго классового общества.

И въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать государственной властью власть, направленную на самоупраздненіе? Можно ли назвать диктатурой порядокъ, вытекающій изъ общаго энтузіазма и убѣжденія широкихъ массъ, сознавшихъ невозможность классового строя? Зачѣмъ диктатура, когда каждый безъ всякихъ диктаторовъ идетъ навстрѣчу новому обществу, когда—предполагается, что послѣдняя борьба уже кончена — классъ-побѣдитель въ самой своей побѣдѣ исчезъ какъ классъ для того, чтобы возродиться какъ нація. Что же значатъ въ такомъ случаѣ слова коммунистическаго манифеста о томъ, что

«пролетаріатъ долженъ сначала завоевать себѣ политическое господство... себя самого организовать какъ націю». И если во время войны возможна диктатура, то она немыслима, когда классъ-побѣдитель на другой день послѣ переворота является самъ выразителемъ общаго интереса, всеобщей надеждой и упованіемъ. И если буржуазія въ свое время съумѣла вокругъ себя поднять бурю всеобщаго энтузіазма, то неужели же классу, начертавшему на своемъ знамени «освобожденіе труда», понадобятся диктаторы для того, чтобы мѣрами деспотизма осуществить столь долго жданныя и такой дорогою цѣною купленныя формы новаго общественнаго строенія?

Было бы также чрезвычайно непослѣдовательнымъ со стороны марксизма отказываться впредь отъ всякой идеологіи. Дѣйствительно, марксизмъ, словами Энгельса, «отклоняетъ всякое желаніе» навязать рабочему классу «какую бы то ни было нравственную догму какъ вѣчный самодовлѣющій, а, слѣдовательно, и неизмѣнный нравственный законъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что и нравственный міръ управляется своими неизмѣнными, стоящими внѣ исторіи и внѣ народныхъ различій, принципами». Однако, это нисколько не мѣшаетъ тому же Энгельсу утверждать, что «навѣрное та мораль содержитъ наибольшее количество долговѣчныхъ элементовъ, которая въ настоящемъ представляетъ преобразованіе настоящаго—будущее, т. е. пролетарская мораль». Эту «пролетарскую мораль будущаго» Энгельсъ отнюдь не предполагаетъ уничтожать, напротивъ того, онъ думаетъ, что «истинно человѣческая мораль, стоящая выше классовыхъ интересовъ и выше воспоминаній о нихъ, будетъ возможна только на той ступени общественнаго развитія, когда классовыя противорѣчія не только будутъ превзойдены, но и забыты для житейской практики». И точно также лишь тогда можетъ быть рѣчь «о правовыхъ выводахъ изъ обще-человѣческаго равенства», невозможнаго

тамъ, гдѣ имѣется частная собственность. Только тогда получитъ семья свою новую форму: «полная свобода въ заключеніи брака можетъ быть только тогда проведена вездѣ, когда устраненіе капиталистическаго производства... уничтожитъ всѣ постороннія экономическія соображенія, которыя еще въ настоящее время оказываютъ такое могущественное вліяніе на выборъ супруговъ. Тогда уже не останется никакого другого мотива помимо взаимной склонности». Такъ въ будущемъ мы можемъ ожидать «болѣе высокой формы семьи и болѣе высокихъ отношеній между полами».

Болѣе высокой морали ожидаетъ марксизмъ отъ будущаго строя; въ ней выразится дальнѣйшее «развитіе человѣческой личности». Въ ней получатъ свое выраженіе и новыя правовыя начала, имѣющія основой «общечеловѣческое равенство». Итакъ, эти важнѣйшія идеологическія силы не только не прекратятъ въ будущемъ своего существованія, но наоборотъ достигнутъ высшей ступени развитія своего совершенства. И ни право, ни мораль не должны для новаго подъема переживать такого регресса и временнаго паденія, на которое осуждена будто бы политическая идеологія спеціально въ видѣ пролетарскаго деспотизма и диктатуры.

Есть идеологія и идеологія; призракъ государственной идеологіи нынѣшняго строя былъ причиной того, что Марксъ и Энгельсъ не достаточно ярко различили политическую идеологію, какъ соціальный феноменъ и какъ фантазму современнаго классового государства. И хотя они, говоря о будущемъ упраздненіи всякаго государства, употребляютъ такія выраженія какъ «политическая власть въ особенномъ значеніи» или «государство въ собственномъ смыслѣ слова» или даже, только еще болѣе узко, «государство какъ карательная власть», но все же отсюда совершенно не ясно, продолжитъ ли свое существованіе политическая идеологія или нѣтъ, въ

смыслѣ организоціонной силы, необходимой для того, чтобы осуществить планомѣрное веденіе общественнаго хозяйства и опредѣлить собою общественное управленіе будущаго. Нельзя однако допустить, чтобы, сохраняя правовую и нравственную идеологію для будущаго, историческій матеріализмъ въ то же время упразднилъ всякую идеологію власти и подчиненія, общественной должности, политической отвѣтственности и личныхъ правъ свободы. Не говоримъ уже о томъ, что колоссальныя задачи новаго производства и распредѣленія должны будутъ привести къ столь же колоссальной задачѣ техническаго и хозяйственнаго управленія. Безъ правовой и политической идеологіи здѣсь абсолютно не обойтись.

Въ основѣ неясности и недоразумѣнія лежитъ здѣсь, конечно, неопредѣленность самаго понятія «идеологія», которое употреблялось основателями марксизма. Съ одной стороны, въ этой формѣ передъ нами выступаютъ такія фантазмы классового строя, какъ рабство, крѣпостничество и деспотизмъ, развиваются всевозможныя усмиренія, преслѣдованія и казни, которыя сопровождаютъ собой всю исторію частной собственности и сильной правительственной власти. Съ другой, Марксъ и Энгельсъ прекрасно понимаютъ, что правовая и политическая надстройки связаны далеко не съ одной только формой рабовладѣльческаго, феодальнаго и капиталистическаго способа производства, но являются тѣмъ сознаніемъ, при помощи котораго вообще человѣкъ реагируетъ на ходъ экономическаго процесса: «явленія внѣшняго міра воздѣйствуютъ на человѣческую голову и отражаются въ ней какъ чувства, мысли, влеченія и волевые акты, словомъ, какъ идеальныя стремленія и становятся такимъ образомъ «идеальными силами». И правильно замѣчаетъ Энгельсъ: если человѣка слѣдуетъ признать идеалистомъ уже потому одному, что онъ слѣдуетъ «идеальнымъ стремленіямъ» и доступенъ вліянію «идеальныхъ силъ», то всякій

нормальный человѣкъ окажется «идеалистомъ». Марксизмъ съ такой точки зрѣнія можетъ представиться въ видѣ исключительно идеалистической теоріи, такъ какъ именно онъ утверждаетъ, что «люди сами дѣлаютъ свою исторію», хотя и не дѣлаютъ это произвольно. Въ виду этого «самый радикальный разрывъ съ традиціонными идеями» отнюдь не есть разрывъ съ идеями вообще.

И въ современной наукѣ мы находимъ много данныхъ для подтвержденія марксистскаго идеализма. Соціальныя бури и битвы послѣдняго времени не прошли даромъ. Сначала соціологи вродѣ Лоренца фонъ-Штейна и знаменитаго автора исторіи эмансипаціи четвертаго сословія Мейера, а затѣмъ и послѣдующіе государствовѣды и юристы, часть которыхъ работаетъ и въ настоящее время, рѣшили пересмотрѣть вопросы общей теоріи права подъ вліяніемъ историческаго матеріализма. Борьба противъ послѣдней теоріи въ качествѣ знамени переворота и отрицанія «идеальныхъ началъ», защита ея со стороны немногихъ ученыхъ, воспринявшихъ марксизмъ хотя бы съ оговорками и ограниченіями, построеніе рядомъ съ марксизмомъ особыхъ нео-кантіанскихъ системъ «историческаго матеріализма», наконецъ появленіе среди самихъ марксистовъ разногласій по поводу различныхъ «ревизій»,—все это привело къ совершенно новымъ даннымъ, выводамъ и заключеніямъ въ общественной наукѣ. И мы должны сказать безъ преувеличенія, что хотя цеховая наука отозвалась очень поздно на новые соціальные запросы и была почти принуждена къ этому силою обстоятельствъ, однако ей удалось и за это время сдѣлать очень много важнаго и значительнаго. Не останавливаясь сейчасъ на ученіяхъ Рихарда Шмидта, Колера, Берольцгеймера и другихъ, мы отмѣтимъ только ту новѣйшую теорію права, которая удивительнѣйшимъ образомъ разъясняетъ многія темныя мѣста и возмѣщаетъ пробѣлы въ ученіи марксизма о государственной идеологіи.

Мы говоримъ здѣсь, конечно, о той теоріи права и государства, которая нашла свое классическое изображеніе въ трудахъ профессора Петражицкаго. Какъ извѣстно, этотъ ученый въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является преемникомъ и продолжателемъ фейербаховской школы, той самой, которая имѣла такое рѣшающее значеніе для ученій самого марксизма. Правда, Петражицкій выходитъ не изъ того наивнаго матеріализма XVIII вѣка, который былъ для Фейербаха и его учениковъ отчасти исходной точкой, отчасти пунктомъ преодолѣнія. А Петражицкій воспринялъ матеріализмъ уже въ болѣе утонченной формѣ, съ одной стороны подъ рѣшающимъ вліяніемъ Дарвина, съ другой подъ сильнымъ давленіемъ Авенаріуса и Маха, этихъ отцовъ философскаго эмпиріокритицизма. Однако общая матеріалистическая точка зрѣнія сблизила этого блестящаго ученаго съ его болѣе раннимъ предшественникомъ Людвигомъ Кнаппомъ до степени иногда прямо удивительной, и въ этомъ сходствѣ нельзя не видѣть торжества матеріалистической исходной точки, которая такъ оплодотворила современную соціальную науку.

Петражицкій не занимается спеціально экономической наукой, его совершенно не интересуетъ хозяйственная основа психологическихъ и идеалистическихъ построеній, онъ посвящаетъ свое вниманіе только правовой психологіи, при чемъ ни философскихъ, ни соціологическихъ выводовъ онъ при этомъ не дѣлаетъ; его психологія чисто формальнаго содержанія, въ которую жизнь вливаетъ свои конкретныя цѣли, задачи, стремленія и движущія силы. И весьма характерно, что Петражицкій въ заключеніе своей книги говоритъ, что «можно быть одновременно послѣдователемъ дарвинизма въ соціологіи или историческаго матеріализма» и вмѣстѣ съ тѣмъ его «теоріи права». Мало того, какъ замѣчаетъ Петражицкій по поводу экономическаго матеріализма, «съ его точки

зрѣнія по поводу сведенія права къ особымъ психическимъ явленіямъ есть такъ сказать готовый отвѣтъ относительно происхожденія и развитія подобныхъ явленій: они—психическіе корреляты, отраженія въ психикѣ соціальной матеріи, и ихъ содержаніе мѣняется въ исторіи сообразно съ измѣненіями соціальной матеріи, какъ функція послѣдней». И мы должны признать относительно значительной части ученія Петражицкаго, что его слова не являются преувеличеніемъ даже тогда, когда онъ говоритъ о «нѣкоторыхъ особыхъ удобствахъ» его ученія для теоріи марксизма [1]).

И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что Петражицкій врядъ ли способенъ и хочетъ признать себя матеріалистомъ, самъ онъ является «идеалистомъ» какъ разъ въ томъ смыслѣ, какъ это говоритъ Энгельсъ про всякаго «нормальнаго» человѣка. У Петражицкаго тоже вся соціальная жизнь проходитъ черезъ психику, и только благодаря вліянію внѣшняго міра эта психика даетъ эффекты сообразно разнымъ формамъ своихъ переживаній. Въ основѣ дѣятельной психики человѣка Петражицкій устанавливаетъ такъ называемыя эмоціи или моторныя возбужденія, которыя, будучи частью безсознательными, а частью сознательными, различаются сообразно тому, какія двигательныя представленія лежатъ въ ихъ основѣ. Эти представленія имѣютъ то эстетическій, то этическій характеръ, при чемъ спеціально этическимъ эмоціямъ присущъ особый авторитетный характеръ, и эти эмоціи переживаются, какъ внутренняя помѣха свободѣ, какъ «своеобразное препятствіе для свободнаго облюбованія». Отсюда необходимая тенденція нравственныхъ эмоцій отвлекать отъ себя и олицетворять содержаніе подобныхъ эмоцій

---

[1]) Послѣдующія строки содержатъ нѣкоторое повтореніе для читателя, ознакомившагося съ первымъ отдѣломъ настоящей книги. Однако выпустить ихъ по ходу мысли здѣсь не представляется возможнымъ.

въ видѣ какихъ-то внѣ насъ существующихъ велѣній, правилъ и нормъ. Какъ замѣтилъ еще Кнаппъ, «дѣйствительное происхожденіе права психологически необходимо ведетъ къ фантастическому его обоснованію и образуетъ все его существо». Такъ создаются особыя фантазмы, которыя въ формѣ постороннихъ человѣку нормъ даютъ внѣшнее направленіе человѣческой дѣятельности. Правовая фантазма отличается только тѣмъ отъ этической, что послѣдняя и создается и сознается какъ граница или велѣніе, направленное противъ внутреннихъ стремленій человѣка, тогда какъ въ правѣ фантазма непремѣнно противопоставляетъ сознанію еще другого субъекта, при чемъ одинъ является по отношенію къ другому субъектомъ правъ и соотвѣтствующихъ имъ обязанностей. Право, съ этой точки зрѣнія, оказывается особымъ типомъ фантазмы, построенной на эволюціонной основѣ, при чемъ дѣятельность право-сознающаго субъекта опредѣляется представленіемъ обязанности или права по отношенію къ другому субъекту.

Среди этихъ правовыхъ фантазій, образующихъ правовую идеологію, съ своей стороны, можно различить нѣсколько видовъ мотиваціи, которые въ самомъ правѣ создаютъ его различныя формы. Такая мотивація можетъ быть обоснована на представленіи различнаго авторитета, предписаній и приказовъ постороннихъ лицъ, которые будто бы придаютъ силу тому или другому закону. Формула такого права гласитъ: «такъ написано въ законахъ», «такъ повелось отъ предковъ», «такъ предписано начальствомъ», «такъ сказала мать или отецъ» «такъ учатъ юристы» и т. п. Это право, по терминологіи Петражицкаго, есть право «позитивное». При чемъ послѣдній изъ позитивнаго выдѣляетъ «оффиціальное» въ качествѣ имѣющаго за собой признаніе государства. Чрезвычайно важно отмѣтить здѣсь различіе между обычнымъ и законнымъ правомъ, при чемъ первое представляетъ собой наиболѣе су-

ровую форму правовой позитиваціи. Обычное право отличается косностью и неподвижностью, стремленіемъ сообразоваться съ условіями не настоящаго, а прошлаго; это право «по природѣ своей»... смотрящее не впередъ, а назадъ. Оно является въ исторіи какъ орудіе «развитія и поддержанія соціально правового неравенства, кастовыхъ и сословныхъ привилегій, рабства и крѣпостного права, безправія женщинъ и т. п.». И въ высшей степени характерно, что «на почвѣ медленнаго, незамѣтнаго и нечувствительнаго процесса» здѣсь «получаются... такіе результаты, какъ кастовое право, низведеніе болѣе слабыхъ на положеніе паріевъ въ буквальномъ смыслѣ, рабовъ, крѣпостныхъ и т. д.». Сила инерціи, традиціи и старины здѣсь дѣйствуетъ съ чрезвычайной интенсивностью, и естественно, что такое право особенно часто является препятствіемъ соціально-необходимаго развитія и такимъ образомъ «дѣло доходитъ до соціальныхъ катаклизмъ» и тому подобныхъ тяжелыхъ и болѣзненныхъ переворотовъ.

Законное право является высшей формой позитивнаго. Здѣсь выясняется понятіе законодателя. Эта фантазма въ человѣческомъ сознаніи играетъ весьма важную роль. При помощи ея «одно лицо или извѣстная группа... можетъ по своему усмотрѣнію вызывать въ психикѣ... обширныхъ народныхъ массъ такое право на будущее время, какое ему или ей представляется съ какой-либо точки зрѣнія желательнымъ, а равно устранять, отмѣнять существующее право и производить разныя другія измѣненія въ чуждой психикѣ и жизни». Эти измѣненія далѣе «могутъ быть производимы внезапно, сразу, въ избранное по усмотрѣнію время». Здѣсь правовая фантазма власти становится источникомъ всякой дальнѣйшей правовой идеологіи. Этотъ типъ права, конечно, и рисовался создателямъ коммунистическаго манифеста, когда они рисовали будущую диктатуру пролетаріата и его

«деспотическія» мѣропріятія... Здѣсь суть вовсе не въ диктатурѣ, а въ законѣ; законъ и есть здѣсь тотъ идеологическій диктаторъ, который выступаетъ въ качествѣ послѣдняго всплеска стараго государства и, какъ намъ кажется, не безъ нѣкоторыхъ оснований: все здѣсь зависитъ отъ того, кто будетъ законодателемъ! Во всякомъ случаѣ, по словамъ Петражицкаго, «законодательство является превосходнымъ и могучимъ орудіемъ раціональнаго управленія, развитіемъ права, его прогресса и совершенствованія».

Марксизмъ знаетъ не только законное «диктаторское» право, ему также извѣстно «право на революцію», и этого права никакой диктатурой объяснить нельзя. У Петражицкаго въ его теоріи мы находимъ цѣлую систему особаго «интуитивнаго» права, которое какъ разъ лежитъ въ основѣ большинства всякихъ революцій. Это интуитивное право, дѣйствующее «въ качествѣ, такъ сказать, незримаго, закулиснаго фактора», имѣетъ индивидуальный, измѣнчивый характеръ; оно опредѣляется особыми условіями жизни каждаго человѣка; общность этихъ условій необходимо ведетъ «къ наличности большей или меньшей степени согласія интуитивнаго права» отдѣльныхъ людей. Такъ рождается право отдѣльной семьи, кружка, круга, общества, класса и т. п. И по мѣрѣ того, какъ интуитивное право захватываетъ все болѣе и болѣе широкіе круги, оно становится и сильнымъ и господствующимъ въ данной средѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ это право—«гибкое и разнообразное, его рѣшенія свободно сообразуются съ конкретными индивидуальными обстоятельствами случая данной комбинаціи». Также гибко оно и въ области своего историческаго развитія, оно развивается «закономѣрно, постепенно», оно «не подвержено фиксированію и окаменѣнію», оно «не зависитъ отъ чьего бы то ни было произвола». Оно не связано въ своемъ существованіи съ наличностью догмы, съ приказами начальства,

съ авторитетомъ законодателя, съ заповѣдью Бога. Право, не знающее момента своего рожденія, оно представляется вѣчнымъ; не нуждающееся въ принужденіи для своего бытія, оно кажется высшимъ, духовнымъ; отвѣчающее жизни и идущее съ нею шагъ за шагомъ, оно получаетъ ореолъ разумнаго и естественнаго, нормальнаго и непогрѣшимаго. Это право—справедливость, право, порождающее правовой фанатизмъ, величайшій подъемъ правовой эмоціи, который требуетъ не милости, а права, во имя права идетъ на героическія жертвы, съ сознаніемъ правды связываетъ надежды на окончательный успѣхъ.

Теперь передъ нами ясенъ тотъ ходъ идеологическаго процесса, который во время Маркса еще не былъ выясненъ въ своихъ деталяхъ. И если теперь мы говоримъ, что соціальная революція есть революція идеологическая, или, другими словами, сопровождается перемѣной во всей колоссальной надстройкѣ моральныхъ, правовыхъ и политическихъ идей такъ же, какъ художественныхъ образовъ и идеаловъ, то въ области права, по крайней мѣрѣ, мы можемъ прослѣдить со всею ясностью данный процессъ. Когда переростаютъ производительныя силы тотъ или иной способъ производства, когда послѣдній становится для нихъ—давящимъ тормозомъ и цѣпями, тогда подъ покровомъ существующаго традиціоннаго права рождается интуитивное, порою долго растетъ въ безсознательной тиши, наконецъ, какъ существующее дѣйствующее реальное право, опредѣляющее психику даннаго класса, приходитъ въ столкновеніе съ правомъ позитивнымъ, въ частности оффиціальнымъ, и на этой почвѣ борьбы двухъ правъ разыгрывается трагедія бунта и усмиреній, революціи и поворота вспять. Каждый классъ становится подъ знамя своего права, классъ угнетающій цѣпляется за авторитетъ традиціонныхъ символовъ, идей и государственной практики, возстающій классъ опирается не на соображенія исторической необходимости, или на со-

ціологическіе законы, а на требованія «справедливости», которая обосновывается и философски, и морально, и исторически.

Холодный разсчетъ, научная спекуляція, способность точно предсказать ходъ причинности въ соціальныхъ событіяхъ, все это недоступно массѣ, лишено того момента массоваго одушевленія, который свойственъ правовымъ идеямъ. Особенность послѣднихъ—въ способности широкой мотиваціи и при томъ особаго мстительнаго и агрессивнаго характера. Какъ совершенно вѣрно замѣчаютъ съ одной стороны фейербахіанецъ Людвигъ Кнаппъ, а съ другой эмпиріо-критикъ и дарвинистъ Петражицкій, правовыя эмоціи отличаются характеромъ требовательности, насильственнаго осуществленія своихъ правъ, боевой ихъ защиты, безпощадной мести за ихъ нарушеніе. Правовая психика есть психика борьбы и опасныхъ разрушительныхъ столкновеній; неисполненіе обязательства со стороны обязаннаго сознается другой стороной въ качествѣ положительнаго ущерба, посягательства, жестокой обиды, причиняемаго человѣку зла. И подобное сознаніе дѣйствуетъ чрезвычайно сильно и рѣзко на правовое чувство, на этой почвѣ рождается широкое зараженіе гнѣвомъ и негодованіемъ за попранное право у окружающихъ людей, и мы видимъ картину коллективнаго взрыва мести и ненависти, которыя направлены противъ преступниковъ, нарушителей права. Въ правѣ, говоритъ Петражицкій, кроется «опасное, взрывчатое вещество». Оно представляетъ «благопріятную... почву для возникновенія опасныхъ споровъ и конфликтовъ, ожесточеній, насилій, кровопролитій, подчасъ взаимоистребленія цѣлыхъ группъ людей...»

Правовая идеологія сопровождаетъ процессъ отъ начала до конца; какъ интуитивное право, она даетъ выраженіе великой борьбѣ угнетенныхъ за новую жизнь и

порядокъ; какъ право законное, она служитъ основой сознательнаго компромисса побѣдителей и побѣжденныхъ, а въ различныхъ кодексахъ, уложеніяхъ и конституціяхъ записываетъ то договоръ рабскаго подчиненія созданному побѣдой деспоту, то соглашеніе двухъ равносильныхъ и могущественныхъ враговъ, то отношеніе временной опеки, которая становится вѣчной, причемъ опекаемый оказывается въ запряжкѣ своего опекуна... Сколько имѣется организаціонныхъ типовъ соціальной работы, сколько способовъ раздѣленія труда и различныхъ фикцій, способныхъ превратить одного въ господина, офицера, администратора, судью, учителя и хозяина, а другого въ работника, каторжника, раба, палача или крѣпостного, сколько же развертывается здѣсь и всевозможныхъ идеологическихъ построеній, которыя создаютъ дальнѣйшія фантазмы и образуютъ цѣлый міръ, нежелающій имѣть ничего общаго съ породившею его землею. Неудивительно, что юристы, воспитанные на оффиціальномъ, въ частности на законномъ правѣ, не желаютъ знать ничего, кромѣ своихъ фоліантовъ, наполненныхъ безчисленными статьями... И чѣмъ дальше идетъ процессъ разрыва между позитивнымъ правомъ и жизнью, чѣмъ больше интуитивное право захватываетъ новыя области въ народномъ сознаніи, тѣмъ болѣе обостряется позитивная фантазма и уходитъ на высоты самодовлѣющей и абсолютной идеи... И опять борьба между правомъ революціоннымъ и правомъ положительнымъ, а интуитивное право подымаетъ свое знамя противъ гнета, произвола, эксплоатаціи и тиранніи стараго отжившаго порядка.

Такъ проходитъ одна эпоха за другою, и каждая приноситъ съ собою свою государственную идеологію. И, воистину, заслугой марксизма является выясненіе ея основъ въ психологіи каждаго отдѣльнаго класса. И если у Гегеля періоды исторіи были нѣкоторымъ образомъ жертвами абсолютнаго духа, налагавшаго на нихъ свое идейное

клеймо, то именно Марксъ и Энгельсъ въ своихъ неподражаемыхъ характеристикахъ дали этимъ идеямъ настоящую жизнь, такъ какъ подъ каждой изъ нихъ оказалась психика то англійскаго джентри, то нѣмецкаго филистера, то французскаго бонапартиста, то лишеннаго отечества пролетарія. Слишкомъ мало оцѣнены до сихъ поръ эти классическія страницы, гдѣ съ тонкимъ знаніемъ деталей на живыхъ, порою художественно законченныхъ образцахъ, со всѣмъ соблюденіемъ историческихъ особенностей и духа эпохи, возсоздается та среда, чрезъ которую преломляется хозяйственная категорія, чтобы стать то христіанской реакціей, то радикальнымъ либерализмомъ, то соціалистической утопіей. Матеріалы, собранные въ этомъ отношеніи марксизмомъ, еще ожидаютъ своего научнаго изслѣдователя. Не можемъ однако уже здѣсь не отмѣтить заслуги Н. Рожкова, который въ своихъ «соціологическихъ этюдахъ» сдѣлалъ интересный опытъ опредѣленія характерныхъ типовъ для каждой психологической среды.

И если мы сейчасъ сдѣлаемъ попытку нѣкотораго ретроспективнаго взгляда, мы не можемъ не замѣтить извѣстнаго идеологическаго прогресса. И подобно тому, какъ уже въ классовомъ обществѣ растутъ производительныя силы, которымъ будетъ по плечу соціалистическій строй, точно такъ же въ рамкахъ существующаго общества вырабатывается та идеологія, которая въ будущемъ охватитъ общественное сознаніе новаго общества. Въ этомъ отношеніи большого вниманія заслуживаютъ контовскіе законы, которые подлежатъ такому же поставленію съ головы на ноги, какъ это марксизмъ сдѣлалъ съ Гегелемъ. И, въ самомъ дѣлѣ, нельзя не замѣтить, что въ соціальной, а въ частности правовой идеологіи, совершается удивительный процессъ перехода съ небесъ на землю, отъ фантазмъ, снабженныхъ крыльями и божественнымъ ореоломъ, къ весьма прозаическимъ олицетвореніямъ, пока дѣло не доходитъ до сухихъ техническихъ формулъ и

безжизненныхъ символовъ, построенныхъ на подобіе алгебраическаго уравненія. Общественная символика, безъ которой немыслима соціальная организація такъ же, какъ научное изслѣдованіе, продѣлала въ исторіи удивительный процессъ. Кровожадные и свирѣпые боги деспотической природы Востока смѣняются общительными и свѣтлыми богами Эллады, надъ которыми еще тяготѣетъ страшный фатумъ; этихъ боговъ смѣняютъ обожествленный гражданинъ и воинъ римскаго государства, пока священный нимбъ не нисходитъ на главу смертнаго и вмѣстѣ безсмертнаго человѣка-бога, императора. Въ христіанствѣ религіи земного оптимизма смѣняются теоріей посмертнаго блаженства и уже его именемъ воздвигается папство, освящаются имперіи и цари. Отвлеченное божество, мистическая троица, благостная Богоматерь и Богъ, — не царь, не императоръ, а за крамолу казненный плотниковъ сынъ становятся центромъ міровой религіи. И въ магометанствѣ подобный процессъ, и не только Аллахъ, но дѣйствительно жившій пастухъ и разбойникъ пустыни полагаются въ основѣ угла. Символика упрощается, становится понятной, моральной, человѣчной; въ феодализмѣ христіанство дѣлаетъ бога сюзереномъ, такъ какъ съ другой стороны его сдѣлали таковымъ и всевозможные Сассаниды. Въ теоріи естественнаго права мистика переходитъ въ метафизику, религіозные символы тускнѣютъ, въ реформаціи рождается омѣщанившееся христіанство, въ системахъ разума и природы—чисто-свѣтское, quasi-научное, построенное на догмѣ и дедукціи, просвѣщенное буржуазное право. Въ правовомъ, національномъ и культурномъ государствѣ—послѣдняя вспышка метафизической фантазмы, закатъ цѣлаго міра отвлеченныхъ, самоцѣльныхъ сущностей, призраковъ, смѣнившихъ божество. И, расчищая все шире и рѣшительнѣе путь, идетъ теорія, гордая и безпощадная, и убираетъ отжившія фантазмы прочь; путь человѣчества расчищается; тамъ, гдѣ вчера красо-

вались волшебные цвѣты, сегодня тамъ поставлены научныя формулы, техническіе символы, административные знаки, устроены маяки и поставлены семафоры. Посмотрите на желѣзно-дорожное полотно: тамъ нѣтъ больше ни боговъ, ни сущностей; въ ея сложной символикѣ царствуетъ условность, математика и инженерное искусство. Идеологія осталась, но она стала совершенно иной.

Правда, въ исторіи нѣтъ идей мертвецовъ, пока есть создавшая ихъ среда. Въ современномъ классовомъ обществѣ громадныя залежи крестьянства и мощный вотчинный классъ еще дышатъ старыми идеями. Тамъ еще живы изгнанные съ Олимпа боги, тамъ хранятся традиціи былого вліянія и частью господства. Крестьянское государство и патримоніальное владычество задавлены пришедшимъ на смѣну капитализмомъ. Но во тьмѣ невѣжества и суевѣрій, среди развалинъ натуральнаго хозяйства и вотчиннаго права, скрывается цѣлый міръ старой идеологической символики; онъ исчезнетъ только со своей средою...

Въ процессѣ идеологическаго развитія можно прослѣдить и вторую черту, отмѣченную, кстати сказать, Петражицкимъ, это—постепенная смѣна самыхъ формъ права. Нельзя не замѣтить, что обычай вымираетъ все больше въ юридической сферѣ, съ нимъ вмѣстѣ традиція и косность; мертвецы, покойники, предки очищаютъ дорогу живымъ, все рѣже выходятъ они изъ могилъ, чтобы тираннить, угнетать своихъ потомковъ. Гибнетъ съ этимъ пестрота и обособленность общины, рушатся стѣны мѣстнаго фанатизма, слабѣетъ кровная связь. Давно уже, съ самымъ началомъ абсолютизма, нанесенъ обычаю роковой ударъ; законодатель воспринялъ его мѣсто. Въ понятіи закона опять начался новый процессъ; бога смѣнилъ здѣсь царь, царя смѣнило государство, кое-гдѣ государство смѣнилъ мужской, полноправный и взрослый народъ, къ народу мужскому примыкаетъ кое-гдѣ женскій, но въ

общемъ этотъ народъ не есть подлинный, живой и рабочій, это все еще народъ господствующихъ классовъ и замученныхъ работою трудящихся массъ; это все еще законъ извнѣ, законъ чужой, и лишь фантазмы стремятся закрыть пропасть между общею волею и волей всѣхъ, демократія по-прежнему неразрѣшимой проблемой.

И только ростъ интуитивнаго права открываетъ намъ далекую перспективу. Неподвижный, писанный, чужой, самодержавный законъ отступаетъ передъ правомъ гибкимъ, чуткимъ и роднымъ. Право мощное, хоть безвластное, право дѣйствительное, не бумажное, право народное, не законное, право, каждый моментъ рождающееся среди широкихъ народныхъ массъ—это право свѣтится намъ конечною точкой нашего будущаго развитія. Право-справедливость низведетъ законъ на подобающее ему мѣсто организаціоннаго и соціально-хозяйственнаго плана.

Совершенно понятно далѣе, что и послѣдняя черта правовой психики измѣнится до чрезвычайности. И это —тенденція принудительности, которая отражаетъ въ соціальной жизни естественную необходимость. Въ исторіи человѣчества можно ясно замѣтить прогрессъ въ этой области. Борьба, насиліе, мученіе и смерть еще долго будутъ спутниками классового общества. Но поверхностный взглядъ на исторію уголовныхъ каръ, полицейскихъ усмиреній и дозволенныхъ способовъ войны сразу покажетъ намъ, что мы идемъ путемъ смягченія свирѣпости правовыхъ эмоцій, устраненія насилія, по крайней мѣрѣ, въ его квалифицированной формѣ. Правда, и здѣсь есть общества передовыя и отсталыя, классы прогрессивные и представители террора во что бы то ни стало. До сихъ поръ замучиваютъ людей въ тюрьмахъ, душатъ ихъ веревками, сжигаютъ электричествомъ, разрываютъ штыками и пулями. До сихъ поръ право создаетъ палача и шпіона, торжествуетъ при помощи казней и разореній. Всѣ революціи до сихъ поръ сопровождались ге-

катомбами человѣческаго мяса, потоками горячей, живой крови. Мы не должны слишкомъ оптимистически смотрѣть на будущее, но мы знаемъ, что тотъ классъ, который по теоріи марксизма долженъ стать побѣдителемъ, это—классъ, питающій наибольшее отвращеніе ко всѣмъ красотамъ нынѣшней правовой цивилизаціи. Здѣсь распространяться не приходится; и несомнѣнно въ музей древности будущаго общества вмѣстѣ съ бронзовымъ топоромъ будутъ сданы: каторжный тузъ, тюремная рѣшетка, висѣлица и всевозможные электрическіе стулья...

Но и здѣсь опять оговорка: въ реакціонной глубинѣ мелкихъ собственниковъ еще едва мерцаетъ свѣтъ человѣчности; все, что умерло для прогрессивныхъ силъ, тамъ еще живетъ въ видѣ слѣпыхъ и свирѣпыхъ чудовищъ. Только окончательное устраненіе классовыхъ перегородокъ дастъ туда доступъ знанію и «общечеловѣческому» праву, а свободное и сознательное подчиненіе долгу станетъ основой новаго человѣческаго общества.

Идеологія не умретъ, она преобразится. Государство погибнетъ, но организованное, а слѣдовательно, и политическое общество останется.

Три правды.

(Типы соціальной идеологіи).

При самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ исторіей политическихъ ученій бросается въ глаза одна особенность предмета, и это—рѣзкія противорѣчія другъ другу со стороны отдѣльныхъ ученій, можно даже сказать, сплошное и радикальное отрицаніе другъ друга. И безпристрастный изслѣдователь, желающій не только познакомиться, но и понять самый духъ каждой школы, долженъ признать, что каждая отдѣльная «истина» безусловно исключаетъ всякую другую, и если принять ее, то приходится отвергнуть всѣ остальныя какъ неправду и заблужденіе. Здѣсь можно только признать: одинъ есть богъ Аллахъ и Магометъ пророкъ его, и нѣтъ другихъ боговъ кромѣ него. И въ самомъ дѣлѣ, какъ примирить мистическое царство божіе на землѣ средне-вѣковой церкви и царство разума и природы эпохи просвѣщенія? Гдѣ истина въ спорѣ между суверенитетомъ народа и самодержавіемъ единаго великаго тиранна? Какъ найти средній путь между опекой благожелательнаго удушенія и принципомъ кантовской свободной личности? И такіе примѣры можно умножить до безконечности, вся исторія соціальной мысли есть исторія неумолимыхъ противорѣчій, разноголосный хоръ другъ друга отрицающихъ, проклинающихъ, истребляющихъ истинъ и ересей, заблужденій и правды, изъ которыхъ всякая правда обращается въ ересь, всякая истина становится ложью.

Идеалистическое изображеніе исторіи пытается усмирить этотъ буйный хоръ своеобразнымъ способомъ. Исто-

рикъ философіи поступаетъ здѣсь подобно искусному мозаичисту; онъ старательно отдѣляетъ всякое ученіе отъ его окружающей жизни, вынимаетъ его изъ той горной руды, въ которую оно вкраплено органически, изолируетъ совершенно отъ всего, что темнитъ чисто идейный, логическій составъ теоріи. Этимъ путемъ теорія отрѣзается отъ жизни, соціальныя ученія получаютъ характеръ обломковъ изъ разныхъ эпохъ, наслоеній различнаго строенія и цвѣта. Изъ такой кучи соціальныхъ идей выбираются отдѣльные камушки лучшей добротности и красоты, и изъ нихъ послѣ шлифовки историкъ составляетъ картину; если онъ художникъ, то изъ камушковъ получается изящная мозаика, изображающая то пейзажи умственнаго прогресса, то батальный жанръ штурма титанами неба, то фигуру прикованнаго къ скалѣ Прометея. Смотря по дарованію и вкусу здѣсь могутъ получиться сильные образы, яркія краски, дивные узоры. Болѣе спокойный «историкъ» поступаетъ прозаичнѣе и проще. На каждую теорію наклеивается билетикъ, каждое ученіе помѣщается на опредѣленную полку, на каждый шкафъ набивается ярлычекъ, и длиннымъ, однообразнымъ рядомъ тянутся муміи человѣческой мысли, скелеты живыхъ и мощныхъ тѣлъ, засохшій пепелъ великаго, соціальнаго пожара...

Умъ человѣческій не терпитъ противорѣчій, какъ «дореформенная» природа не терпѣла пустоты. Брошенный въ разноголосицу политической битвы теоретикъ невольно ищетъ примиренія въ окружающей схваткѣ, инстинктивно бросается къ одному изъ знаменъ, которое кажется болѣе близкимъ, истиннымъ, понятнымъ. Наблюдатель превращается въ бойца, тишину объективнаго изслѣдованія смѣняютъ крики полемики, проповѣдь агитатора, призывы уже не только мыслящаго ума, но и вѣрующаго сердца. Механическое примиреніе отдѣльныхъ ученій также не дастъ научныхъ результатовъ, такъ какъ одно описаніе не есть наука, музеи не могутъ замѣнить

академіи, случайные и мелкіе обрывки цѣльнаго, законченнаго зданія.

Единственный путь это раскрытіе самого секрета противорѣчій, изслѣдованіе процесса образованія ученій, изученіе ихъ діалектической и противорѣчивой природы. Отыскавъ въ этихъ ученіяхъ основной типъ ихъ творенія, можно затѣмъ привести въ связь эти идеи съ ихъ жизненной исторической средой, выяснить въ соединеніи съ послѣдней направленіе и содержаніе каждой другъ друга отрицающей истины. Наконецъ, установивъ такую связь, возможно прослѣдить параллельный процессъ идеологическаго творчества, связь съ соціальнымъ развитіемъ.

Разсматривая прежде всего силу и рѣзкость противорѣчій въ соціальныхъ ученіяхъ, мы видимъ, что незыблемость каждой теоріи зависитъ отъ убѣдительности ея аргументаціи и вытекающей отсюда категоричности требованія. Само собою разумѣется, что теорія условная по формулѣ «если—то» никогда не можетъ отличаться такой убѣдительностью и силой, какъ теорія, устанавливающая ту или другую истину: «такъ есть», и отсюда двигательный выводъ: «такъ должно или не должно быть». И будетъ ли то истина, воспринимаемая путемъ мистическаго постиженія божества, простой эмпиріи или философскаго вывода, рѣшительное «такъ есть» одно является основаніемъ не уступчивости, не гибкости теоріи. Вполнѣ естественно далѣе, что для ученій соціальныхъ такимъ исходнымъ пунктомъ является та или иная «правда» о человѣкѣ въ его отношеніяхъ къ божеству, міру или ближнему. «Человѣкъ по природѣ золъ», «человѣкъ по природѣ животное общественное», «человѣкъ есть образъ и подобіе божіе», человѣкъ по природѣ грѣшенъ и осужденъ на гибель», «человѣкъ изъ начала добръ, святъ и предназначенъ къ блаженству», «люди отъ природы равны» или наоборотъ «неравны»; «человѣкъ есть только общественная клѣтка», «пассивная частица племени и

расы», «пассивный атомъ сословій или класса», существо «косное» или способное къ прогрессу, рабское или свободное и т. д.; и изъ этого «человѣка» дѣлаются самые различные выводы, но дальше его они не идутъ. Каковъ человѣкъ, такова природа его жизни, таковы принципы его дѣятельности, идеалы его прогресса!

Фридрихъ Энгельсъ ѣдко смѣялся въ своемъ Анти-Дюрингѣ надъ Робинзонами политической экономіи. Эти Робинзоны дѣйствительно сыграли свою роль въ исторіи экономики; то въ качествѣ своекорыстнаго и разсчетливаго существа, Робинзонъ являлся на рынокъ и обнаруживалъ «законы» купли, продажи и конкуренціи, при чемъ выводомъ являлась формула «laissez faire - laissez passer». То Робинзонъ удалялся въ свое уединенное хозяйство и демонстрировалъ всему міру переходъ съ болѣе плодородныхъ площадей на менѣе плодородныя и тѣмъ освѣщалъ всѣмъ законъ поземельной ренты. Экономическій Робинзонъ, помноженный во много тысячъ разъ, ежегодно отправлялъ опредѣленное количество писемъ безъ марокъ, терялъ точно высчитанное количество калошъ и зонтиковъ, увеличивалъ народонаселеніе при урожаяхъ, уменьшалъ при неурожаяхъ, а въ случаѣ войны произрождалъ исключительно мальчиковъ. И былъ ли то Робинзонъ Дюринга или «человѣкъ» Кеттле, былъ ли это естественный индивидъ Адама Смита или идеальный помѣщикъ Тюнена—для дѣла совершенно безразлично: послѣднія обобщенія науки всегда было— ученіе о природѣ человѣка, и вполнѣ естественно, что для доказательства справедливости тѣхъ или иныхъ требованій соціальной политики всегда ссылались на законы, имѣющіе исходной точкой человѣка и его неизмѣнную исторически-соціально выясненную, вылитую въ тотъ или иной кристаллъ духовную или матеріальную природу. «Человѣкъ есть то-то и то-то», значитъ должно быть «такъ и такъ», а слѣдовательно все, что ему противорѣчитъ, есть

заблужденіе, умышленный обманъ или безуміе. Вѣдь истина только одна!

Въ политической наукѣ роль Робинзоновъ очень упорно играли Адамы и имъ подобные люди и человѣки; и здѣсь послѣднимъ аргументомъ была объективная, неподлежащая дальнѣйшему спору истина, изъ которой выводились моральные законы, юридическія права и всевозможныя власти. Тутъ были Адамы самыхъ различныхъ фасоновъ и цвѣтовъ, возрастовъ и настроеній; въ ихъ облаченіи выводились и римляне упадка и итальянцы возрожденія, французскіе буржуа также какъ англійскіе джентри, голландскіе суконщики и чешскіе рудокопы. Адамъ съ каждымъ классомъ, съ каждой эпохой и національностью мѣнялъ свой обликъ и костюмъ, свои основныя существенныя неизмѣнныя свойства, но вездѣ и неуклонно былъ онъ послѣднимъ аргументомъ политическихъ требованій, скалой, о которую разбивались всякіе компромиссы и соглашенія. Адамъ анархистовъ можетъ обойтись безъ всякаго государства, Адамъ естественнаго права наоборотъ нуждается въ ночномъ сторожѣ; Адамъ католиковъ повинуется одному папѣ, Адамъ полицейскаго государства требуетъ непрестанной лозы. Но вездѣ именно на немъ, другими словами, на соціальномъ фактѣ строится рядъ политическихъ требованій, воздвигается политическая система.

Присматриваясь ближе ко всему пестрому составу различныхъ Адамовъ, Робинзоновъ и т. п. естественныхъ, нормальныхъ и натуральныхъ людей, нельзя не замѣтить въ ихъ средѣ нѣсколько особенно упорно повторяющихся типовъ; словно представители отдѣльныхъ расъ, различнаго цвѣта, склада и характера они несомнѣнно обнаруживаются всякій разъ, какъ только раскроется временный и мѣстный покровъ той или другой теоріи. Типы античнаго міра оказываются очень часто перенесенными въ средніе вѣка и подъ монашеской одеж-

дой францисканца не разъ находимъ мы платоновскую душу. Аристотелевскій человѣкъ воскресаетъ въ XIII вѣкѣ христіанской эры и продѣлываетъ также цѣлую эволюцію. Онъ умираетъ въ баретѣ, эпанчѣ и при рыцарскихъ шпорахъ, чтобъ воскреснуть опять въ эпоху париковъ и расшитыхъ камзоловъ. Грѣшникъ древняго еврейства мѣняетъ свое одѣяніе ессеевъ и назарянъ на костюмъ средневѣкового крестьянина, на обликъ сектантскаго агитатора и пропагандиста. Но однѣ и тѣ же черты, тотъ же складъ мысли и характера, ту же страсть и способъ дѣйствовать находимъ мы у «человѣка», несмотря на смѣну историческихъ декорацій, одинъ и тотъ же Адамъ мыслитъ и чувствуетъ, страдаетъ и борется, гибнетъ и побѣждаетъ въ VII вѣкѣ до Рождества Христова и въ XIII послѣ него, и все такъ же окруженъ онъ врагами въ лицѣ другихъ его отрицающихъ Адамовъ, и формы великой трагедіи идей словно вихри космической системы бьются и движутся въ одномъ направленіи своеобразной соціальной механики.

Установить эти типы значитъ не только постичь существо идеологіи, но вмѣстѣ и доказать неизмѣнность формъ общественнаго мышленія, выросшаго въ средѣ, основанной на одинаковомъ соціальномъ базисѣ. Необходимо для исполненія этой работы пересмотрѣть исторію соціальныхъ идей съ цѣлью индивидуальнаго нахожденія идейныхъ типовъ въ конкретной исторической обстановкѣ. Однако, прежде чѣмъ приступить къ такой долгой и сложной задачѣ, нужно опредѣлить хоть въ общихъ чертахъ направленіе, въ которомъ мы будемъ ихъ искать, надо намѣтить наиболѣе общіе типическіе признаки каждаго катехизиса соціально-политической вѣры. Наше построеніе въ виду этого будетъ дедукціей предположительнаго, условнаго характера. Мы попробуемъ суммировать типичные образы Адамовъ съ тѣмъ, чтобы провѣрить, исправить ихъ на живой исторіи политиче-

ской мысли. Задачей даннаго очерка является какъ разъ такое предварительное изысканіе. Попробуемъ возсоздать основной скелетъ нѣкоторыхъ наиболѣе общихъ и частыхъ типовъ соціальнаго «человѣка» нормы, предпосылки для всякой дальнѣйшей политики.

I.

Адамъ.

Начнемъ съ самаго настоящаго и подлиннаго Адама: его судьбу мы можемъ установить теперь съ достаточной достовѣрностью...

По всѣмъ самымъ точнымъ изслѣдованіямъ онъ находился въ подлинномъ, настоящемъ раю; этотъ рай подтверждаютъ не только вавилоняне и евреи, но и древніе греки, создавшіе миѳъ о золотомъ вѣкѣ, о царствѣ Кроноса или Афродиты... И тамъ было очень хорошо: совсѣмъ не надо было работать... Все росло въ изобиліи, среди кисельныхъ береговъ текли молочныя рѣки, и страна благословенной «Шларафіи» — какъ ее называютъ нѣмцы—была преисполнена всѣмъ, чего пожелаетъ изысканный вкусъ. Сказки, которыми жило на зарѣ человѣчество, которыми и сейчасъ живутъ наши дѣти, эти маленькіе первобытные человѣки, имѣютъ громадное соціальное значеніе. И конечно, для насъ сейчасъ безразлично, что именно подавалось въ раю и подъ какимъ соусомъ; по разнымъ источникамъ меню здѣсь было очень разнообразно. Уже греки не довольствовались простымъ салатомъ и плодами. Жареные голуби и перепелки, начиненныя свиньи и зайцы, колбасы всякаго рода, сладкіе пряники и другія сласти были предусмотрительно развѣшаны въ греческомъ раю и съ той поры остались необходимымъ его дополненіемъ. И если у евреевъ главную роль играли яблоки безсмертія, то уже у грековъ

находимъ мы не только виноградъ, но и милое вино, а германскій рай впослѣдствіи пополнился и пѣнистымъ пивомъ. Было сытно, тепло и спокойно, можно было цѣлый день лежать подъ райскимъ деревомъ и ловить ртомъ сладкія лепешки; и не было скучно. Какъ извѣстно, изъ ребра была создана женщина, кругомъ же рѣзвились нашпикованные гуси, а робкая лань нѣжно обнималась съ мирно пасущимся тигромъ. Блаженное, сладкое время, золотой рай юной человѣческой мечты, сонъ голоднаго, исхудалаго труженика.

Но рай былъ бы не настоящій, а счастье было бы не полно, если бы боги не жили тогда вмѣстѣ съ людьми. Каждый вечеръ Яхве евреевъ приходилъ запросто потолковать съ Адамомъ о райскихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, заставилъ придумать названія для вкусныхъ и милыхъ вещей. Съ веселыми своими богами жилъ въ раю древній эллинъ и радостной любовью увѣнчанъ былъ бракъ боговъ съ человѣческими женами. Миѳологія всѣхъ странъ и народовъ полна гимномъ этой божественной любви, а воплощеніе божества при помощи смертной дѣвы дополняетъ парадизъ цвѣтами волшебной поэзіи. Но знакомство съ богами никогда даромъ не проходитъ: злое начало, діаволъ, падшій ангелъ, духъ вражды и злобы, геній ненависти и раздора—онъ долженъ былъ вмѣшаться въ судьбы блаженнаго человѣка; грѣхъ омрачилъ землю, кровь напоила невинныя травы и цвѣты, стихійная страшная катастрофа разразилась надъ бѣднымъ Адамомъ, огненный мечъ сталъ между нимъ и блаженнымъ царствомъ, тяжкій трудъ упалъ на смертныя плечи, голодъ и нужда научили его рыданіямъ, болѣзни источили его юное тѣло, смерть неизбѣжная, безпощадная, неотвратимая стала у его изголовья. Свѣтлымъ миражемъ плавно къ небесамъ поднялось солнечное царство, небо и земля раздѣлились, слабый, трепещущій, жалкій Адамъ остался на черной землѣ; только райская подруга, данная ему богомъ, хра-

нитъ на крылахъ любви блестки угасшаго рая. Бѣдный, бѣдный Адамъ!

Этого Адама обвиняютъ въ косности и слабости, въ неспособности къ рѣшительной борьбѣ, въ мечтательности и утопизмѣ. Выброшенный изъ рамокъ родового быта, лишенный кровныхъ связей своего рода или клана, окруженный со всѣхъ сторонъ враждебной природой, онъ очень скоро сталъ ощущать тяжесть ярма, наложеннаго на него судьбою. Изо дня въ день, сегодня какъ вчера, черный отъ пота и зноя стоитъ онъ зарытый по поясъ въ землю и роетъ, роетъ ее безъ конца. Каждый день борется онъ съ страшной, зеленой стихіей, отбираетъ у лѣса его силу, вызываетъ къ жизни золотой посѣвъ тяжело заработанной жатвы. Словно разбросанные по землѣ муравьи роются безчисленные Адамы, Жаки, Джоны, Михели и Иваны въ землѣ, отбираютъ золото у злого духа. Но врагъ человѣческій не дремлетъ: небеснымъ огнемъ уничтоженъ посѣвъ, наводненіемъ и морозомъ затоплены сѣмена, убиты злаки; дикій звѣрь лѣсной унесъ прирученную скотину, божья чума поразила смертью каждыхъ девять человѣкъ изъ десятка. Рай смѣнился адомъ, вампиры и лѣшіе заняли мѣсто ангельскаго сонма, въ буряхъ бѣснуются страшныя силы, изъ-за каждой былинки грозитъ нежданная опасность, всюду подстерегаетъ врагъ... Боже высокій и дальній, добрый покинувшій землю, Боже возврати намъ рай!

Врагъ никогда не приходитъ одинъ; послѣ звѣря пришелъ воинъ, все сжегъ, истребилъ, а что можно унесъ; тяжкіе дни стали знакомъ порабощенія и побѣды. Барщина и рабство связали земледѣльца и господина, выросъ каменный зàмокъ среди расчищенныхъ Адамомъ полей. Свой ли разбойникъ, чужой ли грабитель, хищный и властный господинъ, онъ взялъ мужицкую волю, на крестьянскихъ поляхъ сталъ гонять дичь, крестьянскихъ женщинъ обратилъ въ наложницъ, изъ крестьянскихъ

сыновъ сдѣлалъ вѣрныхъ своихъ псовъ и сторожей. И тогда діаволъ закончилъ свое пагубное дѣло: онъ пришелъ къ господину въ видѣ торговца и ростовщика, соблазнилъ его роскошью и славой, научилъ разврату и пьянству, а въ замкѣ открылъ адскую мастерскую. Словно живыя подъ дѣйствіемъ волшебныхъ силъ деньги стали рождать деньги, отъ золота полилась заколдованная монета и все, что не было еще истреблено и взято, все было куплено при помощи волшебства. Кто разъ не удержался и польстился на блестящій кружокъ, кто разъ взялъ его въ минуту голода и нужды, кто разъ протянулъ къ нему руку ради минутнаго забвенія и хмѣля—тотъ проклятъ, тотъ погибъ: съ золотомъ діаволъ внѣдрился въ человѣка, и выгнать его больше нельзя. И сколько ни будешь платить своимъ потомъ и кровью,—какъ проказа съѣстъ тебя неоплатный долгъ; взятый тобою золотой кружокъ будетъ вѣчно рождать золото для ростовщика, но тебя будетъ душить до самой смерти. И если тяжекъ былъ баринъ, то страшенъ змѣй ростовщика, напоенный золотомъ и человѣческой кровью: онъ загубилъ грѣшнаго и слабаго Адама.

Безпощадно Богъ покаралъ Адама, ужасна его месть; за грѣхи отцовъ караетъ онъ дѣтей и до десятаго колѣна мститъ за давно забытую вину. Цѣлый вѣкъ искупаетъ родъ грѣхъ своего родоначальника, а все человѣчество своего прародителя. Богъ мести однако вмѣстѣ съ тѣмъ Богъ милости: и тому, кто презрѣлъ для праха небеса, онъ открываетъ новый путь. Можно опять обрѣсти рай, гдѣ опять будутъ всѣ свободны и святы и равны, гдѣ не будетъ ни моего, ни твоего, ни раба, ни господина. Но тому, кто разъ поддался злому духу и ушелъ въ его власть, предстоитъ тяжкій путь для восхожденія въ божеское царство. Надо, оставаясь въ мірѣ, преодолѣть его, земную муку нужно убить намѣреннымъ, добровольнымъ мучительствомъ, тлѣнныя слезы осушить безконечнымъ

воплемъ воздыханія. Огонь безконечной жертвы долженъ выжечь пути, по которымъ діаволъ приходитъ въ сердце. Надо изсушить тѣло, въ которомъ рождаются соблазны, надо убить въ себѣ землю, зовущую ко грѣху, чтобы возродить въ себѣ потеряннаго свѣтлаго бога. И когда только тѣнь останется отъ человѣка и легкая тонкая связь одна соединитъ его съ землею, тогда придетъ снова царь-искупитель, неземной восторгъ и вдохновеніе откроютъ передъ нимъ святыя эмпиреи; раскроются облака, звенящій сладкій гимнъ пронижетъ рыданіями сердце, протянутся нити мягкаго любящаго свѣта отъ небесной розы, находящейся на седьмомъ небѣ, и вѣчность охватитъ мигъ, и нескончаемое блаженство сольетъ мученика съ тьмами темъ блаженныхъ ангеловъ, подвижниковъ и святыхъ, живыхъ и мертвыхъ, вѣчно сущихъ и пребывающихъ. Адамъ вернулъ себѣ свой рай, рай высшій, духовный, тамъ нѣтъ грѣхопаденія, оттуда изгнаны земля и діаволъ, и грѣхъ и соблазны, и царствію тому не будетъ конца! Надо только ждать!

И убаюканный надеждой человѣкъ возвращается къ своему ярму и плугу; при каждомъ бѣдствіи все ниже сгибаетъ онъ спину и говоритъ: «Богъ наказываетъ насъ за грѣхи отцовъ». Безропотно принимаетъ онъ ударъ бича на свои измученныя плечи, только ниже опускаетъ ихъ, покорно склонивъ главу: «то Богъ караетъ насъ за наши прегрѣшенія». Его грабятъ, онъ молчитъ, его оскорбляютъ, онъ молится за угнетателей, его бьютъ по правой щекѣ, со смиреніемъ подставляетъ онъ лѣвую. Онъ добръ и кротокъ, онъ помогаетъ ближнему, чѣмъ можетъ, хотя у него самого ничего нѣтъ, онъ работаетъ какъ волъ и переноситъ всѣ мученія, ибо велика его награда въ томъ раю, который откроютъ для него небеса. И только одного ждетъ онъ: не пришелъ ли уже избавитель. Чуткимъ ухомъ ловитъ онъ всякій слухъ о немъ, зоркимъ взглядомъ окидываетъ горизонтъ, не движется

ли тамъ уже онъ въ одеждѣ Адама, но съ царскимъ видомъ и съ чудесною силой въ очахъ. Не слышно ли? Не видно ли уже?..

Идея мессіанизма готова, мессію ждутъ, въ него вѣрятъ. Идеологія страшной силы и самыхъ невозможныхъ возможностей, ибо чѣмъ нестерпимѣе среда, чѣмъ невозможнѣе гнетъ, чѣмъ невыносимѣе страданіе, тѣмъ сильнѣе и непреодолимѣе жажда соціальнаго спасенія, моментальнаго прекращенія всяческаго зла и бѣдствія. Религія соціальнаго отрицанія и презрѣнія міра не исцѣляетъ болѣзни: она вгоняетъ ее внутрь; молчи и страдай—ея заповѣдь; и то и другое можно долго переносить, такъ какъ велика вѣра въ послѣднее избавленіе. И мучительство растетъ и страданіе съ нимъ вмѣстѣ. Но наступаетъ моментъ, когда терпѣть больше нельзя, и вотъ вдали яснѣютъ горизонты. Предразсвѣтное молчаніе и страшный взрывъ: пришелъ мессія! Ложный или истинный, не все ли равно, но онъ пришелъ, и изъ милліоновъ грудей одинъ кликъ, одно стремленіе: впередъ, за нимъ, въ обѣтованную землю, послѣдній подвигъ и возсядетъ вѣчная справедливость и въ страшную тюрьму, на раскаленныя сковороды отправитъ всѣхъ властныхъ, богатыхъ, счастливыхъ, желѣзными крючьями черти будутъ драть съ нихъ кожу, вѣчно замерзать будутъ среди снѣга льда тѣ, кому теперь уютно и тепло, и утонченнымъ пыткамъ, не имѣющимъ конца, медленно будетъ подвергать господъ и баръ и начальство тотъ самый чортъ, который соблазнилъ людей на муку, а теперь сталъ вѣрнымъ палачемъ тысячелѣтняго блаженнаго царства.

Но зато, какъ бѣдные возвеселятся! Чего только не ждетъ ихъ въ землѣ обѣтованной, и если Магометъ еще обѣщаетъ вкусныя трапезы послѣдователямъ Аллаха, и черноокія гуріи будутъ ласкать счастливцевъ, то христіанское средневѣковье было не менѣе изобрѣтательно;

блаженное тысячелѣтіе должно было принести вдвойнѣ и втройнѣ, а иногда и въ десятеро за все, что было потеряно въ юдоли плача. И тѣ, кто такъ ненавидѣли проценты въ царствѣ грѣха, готовы были предъявить божеству чудовищные векселя за все перенесенное ими по его велѣнію. И вѣчный судія будетъ хорошимъ плательщикомъ.

Идея мессіанизма, пророчества, особой благодати, присущей нѣкоторымъ свыше избраннымъ людямъ— источникъ не только чрезвычайнаго посланничества, но и обычнаго священства и его власти. На первомъ планѣ, конечно, мессія; онъ истинный великій царь-повелитель, спаситель, не человѣкъ, а полубогъ, благой, премудрый демонъ. Это монархъ, въ высочайшемъ смыслѣ слова, власти его нѣтъ ни конца, ни предѣловъ. Онъ самъ богъ, сошедшій на землю, въ немъ истина, спасеніе и законъ. Но человѣчество рѣдко можетъ ждать его пришествія: въ христіанствѣ ихъ два, при чемъ второе еще будетъ. Еврейство ждетъ своего великаго царя, Будда только постоянно воплощается все снова и снова. Адамъ однако не можетъ удовлетвориться долгимъ ожиданіемъ, чтобы вѣрить, онъ долженъ осязать, вложить руки въ раны. И каждый день христіанинъ въ таинствѣ евхаристіи пьетъ кровь своего Христа, каждодневно рождающуюся и вѣчно текущую. И если долго ждать послѣдняго царя, то есть вмѣсто него его замѣстители, маленькіе мессіи, обладающіе волшебной силой, священники и жрецы. Есть постоянные посредники между небомъ и землей, живые и мертвые святые, наконецъ разные безплотные духи. Адамъ не брошенъ, не покинутъ на землѣ, ему дано строгое духовное начальство, сосуды власти, которая въ цѣломъ принадлежитъ самому послѣднему владыкѣ.

Для того, чтобы спастись отъ князей неправедныхъ, отъ мучителей господъ и всепожирающаго злата, ставитъ противъ нихъ смиренный Адамъ духовное начальство,

намѣстниковъ и губернаторовъ божіихъ. Для нихъ онъ убиваетъ и грабитъ иновѣрцевъ, сжигаетъ еретиковъ, кормитъ цѣлыя бездны духовныхъ солдатъ, офицеровъ, духовныхъ полицейскихъ и сборщиковъ податей, создаетъ цѣлое волшебное, мистическое, неземное царство на землѣ, и все это—чтобъ подготовить окончательное торжество правды, стерѣть главу змѣю, спастись отъ грѣха и погибели. Такъ между небомъ и землею, между Адамомъ и его богомъ становится сложная бюрократія спасенія со своими министрами и департаментами, со своимъ великимъ трижды вѣнчаннымъ жрецомъ во главѣ, которая дѣлаетъ излишнимъ новое пришествіе мессіи. Зачѣмъ новое сошествіе, когда и такъ вручены ключи загробнаго блаженства божескимъ представителямъ, дѣйствующимъ его именемъ и полномочіемъ. Вмѣсто ангеловъ теперь жрецы стоятъ на стражѣ у потеряннаго рая и вѣчнаго застѣнка небеснаго правосудія. Не богъ, а его повѣренные рѣшаютъ вопросъ о святости и грѣхѣ и продаютъ билеты въ царство небесное. Рай отданъ жрецамъ на откупъ, предшественники мессіи упростили подвигъ, составили ему таксу и таблицу, въ строгія формы божескаго права закрѣпили сдѣлки между человѣкомъ, богомъ и чертями.

По существу мессія больше не нуженъ, спастись можно и безъ него, а со страшнымъ судомъ могутъ произойти недоразумѣнія. Уже здѣсь отпущены грѣхи и наложены проклятія. Къ чему еще второй судъ? Что же, развѣ тамъ окажутся недѣйствительными индульгенціи? Будетъ уничтожено значеніе жертвъ, принесенныхъ за право входа въ рай? Или, быть можетъ, всѣ, кто здѣсь торговали, командовали и судили во имя рая, будутъ признаны тамъ не имѣющими на то правъ, и всѣ сдѣлки съ небомъ станутъ ничтожными? Зачѣмъ же здѣсь покупать билетъ на порцію магометова или иного рая, когда тамъ на страшномъ судѣ съ этими билетами въ рай не пустятъ. Нѣтъ, быть этого не можетъ, страшный судъ только под-

твердитъ все, что сдѣлано здѣсь замѣстителями божества, всякій вексель, выданный папой или Шейхъ-Уль-Исламомъ, будетъ полностью оплаченъ тамъ райской небесной монетой. И если подъ небесный вексель здѣсь платитъ богачъ деньгами, то бѣднякъ своей мукой и страданіемъ. Это векселя, написанные кровью, у богача—чужой, у бѣдняка своей собственной. И только на случай ошибки, исправленія будетъ страшный судъ. И даже скорѣе не судъ, а торжественное воздаяніе по существующимъ уже и законнымъ актамъ. И послѣ этого праведники восторжествуютъ...

Такова идеологія, создавшая величайшія въ мірѣ религіозныя организаціи и католичество средневѣковья—самое яркое ихъ воплощеніе; это соціологія забитаго, загнаннаго человѣка, отчаявшагося въ самомъ себѣ, ползающаго въ страхѣ передъ грозною тайной и міра и общественнаго развитія. Это вѣра одиночества и безсилія, невѣжества и косности. Это теорія беззащитныхъ рукъ, судорожно роющихъ землю, открытой груди, на которую падаютъ всѣ бури и грозы окружающаго. Это—религія общества, въ которомъ лишь немногія вершины укрыты отъ каждочасной гибели и взамѣнъ выставлены противъ природы широкія авангарды, каждую минуту отдающіе тысячи жизней за спокойствіе, безопасность и культуру центра. И тамъ, гдѣ на дѣлѣ происходитъ вѣчное самопожертвованіе одними для другихъ, многими для немногихъ, гдѣ будущее всѣми силами давитъ настоящее, а люди ничѣмъ не живутъ для себя, а лишь для тѣхъ, кто придетъ черезъ десятки столѣтій—создается фикція потеряннаго рая, обѣтованіе новаго и лучшаго, наконецъ при помощи фантастическихъ символовъ и средствъ въ счастіе и радость обращаются и раны, и слезы, и самая смерть. Чѣмъ мрачнѣе дѣйствительность, тѣмъ прекраснѣе мечта, чѣмъ бѣднѣе жизнь, тѣмъ богаче сказочное царство, чѣмъ безпомощнѣе человѣкъ, тѣмъ сильнѣе онъ, царь, побѣдитель, богъ, искупитель. Чѣмъ слабѣе соціальная связь

соціальнаго интереса, тѣмъ чудовищнѣе сила фантазмы, ведущей человѣчество на каторгу рабскаго труда, изнурительной смертельной работы. Изъ божеской власти куетъ для себя цѣпи человѣкъ, чтобы мочь вести голыми руками колесницу Джагернаута, пахать землю киркой, подымать камни на Хеопсову пирамиду. Теперь божество съ успѣхомъ замѣнено здѣсь паровой машиной!

И тѣмъ не менѣе божество осталось, это ничего не значитъ, что боги стали другими. Но всякій разъ, когда нужно было отъ темнаго и наивнаго Адама жертвы, и разрозненное людское стадо надо было слить въ одну послушную движущуюся массу, опять на сцену выдвигался благоговѣйный страхъ, принижалъ человѣка до жалкой, безпомощной былинки и бичемъ смерти гналъ его на высочайшій подвигъ. Когда божество стало земнымъ, аттрибуты его остались тѣ же: месть, гнѣвъ, непреодолимая, превосходящая человѣческое пониманіе сила. Правда, никакимъ волшебствомъ нельзя заставить дрожать, повиноваться и жертвовать собой сознательнаго и сильнаго человѣка. Самые адскіе фокусы, самыя чудесныя представленія оставятъ его совершенно холоднымъ. Даже зрѣлище кровожаднаго культа, гекатомбы людей, добровольно идущихъ на алтарь страшной тайны, не заразятъ его безуміемъ религіознаго экстаза, не заставятъ его рвать свое тѣло, рѣзать свою грудь въ порывѣ изступленія. Но психика нынѣшняго разумнаго и сильнаго человѣка, богатаго тысячелѣтней культурой, иная, чѣмъ душевный складъ прикованнаго къ землѣ крестьянина, задавленнаго вѣчнымъ однообразіемъ жизни, истощеннаго непосильнымъ трудомъ. Онъ бѣденъ духомъ и неустойчивъ въ своемъ сознаніи; въ угрожающей степени подверженъ онъ духовнымъ эпидеміямъ, припадкамъ мистическаго бѣшенства и героизма.

Неудивительно теперь, что формы мистической идеологіи были вездѣ тамъ, гдѣ надъ отсталымъ и духовно

бѣднымъ Адамомъ строилась машина сильной центральной власти, церковной и государственной деспотіи. Понятіе божества присуще всякой отрицающей личность организаціи. Только мистика можетъ дать цѣликомъ отвлеченное отъ человѣка понятіе власти, только религіозная фантазма даетъ неумолимое требованіе свыше безъ возможности малѣйшаго сопротивленія. Ни разумъ, ни мольбы, ни горе, ни любовь не могутъ измѣнить теченія божественныхъ предначертаній, на недосягаемой высотѣ свершаются судьбы отдѣльной жизни! Власть безъ уступокъ и снисхожденія, чуждая колебаніямъ и сомнѣнію, она одна имѣетъ оправданіе въ себѣ самой и ни въ чьемъ оправданіи не нуждается. И когда эта власть приходитъ на землю, гдѣ же лучше можетъ она найти свое выраженіе, какъ не въ царской власти, этомъ свѣтломъ отблескѣ божественной силы!

Такъ и начали различные цари, короли, императоры. Византійскій Кесарь былъ архіереемъ, но рядомъ съ духовнымъ завелъ еще большее свѣтское богослуженіе. И божествомъ въ государственномъ храмѣ былъ не богъ, а самъ императоръ, обожествленная власть меча, государство, выросшее въ чудовище. И когда западные короли подѣлили вселенское небо и каждый изъ нихъ сталъ всѣмъ для своей страны, оно и здѣсь произошло то же. Сначала помазаніе, божья милость, особая благодать, ладонъ и гимны. Затѣмъ вѣнчаніе мистикой холоднаго звѣря политики, переводъ небесъ въ государственную канцелярію. Такъ родился Левіаѳанъ, великій драконъ новой культуры, въ тѣлѣ котораго, словно кольца, переливались отдѣльныя жизни, а царственная глава вздымалась высоко надъ жалкимъ и трепетнымъ, наивнымъ и самоотверженнымъ Адамомъ. Громадная идея, окруженная мистическимъ ореоломъ, апокалипсическій звѣрь державной, всемогущей власти. И тутъ тоже свой культъ—вѣнцы и пурпуръ, церемоніи и герольды, центральный храмъ, гдѣ раздается избран-

нымъ посвященіе, откуда струится и милость, и счастье, и честь, и добродѣтель. И земные серафимы поютъ при дворѣ хвалу, земные архистратиги ведутъ арміи, а херувимская полиція пресѣкаетъ всяческое зло. Но высшее доказательство государственной мистики не въ томъ: только ея Левіаѳанъ можетъ разорить цѣлыя области, задавить податями всю страну, изничтожить, изувѣчить каждаго Адама, при чемъ воистину послѣдній не знаетъ, когда, зачѣмъ и почему налетаетъ на него великая напасть, почему онъ платитъ сегодня вдвое больше, чѣмъ вчера, и долженъ непремѣнно умереть на висѣлицѣ или на войнѣ.

Въ церкви есть еще надежда на другое пришествіе, здѣсь ничего подобнаго; свѣтскій мессія наличный царь, самъ отлично знаетъ, что кому нужно, и распоряжается безъ всякой апелляціи. Земной богъ рѣшительнѣе и безотвѣтственнѣе небеснаго. И послѣ того, какъ сама церковь зачислена на государственную службу, ужъ не священникъ распоряжается царствомъ небеснымъ, а само государство. Только съ его приказа и разрѣшенія выдаются билеты на загробное блаженство, запираются и отворяются райскія двери. Съ двухъ сторонъ теперь обуздали Адама. Свѣтская власть настигаетъ его въ каждомъ углу, на каждомъ шагѣ; духовная отрѣзаетъ ему путь къ бѣгству въ область воспаленной мечты, вольной фантастики. Всѣ адамовы силы занумерованы и захвачены цѣпями, поршнями, колесами; всѣ мысли высчитаны, измѣрены, порѣзаны и завязаны; всѣ чувства и стремленія прикрыты футлярами съ клеймомъ государственной канцеляріи. Но рабство это не для лица, не для тиранна; этого хочетъ новый богъ земной, единое, безгрѣшное, единое могучее, пресвѣтлое государство.

И у этого божества есть свой собственный рай. Развѣ не источаетъ новый богъ великія награды, развѣ не водворилъ онъ миръ и тишину во градахъ и вѣсяхъ, развѣ не открылъ онъ путь кроткой добродѣтели, развѣ не возсла

вилъ смиреніе? Пахарь не боится нападенія разбойника или грабителя; обезпечены скромныя права его, и самое рабство совершается по закону. Развѣ не блаженствуетъ благожелательный торговецъ, пріумножающій свои богатства, развѣ не пользуется дворянинъ лицезрѣніемъ самого величества, этого всѣхъ согрѣвающаго солнца. Немногое, но каждому;—обезпечены порядокъ и мирное житіе. И если приходится приносить тяжкія жертвы, то развѣ не на благо общее идутъ онѣ, вѣдь и смерть сладка во имя божества суроваго, но милосерднаго. Воистину рай земной водворился на землѣ, свершилось сказаніе; полиція исполнила дѣло мессіи, водворила тысячелѣтнее царство. И подъ кровомъ ея расцвѣли банки и финансы, протянулись дороги, вышли изъ нѣдръ драгоцѣнные металлы, заработали мануфактуры, открылись новые материки съ золотомъ и слоновой костью, съ пряностями и драгоцѣнными камнями. Неслыханное богатство оплодотворило землю, трудъ принесъ тысячекратную мзду, человѣческій геній волшебнымъ жезломъ воскресилъ жизнь въ пустынѣ, создалъ дивные города, далъ изобиліе и красоту и счастье. Радуйся и веселись, скованный и связанный Адамъ! Рай приближается. Имъ пользуются уже и господа, и попы, и господа торговцы!..

Философія преданности и жертвы по отношенію къ невѣдомому существу, но страшному и благому, празднуетъ въ абсолютномъ государствѣ свой лучшій праздникъ. Толкаемый условіями природы, слѣпой по отношенію къ общественнымъ силамъ, инстинктомъ ловитъ Адамъ тенденцію эпохи, интересы класса и ближайшей среды. По пальцамъ считаетъ онъ свои мелкія выгоды и чуетъ, что связаны онѣ съ чѣмъ-то важнымъ, большимъ, спрятаннымъ въ загадочной дали. Его разумъ освѣщаетъ лишь какъ фонарь небольшое пространство вокругъ, а за нимъ темнота и тайна. И, когда оттуда приходитъ къ нему образъ сверхчеловѣческаго существа, онъ есть правда для

души, стоящей предъ тайной. И, когда эта властная даль не только мучитъ, но даетъ милость и пощаду,—благодарность за спасеніе, связываетъ Адама съ далекимъ, невѣдомымъ богомъ. Ибо чуда онъ ждетъ и въ чудо вѣритъ, и только поздно приходитъ разочарованіе, раскрывается секретъ раскрашеннаго символа, мелодіи трубъ и барабановъ...

Приходятъ новые пророки, Адамъ берется за оружіе, зарево сожженныхъ деревень знаменуетъ новое усмиреніе... Сектанскій мессія побѣжденъ... Пришествіе не состоялось...

И замѣчательная вещь, въ нашъ вѣкъ культуры и прогресса мы не можемъ еще обойтись безъ государственныхъ, свѣтскихъ боговъ. Адамъ еще не умеръ, для него и нынѣ служатся особыя обѣдни, вѣютъ хоругви, совершаются чудеса. Когда нужно сдѣлать изъ него послушное орудіе чуждой ему воли, его и нынѣ одѣваютъ въ одежду съ пестрыми таинственными знаками, съ перьями, султанами, красными, желтыми и зелеными шнурами, запираютъ его въ казармы, а жизнь превращаютъ въ церемоніи, обряды и упражненія. Странныя тѣлодвиженія, особые символы, требующіе быстрыхъ, автоматическихъ движеній, загадочныя слова, дѣйствующія на человѣка, какъ электрическая искра или какъ гальваническій токъ—все это не простая условность, руководящая дѣятельностью свободнаго и сознательнаго человѣка. Наоборотъ, всѣ эти упражненія, движенія и обстановка разсчитаны на одно: они даютъ знать отдѣльному Адаму, что онъ принадлежитъ чужой, отъ него независимой силѣ; ея намѣренія для него тайна, ея бытіе сокрыто, но ея воля для него законъ. Бога нѣтъ на-лицо, но среди войска его святыня. Расшитый изображеніями стягъ, на которомъ то паритъ орелъ съ двумя странными головами. то прыгаетъ левъ, вооруженный мечомъ, то свѣтится солнцемъ хризантема. И если бога здѣсь нѣтъ, то спрашивается, почему тяжкія наказанія караютъ святотатца, поднявшаго руку на знамя; почему полкъ, потеряв-

шій свою святыню, перестаетъ существовать? Почему надо подвергнуться мукамъ и смерти, но только отстоять, спасти лоскутокъ съ вышитыми на немъ загадочными словами?

Усталыми, сѣрыми рядами тянутся безконечныя ленты одинаково одѣтыхъ, другъ на друга похожихъ людей; громадной змѣей извиваются арміи, выпускаютъ изъ себя словно щупальцы передовые отряды, сгущаются въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ, огнемъ и разореніемъ обозначаютъ свой медленный, тяжелый ходъ. Гонитъ ихъ страхъ наказанія и привычка, держитъ ихъ вмѣстѣ символъ и дисциплина. Ничтожные Адамы безъ мысли и воли, отдавшіе себя роковой власти, ведущей ихъ невѣдомыми путями. Но вотъ раздался боевой сигналъ, поднимается и растетъ странное возбужденіе, безумный страхъ требуетъ жертвы. Смерть идетъ навстрѣчу, неотвратимая, какъ стихія. И просыпается дикарь, восторгомъ встрѣчаетъ онъ бурю, въ бѣшенствѣ пьетъ красную кровь, въ веселой схваткѣ рабъ становится героемъ; и подымаются по ступенямъ великаго алтаря на вершину святой пирамиды тѣни жертвъ, принесенныхъ кровавому богу.

Нѣтъ бога безъ аскезы, самоумерщвленія и мистическаго пьянаго страха. Всѣ говорятъ: оргіазмъ, оргіазмъ, надѣваютъ на себя длинныя одежды и кадятъ передъ пустымъ мѣстомъ; мистики не подозрѣваютъ того, что богъ ихъ есть пустота, наполненная ужасомъ и надеждой, и что эта сила управляетъ человѣчествомъ, является формою его организаціи. Чтобы бросить слѣпыхъ на вражескіе штыки, чтобы подъять ихъ въ массовомъ безуміи на злодѣйство, чтобы добиться колоссальнаго эффекта отъ удара объединенныхъ человѣческихъ массъ, имъ нужна мистика, пока они дрожатъ передъ природой, и только аскезой спасаютъ себя отъ ея безсмысленныхъ, случайныхъ ударовъ. Тотъ, кто молитвой отвращаетъ ударъ грома, кто заклинаніями гонитъ саранчу, священной чашей останавливаетъ лаву, тотъ и въ обществѣ станетъ

молиться, ползать во прахѣ и рыдать передъ соціальной, имъ же созданной силой. И какъ тамъ въ пьянствѣ и самоумерщвленіи находитъ Адамъ спасеніе, такъ и здѣсь освобождается онъ черезъ муку и хмель массоваго убійства. И если тамъ ведетъ его мессія въ новыя земли, полныя вина и злата, такъ и здѣсь упивается онъ славой, покоемъ и добычей. Не все ли равно, гдѣ совершается одинъ и тотъ же процессъ самоуничтоженія, искупленія и воскресенія Адама? Важно, чтобъ надъ нимъ была тайна, чтобы въ немъ горѣлъ смертельный страхъ, а спасало чудо. И великій знатокъ мистики Ѳ. М. Достоевскій чудесно изобразилъ въ своемъ инквизиторѣ государственный строй, основанный на мистической фантазіи. Къ несчастью, и въ настоящее время слишкомъ много элементовъ мистики въ современной организаціи. Раскрытіе этого секрета есть насущнѣйшая задача государствовѣда.

Конечно, пока существуютъ громадныя залежи натуральнаго хозяйства въ общественномъ организмѣ, и орудія борьбы съ природой далеко не совершенны, всегда будетъ классъ, стоящій на авангардѣ культуры, осѣненный сумерками погибающихъ боговъ. Его полудикая психика всегда будетъ смѣшна и непонятна для культурнаго человѣка, но Адамъ-пахарь, Адамъ-пастухъ или лѣсной человѣкъ всегда будетъ гибкимъ орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто пожелаетъ играть роль мужицкаго Провидѣнія. Устранить эти типы рабской организаціи въ современномъ обществѣ не подъ силу отдѣльному человѣку или даже одному классу. Но задачей мыслителя является здѣсь разоблаченіе дикихъ фантазмъ въ ихъ внутренней пустотѣ, а вмѣстѣ и соціальной необходимости. Когда кончится борьба голыми руками съ природой и общественной стихіей, прекратится и необходимость дѣлать мостъ изъ живыхъ человѣческихъ тѣлъ, чтобы прогнать по нимъ тяжелые возы всяческой цивилизаціи и культуры.

Адамъ не только рабъ, онъ герой и подвижникъ!

II.

Евгеній.

Перейдемъ теперь къ другому типу соціальной оргазаціонной фантазмы. Она менѣе всего основана на мечтѣ о потерянномъ раѣ или на признаніи страшнаго всемогущаго Бога. И уже не Адамъ выступаетъ здѣсь въ своемъ безпомощномъ обличіи, а красивый и сильный «Евгеній»—что̀ значитъ благородный.

Міръ прекрасенъ, чудной гармоніей пронизано его движеніе; дивный космосъ примиряетъ противоположности, придаетъ всему цѣль и предназначеніе; въ каждой вещи живетъ особая идея, ея начало и конецъ, цѣль и причина, общая въ частномъ. Въ каждомъ кристаллѣ въ опредѣленномъ порядкѣ слагаются грани, пока не заблещутъ то розовымъ, то зеленымъ, то голубымъ огнемъ. Каждое растеніе выходитъ изъ сѣмени и уже въ сѣмени сокрыта его идея и весь рисунокъ съ листьями и стволомъ и пышными пахучими цвѣтами. Прекрасная форма здѣсь раньше его роста. По художественному плану растетъ и ширится жизнь и въ каждой вещи ея собственный создатель. Въ животномъ гармонія содержанія и формы достигаютъ высокой полноты. Все въ немъ отвѣчаетъ напередъ опредѣленной идеѣ, пестрая рыбка серебритъ струи, могучій орелъ разсѣкаетъ воздухъ, быстрый конь летитъ какъ вѣтеръ по широкой полянѣ. У одного крѣпкій клювъ и крылья; у другого быстрыя ноги, у звѣрей сильные когти и зубы, у оленя вѣтвистые рога...... Въ каждомъ существѣ свой планъ, свое творчество, идея, каждый созданъ по великимъ образцамъ богатой, изобильной природы!

Въ великой семьѣ человѣчества та же гармонія и порядокъ. Каждый человѣкъ, племя и раса обладаютъ сво-

имъ предназначеніемъ; и не раздоръ господствуетъ въ человѣческомъ мірѣ, а великій космосъ и гармонія. Словно громадную семью создалъ творецъ, когда открылъ землю своимъ излюбленнымъ чадамъ. Вотъ одни съ темной кожей и довѣрчивыми дѣтскими очами, съ гибкими членами, но неспособные къ организованной мысли и труду. Словно малыя дѣти легкомысленны они и беззаботны и не знаютъ что̀ такое завтрашній день. И подобно ребенку тянутся они за блестящей гремушкой, то плачутъ, то смѣются, какъ дѣти не видятъ жгучаго пламени огня, не замѣчая опасности, играютъ на краѣ гибели. И такъ же жестоки они, эти незрѣлые сыны природы, какъ ребята, выкалывающія ради забавы глаза щенку или мучающіе кошку. Какой безсмысленной кровожадностью и наивнымъ мучительствомъ полны завоеванія и набѣги дикихъ. А вмѣстѣ къ какой любви и преданности способны дикари, объ этомъ знаетъ всякій. Такъ создала природа цѣлыя расы черныхъ, коричневыхъ, желтыхъ существъ,— съ ожиданіемъ и любовью обращаютъ они глаза къ своимъ отцамъ, посылаемымъ къ нимъ провидѣніемъ!

Но и среди бѣлыхъ есть дѣтскія расы и расы отцовъ. Взгляните на массы простого народа: мускулистыя руки, медленный тяжелый взглядъ, низкій лобъ, а душа подростка. Этотъ человѣкъ простъ и довѣрчивъ, онъ уже соображаетъ много, но онъ не можетъ самъ объединить, оформить своихъ мыслей. Онъ способенъ къ труду, но не выдерживаетъ до конца, какъ юноша берется онъ съ увлеченіемъ за дѣло, но скоро оно ему надоѣдаетъ и его влечетъ уже другое. Онъ легко переноситъ страданія, даръ забвенія ему свойственъ, и нужна внѣшняя помощь, чтобы учить его и наставлять, сдѣлать изъ него полезнаго работника, труженика на пользу общую.

Увы, у этой породы людей еще слишкомъ много недостатковъ. Они лѣнивы по самой своей природѣ. Если бъ не побужденія извнѣ, они бы проводили все время въ празд

ности и низкихъ животныхъ наслажденіяхъ. Они наклонны къ буйству, пьянству и грубому разврату; только голодъ заставляетъ ихъ выйти изъ состоянія бездѣлья и шевельнуть пальцемъ для того, чтобы удовлетворить минутную потребность. О завтрашнемъ днѣ они не думаютъ совсѣмъ; неумѣренные обжоры въ моментъ изобилія, они долго переносятъ голодъ, чтобы только не работать. Заботливость о дѣтяхъ и семьѣ у нихъ также невысокаго свойства, они довольствуются самой грубой заботой и рады, если съ ихъ плечъ спадаетъ лишній «ротъ». Какъ дѣти немножко подростутъ, они или, отдѣлываются отъ нихъ совсѣмъ, или сваливаютъ на нихъ весь свой трудъ. Имъ чуждо также сознаніе долга, нравственной обязанности, любви къ культурѣ и политическому быту. Мораль замѣняютъ у нихъ обычаи, и по привычкѣ они дѣлаютъ то, что дѣлали сто лѣтъ тому назадъ ихъ дѣды. Ихъ жизнью въ лучшемъ случаѣ управляютъ мертвецы. Безъ благодѣтельной власти эти люди возвратились бы назадъ въ животное состояніе или остались бы стоять на уровнѣ первобытнаго порядка. И только сила, понятная и чувствительная для нихъ, можетъ заставить двигаться и работать это мощное, но тупое, неспособное ни къ какому улучшенію стадо.

И власть должна быть такой, чтобъ они ее почувствовали какъ слѣдуетъ; безъ меча и плети здѣсь обойтись нельзя. Циклопы не обладаютъ желаніемъ исполнить свое назначеніе. Они уклоняются отъ самой своей природы, они разбѣгаются по лѣсамъ и полямъ, если не удержитъ ихъ вооруженная рука. Уже въ древности было признано, что охота за рабами есть средство вернуть рабовъ къ осуществленію ихъ собственной природы. И пусть не жалѣетъ господинъ, когда при немъ учатъ провинившагося раба. Во-первыхъ, циклопъ не такъ чувствуетъ, какъ человѣкъ утонченный, и чтобы его пронять, нуженъ толстый бичъ и сильная рука; у этой породы шкура подобна бычачьей. И точно также не надо щадить этихъ людей съ

работой: чѣмъ больше у нихъ работы, тѣмъ лучше они стараются; въ противномъ случаѣ, они легко разлѣниваются, отвыкаютъ отъ труда и лишь при помощи жестокихъ наказаній можно опять вернуть ихъ къ выполненію ихъ призванія. Разбаловавшееся животное можетъ надѣлать много вреда; привыкши хоть нѣсколько къ волѣ, оно пробуетъ сбросить совсѣмъ свое прирожденное ярмо и предаться дикимъ страстямъ. Лучше воспитывать медленно и постепенно, чѣмъ потомъ сразу примѣнять чрезвычайныя мѣры.

Фальшивые гуманисты съ великимъ негодованіемъ говорятъ о суровыхъ мѣрахъ, которыми воспитывается и народъ и еще въ большей степени дикари. Слѣпые безумцы! Что сдѣлаютъ они, если увидятъ, какъ ребенокъ играетъ на окнѣ шестого этажа? Неужели позволятъ ему упасть и разбиться въ кровавую массу, и не лучше ли добрая розга, чѣмъ смерть на мостовой? И если простой народъ, не понимая собственной пользы, убиваетъ своихъ врачей, предаетъ огню библіотеки, расхищаетъ своихъ хозяевъ и господъ и тѣмъ самъ лишаетъ себя и заработка и хлѣба, то неужели же можно предоставить несчастныхъ ихъ собственной участи и не остановить ихъ хотя бы строгостью отъ невольнаго самоубійства? И неужели не подыметъ бича нашъ великій гуманистъ, когда его лучшіе кони станутъ кидаться въ паническомъ ужасѣ подъ горящія балки конюшни? Наказываютъ не изъ злобы и ненависти, а изъ любви, ничтожнымъ страданіемъ предотвращаютъ великое несчастіе, спасаютъ и упорядочиваютъ жизнь. Видалъ ли кто, чтобъ ребенка воспитали безъ взысканій, чтобы пріучили человѣка къ труду, сдѣлавъ изъ послѣдняго забаву и развлеченіе? Не виноваты люди въ томъ, что одни изъ нихъ вѣчныя дѣти, и любовь запрещаетъ бросить ихъ какъ сиротъ безъ призора.

Положительная наука въ настоящее время вполнѣ

подтверждаетъ старинную мысль о дѣленіи человѣчества на властвующія и подвластныя расы. Короткоголовые и длинноголовые, брахицефалы и долихоцефалы—вотъ основныя группы современнаго человѣчества. И если древніе политики скорѣе чувствовали, чѣмъ научно опредѣляли признаки людей-рабовъ, то современная антропологія даетъ всѣ способы для точнаго разграниченія человѣчества. Конечно, темная масса брахицефаловъ, эта косная, буйная и низменная чернь человѣчества, чрезвычайно не любитъ подобной теоріи и опровергаетъ ее. Однако же вездѣ, гдѣ съ этимъ скрытымъ варваромъ встрѣчается высоко-рожденный долихоцефалъ, вездѣ первый оказывается побѣжденнымъ вторымъ, на благо человѣчества и культуры. И когда говорятъ, что въ каждомъ государствѣ есть не одна нація, а по крайней мѣрѣ двѣ, то это безусловно вѣрно: нація господъ и нація рабовъ, при чемъ безразлично, въ какой формѣ проявляется рабство: держится ли оно кнутомъ, или голодной казнью. Но горе тому обществу, гдѣ брахицефалы возьмутъ верхъ и ниспровергнутъ власть своихъ прирожденныхъ повелителей. Грабежъ и анархія послѣдуютъ за торжествомъ черни, и тамъ, гдѣ нынѣ блещутъ мраморы и процвѣтаетъ разумъ, застонетъ оргія на дымящемся прахѣ.

И пусть не обольщаютъ себя мыслію о крѣпости и силѣ человѣческихъ завоеваній: стоитъ лишь мудрымъ стражамъ культуры ослабить крѣпкія возжи, и немедленно произойдетъ разстройство и расточеніе. Только страшнымъ напряженіемъ удерживаетъ избранная раса общій ходъ творческой работы. Каждую минуту грозитъ стихія взять назадъ все завоеванное у нея; и пусть только на одинъ годъ будутъ выпущены на волю прикованные въ подземельяхъ рабы, ихъ дикія орды будутъ вѣстниками возвращенія къ варварству и нищетѣ. Города зарастутъ бурьяномъ и превратятся въ кладбища. На поля пойдетъ дружнымъ походомъ зеленая чаща, до-

роги затянутся пескомъ и кустами, провалятся великолѣпные и гордые мосты. Каждый день созидается вновь та пышная роскошь человѣчества, которая окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ. Какъ только пріостановится напряженный неустанный трудъ, рухнетъ, какъ призракъ, все созданное вѣками.

Слава Богу, еще сильны и крѣпки царственные сыны человѣчества. Высокіе и стройные красавцы съ бѣлой кожей и сверкающими голубыми глазами, съ прямымъ, высокимъ лбомъ и гордымъ очертаніемъ сводчатыхъ устъ, они сразу выдѣляются среди толпы какъ повелители и господа. Немудрено, что въ Индіи членъ низшей касты долженъ былъ считать отцомъ ребенка державнаго брамана: ребенокъ будущій отецъ, парія же до самой смерти остается дитятей. Только высшей расѣ присуще пониманіе вѣчной гармоніи, заложенной въ мірѣ, и цѣлей человѣчества. Въ ней одной творческій геній міра, ритмъ и музыка общественнаго движенія и работы. Но что важнѣе: у однихъ благородныхъ сердце способное возлюбить низшихъ и благодѣтельствовать имъ, способность руководить слабыми, объединять разрозненныхъ. Любовь, великая любовь объединяетъ ихъ, вѣчныхъ отцовъ, съ ихъ прирожденными дѣтьми, и благодаря ей водворяется общественная справедливость!

Каждому свое, гласитъ истинно-аристократическій принципъ; и если въ гармоніи природы лежитъ необходимость различнаго призванія и дѣятельности, то отъ этого въ сущности никакая работа не теряетъ почтеннаго характера сама по себѣ. Правда, въ сравненіи съ высокой дѣятельностью благороднаго арійца, призваннаго мыслить и управлять, низменнымъ представляется призваніе короткоголоваго пахаря, ремесленника и купца. Однако не надо забывать, что всякій человѣкъ на своемъ мѣстѣ можетъ быть почтеннымъ, разъ онъ съ усердіемъ и вѣрностью исполняетъ прирожденную ему задачу. Конечно,

голова есть высшая часть организма, но не менѣе почтенны руки, которыя кормятъ голову или желудокъ, переваривающій для нея пищу. И голова въ свою очередь заботится о тепломъ покровѣ для желудка, грѣетъ его, а также наблюдаетъ за чистотой и здоровьемъ рукъ. Старую истину представляетъ положеніе, что государство или общество есть великій организмъ, и это совершенно вѣрно; и въ общественномъ организмѣ благородные играютъ дѣйствительно роль головы. Въ нихъ и черезъ нихъ все тѣло сознаетъ себя, а каждый органъ получаетъ заслуженную награду...

Пусть работа скотовода, пахаря и сапожника груба и недостойна возвышеннаго разума, но отецъ, высшій и благородный, прирожденный судья и воспитатель, онъ ободритъ труженика и укажетъ ему на вѣчную картину гармоніи и красоты. Взгляни, скажетъ онъ на небо: вотъ оно подымается съ востока и падаетъ на западъ, развѣ бываетъ вечеръ передъ днемъ, а утро передъ ночью, развѣ свѣтитъ такъ же звѣзда, какъ ясный мѣсяцъ, а послѣдній, какъ яркое солнце? Развѣ одинаковы всѣ звѣри, населяющіе землю, развѣ можетъ сравниться мышь со львомъ, а заяцъ съ медвѣдемъ, развѣ могутъ возстать руки противъ головы и при томъ не разрушить всего тѣла? И неужели возможно, чтобъ ребенокъ управлялъ взрослымъ, а глупецъ мудрецомъ? Но знай, что если ты исправно сдѣлаешь свое дѣло, останешься вѣрнымъ своему служенію, ты станешь гармоничной частью великаго цѣлаго, яснымъ тономъ въ міровой симфоніи. Радуйся и веселись, ибо и ты пріобщенъ къ красотѣ вселенной и съ вѣчнымъ небомъ связанъ своею судьбой.

Со всѣхъ сторонъ окруженъ благородный чужими, и тѣмъ больше сердце его раскрывается къ своимъ. Какъ отрядъ рыцарей доблести и духа заключенъ онъ въ крѣпость среди чуждыхъ полей. Пламя бунта совсѣмъ не угасаетъ никогда, и вѣчно на стражѣ долженъ быть ви-

тязь мудрости и силы. И во истину тѣсная связь охватываетъ тѣхъ, кто стоятъ на вершинахъ—мужи, вѣрные знамени и долгу. Они одни и каждый другъ другу становится братомъ, и вмѣстѣ создаютъ они одну тѣсную семью. Всѣ старшіе здѣсь отцы, всѣ младшіе сыны и любящія дѣти.

Великъ авторитетъ старости у благородныхъ, и не только потому, что отъ отцовъ получаютъ дѣти жизнь и чистую кровь. Конечно, любитъ отецъ сына, какъ юный отпрыскъ родового дерева, какъ наслѣдника накопленныхъ предками силъ, продолжателя великаго рода. Но больше любитъ, какъ новаго бойца на благо человѣчества, какъ юнаго царевича, котораго ждетъ наслѣдственный престолъ. Строго и сурово воспитываютъ среди благородныхъ. Велика отвѣтственность рожденнаго господина, громадны предстоящія задачи. Но также любитъ и почитаетъ отца и его молодой сынъ, и не только отца, но и всѣхъ старшихъ, всѣхъ отцовъ своего круга. У нихъ мудрость и выдержка, характеръ и умѣнье повелѣвать, у нихъ высшая доблесть и благородство, и каждый много носитъ ранъ въ душѣ и на тѣлѣ, такъ какъ ихъ жизнь прошла на полѣ битвы. Не ученость, а воспитаніе, не умъ, а сердце и характеръ дѣлаютъ человѣка.

Честь, правдивость, любовь и безкорыстіе—добродѣтели благородныхъ. Взгляните на общество благородныхъ молодыхъ людей. Какъ дружественны они другъ къ другу, какъ искренни и открыты. И вмѣстѣ каждый знаетъ мѣру, и честь сторожитъ ихъ поступки. И даже въ весельѣ и забавахъ на товарищескихъ пирахъ никогда не станетъ аристократъ грубымъ и неприличнымъ, навязчивымъ и пошлымъ. Даже во снѣ хранитъ онъ привычки, которыхъ не покидаетъ никогда. И на отношеніи къ женщинѣ ярче всего отражается характеръ рыцаря. Слабая и прекрасная, вѣрная подруга своего Евгенія, женщина все же ниже своего супруга въ духовномъ и тѣлесномъ отно-

шеніи. Но рыцарь не былъ бы таковымъ, если бъ не защищалъ слабыхъ, не ограждалъ женщинъ. И вотъ онъ окружаетъ ее нѣжностью и любовью, лелѣетъ ея прихоти, строитъ ей алтари. Въ живой женщинѣ видитъ онъ вѣчную женственность, чтитъ въ ней тайну святого материнства, сіяніе незакатной красоты. И какъ дружба юныхъ аристократовъ даетъ образцы самоотверженія и вѣрности, такъ въ отношеніи къ женщинѣ способенъ благородный на высокую идеальную любовь, предъ коей меркнетъ всякая чувственность.

Тяжко положеніе тѣхъ, кто уходитъ съ родныхъ высотъ, спускается въ низменныя и грязныя долины. Въ грубой толпѣ не найдетъ онъ себѣ мѣста. Пошлая и мелкая жизнь оскорбляютъ его чувства. Нахальство и наглость хамовъ бьютъ его словно по щекамъ. И никогда низшіе не сочтутъ его своимъ. Вѣчнымъ отщепенцемъ будетъ влачить онъ свое существованіе. Но страшнѣе еще участь тѣхъ, кто предаетъ твердыню благородныхъ, вноситъ измѣну въ свои ряды, дѣлаетъ добычею черни великія тайны, накопленныя мудростью отцовъ. Одна смерть достойное наказаніе тѣхъ, кто выносятъ на площадь святыню предковъ, разоблачаютъ предъ рабами недостатки и слабости господъ. Этимъ потрясается міровой порядокъ, рождается мятежъ, питается анархія. Да будетъ проклятъ предатель, разбившій грудь, вскормившую его!

О сколько любви нужно, сколько самоотверженія, чтобы выполнить среди жизненныхъ бурь свое призваніе. Если бъ хоть немножко сочувствія со стороны тѣхъ, кто подлежитъ руководству благородныхъ. Но этого нѣтъ и нѣтъ, чѣмъ больше во имя идей старается человѣкъ высокаго происхожденія, тѣмъ больше злобы и ненависти встрѣчаетъ онъ со стороны людей, которые благодаря ему принимаютъ образъ человѣческій. Въ вѣчномъ трудѣ и заботахъ протекаетъ жизнь избранника; вотъ онъ научаетъ поселянъ труду и прилежанію, истребляетъ въ

нихъ лѣнь и тѣмъ спасаетъ отъ голодной смерти. Вотъ онъ строгой лозой направляетъ ихъ на путь воздержанія и скромности и пресѣкаетъ пьянство. Онъ оставляетъ имъ необходимое для воздержанной добродѣтельной жизни, а излишекъ беретъ не себѣ, но на высшія духовныя цѣли. Какъ хлопочетъ, какъ убивается господинъ о рабахъ своихъ, чтобы не посѣтили ихъ дурныя мысли, чтобы они не только работали, но и жили счастливо. Онъ учитъ и наставляетъ несмысленныхъ подданныхъ своихъ, объясняя имъ всю премудрость установленнаго порядка, твердость и незыблемость отъ міра существующихъ отношеній.

И самъ онъ, свободный и сильный, развѣ можетъ онъ возстать противъ разума, вложеннаго въ міръ, нарушить соотношенія злого и добраго, положеннаго отъ вѣка. И какъ бы ни была тяжка доля прирожденнаго учителя и наставника, судьи и господина, добрый владыка не уйдетъ со своего мѣста, не покинетъ призванія, но, самъ строго подчиненный закону, научитъ соблюдать его и низшія существа и ихъ сдѣлаетъ причастными добродѣтели. Сколь лучезаренъ свѣтъ, исходящій отъ мудрости его, сколь высокъ подвигъ, подъятый имъ на свои рамена! И что же, только развѣ въ кругу своихъ найдетъ онъ сочувствіе и поддержку, только нѣжная любовь обмоетъ раны борца, покрытаго пылью и потомъ отъ трудовъ по управленію темнымъ и дикимъ стадомъ. Съ какимъ упорствомъ и недоброжелательствомъ принимаетъ масса всякую мѣру, направленную къ ея собственному благу. Къ какимъ жестокимъ наказаніямъ приходится прибѣгать, чтобы привести къ порядку разбушевавшуюся стихію!

Но препятствія не останавливаютъ человѣка призванія и долга. На темномъ океанѣ невѣжества и порока онъ воздвигаетъ свой свѣтлый дворецъ. Анархія смиряется и раскрываетъ устои, на которыхъ зиждется алтарь порядка. Вѣдь

въ сущности никто лучше не понимаетъ народнаго духа, чѣмъ исторiей воспитанные люди. И какъ лошадь, которая долго сопротивляется при первой уздѣ, но затѣмъ счастлива въ своей конюшнѣ, точно такъ же скоро смиряется и народъ, такъ какъ чувствуетъ, гдѣ ему лучше. И государства, возникшiя подъ управленiемъ лучшихъ представителей избранной расы, являются чуднымъ примѣромъ долговѣчности, процвѣтанiя и строгаго порядка. Они чужды деспотизму какого-нибудь одного полубога, въ нихъ къ управленiю призваны всѣ мужи благородства, достоинства и заслуги. И какъ бы ни былъ богатъ ростовщикъ или торгашъ, онъ никогда не войдетъ въ сонмъ избранныхъ истинной аристократiи. Равенство и братство царятъ наверху государственнаго зданiя, и только опытъ, соединенный съ лѣтами, только исключительные таланты открываютъ здѣсь путь къ высшимъ должностямъ. Само собою разумѣется при этомъ, что одно землевладѣнiе даетъ здѣсь полное гражданство. Только земля учитъ искусству управленiя, знакомитъ съ народной сущностью, даетъ справедливый доходъ, незамаренный ни хищничествомъ, ни грязной корыстью.

Не страхъ и подчиненiе автомата, не распущенность и своевольство, а вѣрность и преданность связываютъ здѣсь сверху до низу политическое цѣлое: это iерархiя чести! Изъ глубокаго преклоненiя предъ авторитетомъ, изъ чувства искренняго уваженiя ко всѣмъ выше поставленнымъ, изъ любви къ начальству дѣйствуетъ здѣсь каждый гражданинъ, и съ пути долга его не собьетъ ни лесть, ни подкупъ, ни пристрастiе. Спокойно отецъ пожертвуетъ здѣсь измѣнникомъ сыномъ, мать принесетъ на алтарь своихъ дѣтей. Въ царствѣ чести не можетъ быть трусости и жалкаго себялюбiя. Величайшимъ наказанiемъ для благороднаго является исключенiе его изъ общества, лишенiе правъ владыки и господина.

Здѣсь однако нужно замѣтить, что на высшихъ са-

новникахъ аристократіи лежатъ обязанности, которыя воистину были бы непосильны людямъ менѣе мудрымъ и добродѣтельнымъ. Дѣло въ томъ, что для общаго блага иногда приходится принести въ жертву нѣчто большее, чѣмъ время, трудъ или сама жизнь; для того, чтобы правитель могъ быть дѣйствительно стражемъ общаго порядка и красоты жизни, онъ долженъ знать не только явное, но и тайное, не только открытое непослушаніе, но и скрытый порокъ. Среди прямыхъ и открытыхъ слугъ правды и чести легко можетъ закрасться злодѣй, который, подъ видомъ добродѣтели, внесетъ гибель въ ряды братьевъ. При господствующей среди братьевъ свободѣ и любви можетъ легко распространиться опасное ученіе, ниспровергающее самыя основы мірового порядка. Познаніе идей порядка, присущихъ вещамъ, можетъ привести къ заблужденіямъ, наконецъ, чрезмѣрная сила и вліяніе въ общемъ почтеннаго гражданина можетъ быть источникомъ великихъ потрясеній для государства и для общества. Не говоримъ уже о томъ, что измѣна и предательство всегда зрѣютъ въ тайнѣ, пользуются мракомъ для своихъ злокозненныхъ плановъ.

Конечно, самый строй государства обезпечиваетъ неприкосновенность его священныхъ основъ. Главнымъ источникомъ его богатства является земледѣліе; торговля и промышленность допускаются лишь въ ограниченномъ размѣрѣ; ростовщичество запрещено и преслѣдуется жестокими карами. Иностранцы подвергнуты строгому надзору и въ число гражданъ не принимаются. Пребываніе ихъ въ странѣ ограничено короткимъ срокомъ. Этимъ путемъ парализована опасность накопленія денежнаго капитала, этого величайшаго врага честности и правды. Большіе налоги и отсутствіе политическихъ правъ препятствуютъ барышникамъ и торгашамъ захватить въ свои руки государственную власть. И точно также регулировано и крупное землевладѣніе. Разумное наслѣдственное право обезпечиваетъ един-

ство владѣнія, и власти и не допускаетъ чрезмѣрнаго богатства. Система пріемныхъ дѣтей лишаетъ господъ возможности вымиранія. Съ этой стороны особенной опасности ожидать не приходится.

Нечего и говорить далѣе, что система разрѣшенія браковъ, а затѣмъ общественнаго воспитанія не только поддерживаетъ чистоту и благородство расы, но и съ ранняго дѣтства устраняетъ отъ ребенка всякій, самый отдаленный соблазнъ. Онъ выростаетъ, по выраженію Платона, вѣрнымъ сторожевымъ псомъ, страшнымъ для враговъ, ласковымъ для друзей. Такое воспитаніе, конечно, не ограничивается однимъ ученіемъ и не оканчивается съ возмужалостью. И взрослый гражданинъ цензурой огражденъ отъ соблазна и добровольно отказывается отъ всего, что можетъ внести смятеніе въ его неиспорченную душу. Насилія по отношенію къ братьямъ не нужно, они повинуются изъ уваженія и любви. И тѣмъ не менѣе изъ уваженія къ избраннымъ, изъ нежеланія смущать ихъ спокойствіе грязью и измѣной, приходится прибѣгать къ тайнымъ средствамъ, къ спасительной необходимой лжи. Если авторитетъ будетъ подорванъ беззаконіемъ и грабительствомъ, если любовь будетъ омрачена картиной зла и преступленія, а вмѣсто чести обнаружится свирѣпый эгоизмъ, что станется тогда съ нравственными устоями общества? Выдержитъ ли такое потрясеніе масса несознательныхъ умовъ слишкомъ наивныхъ идеалистовъ?

И вотъ на задачѣ правителей знать все, предвидѣть все и быстро, неслышно, но рѣшительно, предупреждать всякую малѣйшую опасность. И это тѣмъ болѣе нужно, что въ аристократическомъ обществѣ не только высшіе классы, но и низшіе, ремесленники, торговцы и рабочіе также соединены въ маленькія замкнутыя группы, основанныя на принципахъ братства и корпоративной чести. Правда, пока крѣпки раздѣляющія ихъ рамки, и каждый цехъ, каждая гильдія добиваются для себя привилегій и ожесточенно

соперничаютъ изъ-за мелкихъ, часто безсмысленныхъ благъ, они безопасны для общаго строя. Однако, та же замкнутость позволяетъ имъ отлично хранить тайны, а всякая тайна есть матерь заговора и возмущенія. Все общество, и высшій и низшій классы должны быть одинаково прозрачны для правителей; для нихъ должно быть открыто не только всякое дѣйствіе, но слышно всякое слово, видна каждая мысль подданнаго республики. И мало этого, у государства должны быть орудія, которыя подобно духамъ проникали бы всюду и неслышно, незримо могли бы устранить всякое зло...

Государство, построенное на моральной идеѣ, не мыслимо безъ благочестиваго обмана, великолѣпно развитаго шпіонства, тайныхъ трибуналовъ, свинцовыхъ тюремъ, моста вздоховъ и третьихъ отдѣленій. Иллюзія добродѣтели правящихъ лицъ, всеобщей любви и добровольнаго повиновенія необходимо влечетъ за собой царство сыска и доноса, скрытаго человѣконенавистничества и тайныхъ убійствъ. Неудивительно поэтому, что кастовое общество представляетъ собой своего рода повапленный гробъ, въ которомъ груды разлагающагося мяса. И въ томъ-то и заключается великая жертва правителей, что свои чистыя руки они, бѣдные, должны погружать въ эту мерзость, должны вѣчно обонять запахъ падали и пользоваться во спасеніе наивнаго счастья высшей расы безчестными и преступными средствами.

И они приносятъ себя на алтарь отечества, эти скорбные мудрецы, лгущіе во имя правды, совершающіе подлости во имя добродѣтели. Тяжекъ подвигъ правителя, стоящаго во главѣ гордыхъ рыцарей правды и чести. Они должны оплачивать шпіоновъ и скрывать это. Они должны воровать чужія тайны и требовать любви и уваженія; они должны убивать изъ-за угла, при помощи продажныхъ бандитовъ, враговъ общества и исповѣдывать рыцарскую доблесть, какъ основу царства вѣчной, неизмѣнной правды.

Мало того, сама добродѣтель можетъ оказаться опасной: герой можетъ увлечь массы своей славой, фанатикъ, онъ заставитъ вѣрить въ искренность своихъ убѣжденій; и для того, чтобъ спасти общество отъ тираннiи такого вождя и пророка необходимо прибѣгнуть къ интригѣ и клеветѣ, надо исподволь загрязнить слишкомъ свѣтлый и высокій духъ, надо обезславить слишкомъ одаренную голову: обезчестить великаго иногда есть мудрость!

Порокъ оплачивающій добродѣтель! Но такова участь всѣхъ особенно высокихъ идеологій, играющихъ роль въ организацiи человѣчества. Жрецъ обязанъ оплатить свою власть чудомъ. И въ началѣ это чудо есть: чудо страшнаго соціальнаго единства. Конечно не имъ оправдывается священство; это чудо помимо его воли. Но когда соціальное оправданіе теократіи умираетъ, чудо все-таки хочетъ жить. Жрецъ становится шарлатаномъ, вѣру смѣняетъ суевѣріе и обманъ—мистику. И чѣмъ больше обманъ и крѣпче его насиліе, тѣмъ меньше чуда соціальнаго и больше эксплоатаціи со стороны жречества. И то, что мы видѣли на мистическомъпринципѣ, мы видимъ и на аристократическомъ. Аристократія основана на царствѣ лучшихъ; чѣмъ больше лучшіе становятся худшими, тѣмъ больше нужны шпіонство, обманъ и насиліе для торжества ложной добродѣтели. И мы видимъ это вездѣ, гдѣ только выступалъ на сцену аристократическій принципъ.

Не нужно думать, что аристократія равносильна съ аристократической республикой, которая является наиболѣе типичнымъ ея выраженіемъ. Теократію, религіозную форму организаціи мы вѣдь находимъ далеко не на одномъ дальнемъ Востокѣ. И по сей часъ мистическая форма организаціи существуетъ вездѣ, гдѣ есть потребность въ созданіи изъ человѣческой массы одного громаднаго тѣла съ одной головой и сердцемъ. На примѣрѣ современнаго полка мы видѣли эту форму. Мы могли бы продолжить этотъ рядъ и могли бы подмѣтить соціальную

мистику во всѣхъ громадныхъ массовыхъ движеніяхъ, особенно во время революцій и войнъ. И принципъ аристократическій встрѣчается вездѣ, гдѣ только есть разница между худшимъ и лучшимъ и лучшему принадлежитъ власть. Аристократія вторгается въ церковь, когда выборы наиболѣе добродѣтельнаго смѣняютъ явленія міру пророка «Божіей милостью». Въ теократіи властвующій говоритъ: я посланъ отъ Бога и вотъ я сотворю вамъ великое чудо. Въ аристократіи власть принадлежитъ тому, кому повѣрятъ, что онъ благороднѣйшій и мудрѣйшій. И тамъ и здѣсь въ основѣ идея внѣшняго объективнаго характера; тамъ воля Божья, здѣсь высокія свойства тѣла и души. Аристократическій принципъ отрицаетъ мистику и обыкновенно убиваетъ ее. Какъ только качество властвующихъ выступаетъ на первый планъ, воля Божья блѣднѣетъ и исчезаетъ. Человѣкъ вытѣсняетъ Бога; въ такихъ случаяхъ обыкновенно божество отходитъ вдаль прошлаго, становится только родоначальникомъ.

И полу-боги могутъ быть самаго разнаго типа. Герои храбрости и мужественной силы; побѣда сплетаетъ имъ вѣнки. Народы дрожатъ предъ ихъ сверкающимъ мечомъ. Это викингъ, рыцарь, эвпатридъ, богатырь и витязь. Самое понятное и яркое выраженіе человѣческой мощи; соединеніе съ силой красоты и личной доблести. Въ настоящее время такую аристократію видимъ въ германскихъ государствахъ и въ Британіи. Традиціи ея живы и среди части французскаго дворянства. На этой идеологіи держится организація офицерства въ современныхъ арміяхъ. Меньше всего аристократическихъ чертъ въ русскомъ дворянствѣ и офицерствѣ; здѣсь искусственно поддерживается честь мундира, которая замѣнила собой доблесть стараго витязя. Нечего и говорить, что классовое и сословное господство землевладѣнія въ военной аристократіи имѣетъ наилучшую опору. Изъ рыцаря легко дѣлается феодалъ и вотчинникъ, военная слава размѣнивается на

доходы съ крѣпостного стада, быковъ, зерна и капусты. Принципъ наслѣдственности даетъ касту, эта послѣдняя въ свою очередь затрудняетъ развитіе воинскихъ способностей и генія; офицерство костенѣетъ и становится бездарнымъ.

Другой источникъ аристократіи это государственная мудрость; она основывается на интеллектѣ, на хитрости, сильной волѣ и широкихъ знаніяхъ. Это привилегія не одной поземельной аристократіи. Высшіе городскіе классы здѣсь нисколько не слабѣе. Они даютъ государству бюрократію, которая въ свою очередь замыкается въ касту. Государственная рутина становится силой бюрократовъ, но вмѣстѣ и ихъ погибелью. Изъ лучшихъ профессіоналы становятся худшими; бюрократія извращается и падаетъ жертвой отсталости, косности и продажности. Ей на смѣну идутъ предприниматели и аферисты, торговая, финансовая и промышленная аристократія, но она слишкомъ привязана къ дѣлу полученія добычи на широкихъ поляхъ общественнаго труда, чтобы взять самой въ руки ту часть политики, которая служитъ общественному благу. Чтобы исправить бюрократію худшихъ прибѣгаютъ къ новой аристократіи «лучшихъ» капиталистовъ, торговцевъ, фабрикантовъ и биржевиковъ. Въ результатѣ соціально-политическая революція.

Дѣятели образованія и таланта; среди нихъ только эпохами царилъ кастовый порядокъ и то подъ чужой властью. Одно лишь дѣло школьной учебы дало здѣсь устойчивую и сильную организацію съ казеннымъ авторитетомъ, съ внѣшними мѣрками для качества избранныхъ, добродѣтельныхъ мужей. Поскольку высшая школа является школой, она имѣетъ сильную наклонность къ закостенѣлости и созданію монополій знаній и таланта. Однако меньше всего въ области академій, школъ и университетовъ удалось сосредоточить жизнь человѣческаго духа. Вѣчная борьба между кастой и свободнымъ твор-

чествомъ въ области знанія и искусства лишила значенія премудрыхъ жрецовъ идейной бюрократіи. Спасаются они лишь тѣмъ, что въ безсмертный составъ коонтируютъ наиболѣе слабыхъ духомъ изъ числа представителей свободнаго творчества.

Какъ очевидно, вездѣ одинъ процессъ: подымаются лучшіе и завладѣваютъ властью; худшіе повинуются имъ. Не безъ бунтовъ и возмущенія, но порой съ великой преданностью не за страхъ, а за совѣсть. Развѣ не знаетъ исторія рядомъ съ массами пассивныхъ рабовъ, рабовъ преданныхъ до гроба. Холоповъ по убѣжденію и по принципу. И лучшіе воспитываютъ худшихъ, создаются цѣлыя полицейскія государства, чтобъ насадить, не смотря на всю тупость быдла, истинную добродѣтель въ нѣдрахъ общественнаго навоза. Водворяется своего рода царство философовъ, диктатура таланта и просвѣщенія. Господа офицеры бьютъ фухтелями и шпицрутенами, обрабатываютъ ослиную шкуру для любви къ отечеству и народной гордости. Просвѣщенные помѣщики пріучаютъ крѣпостныхъ къ трудолюбію и воздержанію, научаютъ рабовъ переносить голодъ и жажду при 24-часовой работѣ ежедневно; учатъ на конюшнѣ розгами, палками и желѣзными цѣпями. Вмѣстѣ съ тѣмъ способные рабы обучаются ремесламъ и наукамъ, хореографіи и композиціи. Русское художество вышло изъ помѣщичьей людской и дворцовой лакейской. Помѣщики заводятъ фабрики и уже изъ крѣпостныхъ дѣлаютъ ткачей и валяльщиковъ.

Въ средніе вѣка мастеръ училъ подмастерья, а послѣдній билъ ученика. Сильные цехи учили слабыхъ искусству эксплоатаціи и добыванія себѣ привилегій. Цехами командовали гильдіи и всѣ вмѣстѣ обирали потребителя. Царство просвѣщеннаго деспотизма—это средневѣковая корпорація, ставшая государствомъ, съ однимъ сундукомъ и однимъ представителемъ генія во главѣ. Подъ философскимъ покровомъ громадная машина фискальной эксплоа-

тапіи, при чемъ взысканіе недоимокъ производится вольтеріанцами изъ исправниковъ и становыхъ. Сѣкутъ, но вмѣстѣ водворяютъ академіи и школы. И подъ крыломъ фискальной геніальности является банкиръ, фабрикантъ, спекулянтъ и предприниматель и пышно расцвѣтаютъ на чудовищномъ барышѣ при помощи казенныхъ заставъ и рогатокъ. Обезземеливается мужикъ, создается пролетарій... Таковы подвиги лучшихъ надъ худшими. Они имѣютъ свой историческій смыслъ. Несчастье въ томъ, что сильнѣе добродѣтели порокъ и никакъ не удается закрѣпить добродѣтель. И какъ ни расписываютъ ее въ законѣ, какъ ни работаютъ управы и академіи, все она получается ниже установленной мѣрки и приходится водой доливать ея крѣпкую эссенцію, разлитую въ казенныя бутыли. Съ каждымъ днемъ становятся худшими вчерашніе лучшіе, а снизу все растетъ духъ своевольства и непослушанія. Наступаетъ моментъ и рушится великая школа грамоты и застѣнка...

Но и здѣсь мы должны оговориться: аристократическій принципъ не исчезъ ни вмѣстѣ съ феодальнымъ рыцарствомъ, ни съ полицейскимъ государствомъ. Напротивъ того, развитіе техники зоветъ къ жизни новую аристократію. Представители точной науки и всяческихъ инженерій. Не говоримъ уже о томъ, что пока существуютъ привилегіи рожденія и богатства, пока наслѣдственное право бережетъ родовую собственность, до тѣхъ поръ аристократическій принципъ будетъ силенъ и крѣпокъ. И въ той же мѣрѣ будетъ сказываться монополія просвѣщенности и знаній. Великимъ борцомъ противъ привилегій духа были до сихъ поръ вольная мысль и творчество, талантъ, выросшій помимо цеховой науки. Но съ сосредоточеніемъ въ рукахъ «избранныхъ» громадныхъ средствъ современной науки и искусства все труднѣе пробиться генію сквозь стѣны академій, все безуспѣшнѣе его борьба за признаніе внѣ ихъ. Надо имѣть современный театръ,

стоящій милліоны, чтобы поставить новыхъ Нибелунговъ, нужно обладать громадной лабораторіей, чтобы открыть новый радій. А между тѣмъ и тотъ и другія во власти своекорыстныхъ кликъ, торговцевъ знаніями и чужимъ талантомъ.

Трагедіей величайшей человѣческой святыни, непонятаго, безсильнаго или обокраденнаго генія кончаемъ мы строки объ аристократіи человѣчества. Фантазма «лучшихъ» есть иллюзія, которая вначалѣ имѣетъ основаніе, даетъ человѣчеству жестокихъ учителей тяжкаго труда и суровой дисциплины. Съ изобрѣтенія военныхъ колесницъ начинается первая аристократія, изобрѣтеніемъ современной машины она знаменуетъ себя теперь. Адамъ-мученикъ, Адамъ-герой сталъ Иваномъ-труженикомъ, ремесленникомъ, винодѣломъ, хлѣбопашцемъ и ткачемъ. Фантазмы мудрости, добродѣтели и таланта словно небесныя валькиріи движутся надъ полемъ организованнаго, технически улучшеннаго труда и лишь въ концѣ раскрываютъ секретъ великой сказки о мудрыхъ царяхъ, свѣтлыхъ рыцаряхъ, объ учителяхъ красоты и правды. Молочный путь фантазмы разсыпается гибнущими звѣздами человѣческаго генія. Задача новаго строя состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ людей, черныхъ и желтыхъ рабовъ, бѣлокурыхъ и черноволосыхъ хамовъ, холоповъ въ душѣ и поневолѣ сдѣлать свободнымъ рыцарствомъ духа, носителями символовъ свободнаго генія и общественнаго труда.

III.

Робинзонъ.

Третья основная политическая фантазма гласитъ слѣдующее:

Всякій, кто хочетъ видѣть настоящаго человѣка и изучить его природу, долженъ прежде всего сумѣть уйти

отъ проклятія настоящаго. Надо стать Робинзономъ. Вокругъ насъ паденіе, развратъ и уродство. Покрытые незримыми цѣпями, жалкіе уроды, слѣпые и слабые ищутъ ощупью пути и натыкаются на ими самими выдуманныя стѣны. Они хотятъ любить и наслаждаться; солнце зоветъ ихъ къ счастью; мягкое голубое небо улыбается имъ, исполняетъ ихъ нѣги и свободы. Зеленый просторъ зоветъ ихъ къ себѣ, и пышнымъ ковромъ раскинулись пестрые цвѣты. И все кругомъ живетъ и наслаждается, радуется и ликуетъ, любитъ и умираетъ съ гимномъ природѣ на устахъ. Посмотрите на вольныхъ птицъ, на звѣрей лѣсныхъ, на травы, цвѣты и деревья, сколько силы и красоты въ ихъ вольномъ стремленіи, какая полнота жизни, какая могучая свобода! И только человѣкъ мрачнымъ пятномъ, какъ отверженный, бродитъ среди чуднаго сада, ко всему боится прикоснуться, дрожитъ передъ смѣлымъ движеніемъ, опасается, какъ бы не разгнѣвать боговъ, не нарушить приличій, не оскорбить закона.

И все призраки и призраки кругомъ... Вотъ захотѣлъ человѣкъ облегчить свое тѣло, открыть свои мускулы и темную кожу живительному дыханію вѣтра, лучамъ ласковаго солнца. Но словно туманъ растетъ страшный призракъ приличія и стыда, и жалкимъ тряпьемъ прикрываетъ божественное тѣло. Зажигаются Ивановы огни, на общій праздникъ, подъ сѣнь виноградника и хмеля зоветъ своего сына любящая природа. Все дышетъ кругомъ призывомъ и счастьемъ, насталъ мигъ великаго торжества. Звѣзды дрожатъ и славятъ любовь своимъ вѣчнымъ мерцаніемъ, о любви шепчетъ ночь въ шелестѣ деревьевъ, въ ароматѣ ночныхъ цвѣтовъ; любовь поетъ соловей надъ розой и трескучимъ хоромъ ему отвѣчаютъ цикады. И опьяненный звуками ночи, бѣжитъ человѣкъ изъ своихъ убѣжищъ на свѣтлыя высоты... увы, призракъ лживой добродѣтели, мрачнаго отрицанія, призракъ смерти встаетъ предъ сыномъ человѣческимъ и гонитъ его на-

задъ въ убогую берлогу, бросаетъ на рабское, нищенское ложе. Вездѣ не смѣй, все проклято и запрещено, на все и замокъ, и рѣшетка, и цѣпи. Тюрьма безъ воздуха и свѣта! И что удивительнѣе всего, всѣ эти стѣны—хрупкая бумага съ чудовищами, нарисованными на ней. Передъ ними дрожитъ и останавливается человѣкъ.

И когда кто-нибудь, вспомнившій прирожденную свободу, станетъ жить, какъ живетъ все вокругъ, ужасъ и изумленіе охватываютъ порабощенныхъ людей. Смотрите, онъ переступилъ черезъ всѣ наши перегородки и стѣны, онъ подавилъ стыдъ, онъ нарушилъ приличія, онъ топчетъ въ прахъ и законъ, и право, и справедливость, скорѣе камнями его! И не замѣчаютъ слѣпцы, что одного дыханія свободной груди, одного движенія руки достаточно, чтобъ ниспровергнуть весь построенный ими карточный замокъ. Жалкіе призраки разлетѣлись въ мигъ, и настоящее божество, здоровый и свободный человѣкъ зашагалъ черезъ нихъ навстрѣчу свѣту и простору. Почему для орла открыто все поднебесье, а левъ царитъ въ степяхъ? Почему весь естественный живой міръ любитъ, когда хочетъ и кого хочетъ, и никого не спрашиваетъ о приличіяхъ, не вѣнчается у жрецовъ? Почему тамъ всякій беретъ, сколько хочетъ и можетъ, и для всѣхъ хватаетъ и пищи и счастья и свободы. И одинъ человѣкъ долженъ вѣчно уродовать себя, поститься и воздерживаться, хранить дѣвственность для гробовыхъ червей, не давать простора своей вольной душѣ, могучимъ членамъ.

А между тѣмъ вѣдь человѣкъ не только тѣлесное существо, въ немъ заложенъ пытливый, ищущій разумъ, жажда правды, стремленіе къ совершенству. Онъ хочетъ быть не только свободнымъ по природѣ, но и совершеннѣйшимъ ея твореніемъ. Онъ долженъ развивать въ борьбѣ свои члены, но еще больше закалять свой духъ, характеръ, изобрѣтательность, разумъ. Онъ чувствуетъ себя въ центрѣ вселенной и долженъ быть царемъ земли.

Умнѣйшій изъ хищниковъ, развѣ не созданъ онъ для того, чтобы быть естественнымъ божествомъ живого и недвижнаго міра, чтобы стать безсмертнымъ въ завоеванномъ при помощи разума раю. Иди же, красавецъ, иди, счастливый, мудрый борецъ, въ борьбѣ увеличишь ты свои силы, въ побѣдѣ познаешь блаженство и новую борьбу!

Неумолимъ и безпощаденъ ходъ природы, законы ея неизбѣжны; по ея велѣнію стремятся и падаютъ въ безконечную пучину звѣзды, и нежданныя катастрофы превращаютъ въ пыль громадныя солнца. Изъ туманныхъ пятенъ рождаются планеты, сталкиваются и погибаютъ или продолжаютъ вѣчное вращеніе. Безконечная игра разрозненныхъ силъ, борьба, а не спокойствіе, хаосъ и вмѣстѣ порядокъ, такъ какъ въ каждой песчинкѣ сила тяготѣнія, и въ общемъ превращеніи мертвое рождается и гибнетъ, какъ живое, каждое живое стремится къ расширенію и силѣ, каждая сила сталкивается съ другою. И нигдѣ нѣтъ покоя, мира и тишины. Всюду разлита борьба, весь міръ—безграничная масса бьющихся атомовъ, въ страшныхъ вихряхъ находящихъ свое движеніе.

Съ непреодолимою силой гонитъ природа всякое живое существо къ дѣятельности и борьбѣ. «Питайся и ѣшь», гремитъ ея желѣзный голосъ, «ѣшь, иначе умрешь». И среди скалъ и на деревьяхъ, въ водѣ и воздухѣ ищетъ она себѣ пищи, и если не найдетъ, подвергается смертной казни. «Размножайся» повелѣваетъ она уже насыщенному существу. И подъ вліяніемъ великаго инстинкта оно ищетъ себѣ свою пару и часто оплачиваетъ ее своею жизнью. Ненужныхъ природа казнитъ. И сколько не заложено въ животномъ потребности и силъ, надъ каждой изъ нихъ грозная надпись: «кто не выполнитъ долга природы, кто не исполнитъ ея закона, тотъ осужденъ на вырожденіе и гибель, на болѣзнь и смерть». Все, что живетъ въ борьбѣ, развиваетъ силу, все, что борется, те-

ряетъ ее, чтобы снова найти. Убыль и упадокъ, побѣда и пріобрѣтеніе. Вѣчная смѣна отлива съ приливомъ, вѣчное рожденіе и слѣдующая за нимъ смерть.

И человѣкъ не исключеніе въ мірѣ живыхъ, питающихся и умирающихъ. И его законъ—борьбы, и его потребности предписаны природой. И не только гибнетъ его тѣло отъ голода, холода и жажды, нѣтъ, малѣйшая остановка нормальной жизни несетъ за собой свою кару, малѣйшее извращеніе духовной дѣятельности убиваетъ ее въ конецъ. Вотъ борецъ и воинъ поработилъ себѣ ближняго, застылъ въ праздности и покоѣ, онъ залитъ жиромъ, его сердце ослабло, болѣзнь овладѣла внутренностями. Счастіе борьбы смѣнилось вялою скукой тунеядства. И, когда гремитъ новый призывъ, безсильный воинъ становится жертвой врага или природы. Вотъ другой оставилъ борьбу съ соперникомъ за любовь прекрасной женщины, ему тяжка борьба за ея признаніе и дружбу. Союзу съ свободнымъ и равнымъ ему человѣкомъ онъ предпочелъ счастіе рабовладѣльца. И что же? Онъ или бѣжитъ отъ рабской преданности жалкаго существа, или самъ спускается до уровня мелкой и пошлой привязанности, засасывающей тины обыденности. Вотъ третій усталъ въ поискахъ за истиной, преклонился передъ чудомъ и авторитетомъ, сложилъ свѣтлыя крылья творчества и неустанной борьбы за идеалы. И вчерашній пророкъ сталъ муміей, и презрѣнная зависть исказила взоръ, обращенный къ небесамъ. И замѣчательная вещь, всѣ, кто стремится найти счастье въ покоѣ и бездѣйствіи, немедленно становятся жертвами скуки и пресыщенности, цинизма и жалкой злобности. Счастье покидаетъ ихъ навсегда.

Борьба—законъ жизни, а безъ свободы нѣтъ борьбы, вотъ почему свобода есть основной девизъ, начертанный на щитѣ человѣка. Вмѣстѣ съ потребностью человѣку даны и права. И какъ необходимы и неотчуждаемы потребности, точно также священны и права, основанныя

на природѣ. Никакимъ закономъ человѣка нельзя отмѣнить законовъ природы, такъ какъ невозможно кому-либо лишить живое существо права ѣсть, дышать и размножаться. Не можетъ мораль и право быть противъ природы, т. к. иначе это былъ бы законъ не жизни, а смерти, а жизнь есть законъ всякаго живого существа. Но среди всѣхъ правъ на добытую пищу, на свой кровъ и свое тѣло, выше правъ, данныхъ любовію и дружбой, самое великое право прирожденной человѣку,—неотчуждаемой и священной свободы. Какъ воздухъ нуженъ птицѣ, а рыбѣ вода, какъ свѣтъ нуженъ растенію, а тепло всему живому, какъ солнце нужно міру, а движеніе вселенной, точно такъ нужна свобода для человѣка, творца и работника, для человѣка, какъ нравственнаго существа.

О, чистая и прекрасная богиня, сколько жертвъ принесено передъ твоимъ алтаремъ, и все покрытъ онъ темной, печальной завѣсой. Человѣкъ рожденъ свободнымъ и повсюду онъ въ цѣпяхъ. И лишь порой, когда бушуетъ непогода, а свѣжій вихрь народной бури всколыхнетъ священный твой огонь, падаетъ печальная завѣса, и на заревѣ возрожденныхъ небесъ сіяетъ твой неувядаемый побѣдный образъ. И тогда совершается чудо, со звонкомъ падаютъ и трескаются цѣпи, открываются душныя подземелья, расправляетъ спину замученный человѣкъ и со свѣтлымъ мечомъ спѣшитъ къ твоему забытому алтарю и храму, о, въ эти времена гордые витязи подымаютъ твое знамя, во имя свободы рушатся мрачныя твердыни; со слезами восторга встрѣчаютъ другъ друга освобожденные, вѣра въ наступившее царство всеобщаго братства наполняетъ грудь твоихъ вѣрныхъ сыновъ. Увы, очарованіе длится недолго, медленно падаетъ проснувшійся богатырь, сумеречный туманъ заволакиваетъ остывшіе огни, остывающіе трупы...

О, человѣкъ, ты не знаешь самого себя. Твоя воля самодержавна, никакой силѣ тебя не покорить. Можно

мучить человѣка, можно бросить человѣка въ тюрьму, но свободная воля его при немъ. Заставить его что-нибудь дѣлать насиліемъ нельзя, онъ можетъ умереть, но не пойдетъ въ рабство. Кто не хочетъ быть рабомъ при жизни, покупаетъ свободу ея цѣной. Жизнь сокращается, но на ней нѣтъ позорнаго пятна. Если бъ всѣ люди знали это, не было бы рабства.

Борьба общественная, борьба здоровыхъ и разумныхъ людей никогда не приведетъ къ рабству. Побѣдитъ ли большинство? Но удержать въ повиновеніи меньшинство противъ воли послѣдняго нельзя, они умрутъ, но не покорятся. Можетъ ли побѣдить меньшинство? Силой это невозможно, т. к. большинство всегда сильнѣе. Можно ли побѣдить одного? Замучить, какъ мы видѣли, можно, но поработить нельзя. Когда въ Америкѣ нужны были рабы, то привезли изъ Африки черныхъ, отрекшихся отъ свободы. Гордые сыны древнихъ инковъ умирали, но не надѣвали ярма. Краснокожіе не были рабами. И такъ, въ общественной борьбѣ побѣждаютъ всѣ и никто, одинъ въ одномъ, другой въ другомъ, одинъ сегодня, другой завтра. Свободное состязаніе свободныхъ борцовъ на аренѣ труда, изобрѣтательности и разума. Да здравствуетъ побѣдитель! Лавровый вѣнокъ также завтра осѣнитъ мою голову, какъ чело сегодняшняго побѣдителя. Не въ этой борьбѣ за счастье теряетъ человѣкъ свободу, онъ теряетъ ее, когда бездѣйствуетъ и спитъ.

Только праздный и трусливый отрекается отъ познанія истины, выдумываетъ себѣ чудовищъ и боговъ, отдаетъ себя во власть призраковъ и привидѣній. Только извращенный и падшій человѣкъ можетъ обожествлять авторитетъ дряхлости и смерти, отдать свою молодую жизнь угасающему старцу съ ослабѣвшей головой и трясущимся тѣломъ. Только обманутый можетъ искренно повѣрить, что мѣняется природа человѣка сообразно одеждѣ и цвѣту кожи, что есть на землѣ полубоги съ

иной, высшей и чудесной природой. Какъ будто этихъ «высшихъ» не родила въ мукахъ мать, и свободны они отъ мукъ, голода и жажды, отъ власти всепобѣждающей природы. Какъ будто не одна логика управляетъ всѣми мозгами, и не того же счастья, здоровья и силы жаждетъ каждый рожденный на землѣ человѣкъ. Пусть явится человѣкъ съ десятью чувствами, съ пятью глазами, ростомъ въ гору, съ силою сотни слоновъ. Мы посмотримъ на него и изучимъ, объявимъ ему войну или заключимъ миръ. Но даже титану не отдадимъ мы свободы, ибо наша жизнь такъ же священна, какъ его, и наше право столь же велико и неприкосновенно. Законъ природы—основаніе ихъ всѣхъ.

И удивительное дѣло, едва водворяется свобода и тотчасъ рождается всеобщее счастье. Въ механикѣ природы одно дополняетъ другое. И если только человѣкъ здоровъ и разуменъ, то его стремленіе къ счастью немедленно влечетъ за собой счастье всѣхъ, и здоровый интересъ индивида порождаетъ всеобщее счастье. Казалось бы, какая связь межъ индивидомъ и всѣми, имъ управляетъ эгоизмъ; онъ пріобрѣтаетъ себѣ блага путемъ суровой борьбы. Развѣ не покупается его счастье несчастьемъ другого, развѣ не долженъ онъ лишить ближняго того, что онъ захватываетъ самъ? И однако это не такъ. Здоровыя потребности умѣренны, онѣ не вырождаются въ жадность. Съ другой стороны, никто не можетъ доставить всего, а сила встрѣчаетъ силу. Нуженъ обмѣнъ, и, чтобы всѣ имѣли все, нужно, чтобъ каждый производилъ не только для себя, но и для другихъ. И каждый продуктъ, которымъ пользуется человѣкъ, является произведеніемъ труда многихъ. Такъ, человѣкъ ради собственной выгоды удовлетворяетъ потребности всѣхъ и шьетъ другому сапоги, чтобы отъ него получить кусокъ шерсти.

Рынокъ и есть та удивительная арена, гдѣ борются

гладіаторы эгоизма, а въ результатѣ даютъ торжество общаго блага. Каждый старается дороже продать и дешевле купить; каждый стремится сбыть свой товаръ, чтобъ за него получить нужное для себя. Предложеніе растетъ, понижается спросъ, конкурренція регулируетъ цѣны. Эгоизмъ встрѣчается съ эгоизмомъ, и не только умѣряется имъ, но и направляется на болѣе полезный для общества путь. Если слишкомъ много одного товара, предложеніе повышается, падаетъ цѣна, и производитель переходитъ къ другому производству, на которое цѣна выше и которое нужнѣе для всѣхъ. А какъ улучшаетъ конкуренція качества товара, какъ изощряетъ изобрѣтательность, какіе открываетъ горизонты, какъ скоро торговое мѣстечко уступаетъ мѣсто націи и человѣчеству и весь міръ становится рынкомъ на благо человѣка! Тутъ ужъ не отдѣльныя лица, а цѣлыя націи вступаютъ на путь конкурренціи, и югъ посылаетъ на сѣверъ бананы и сахарный тростникъ, тогда какъ сѣверъ отдариваетъ желѣзомъ и мѣхами.

И ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ не только трудъ и его раздѣленіе достигаютъ совершенства, но возрастаетъ обмѣнъ и каждому становится доступнымъ все, что нужно для жизни. Потребности, конечно, возрастутъ и найдутъ свое удовлетвореніе. Всякій прилежный и осмотрительный человѣкъ безъ труда получитъ обезпеченіе не только въ необходимомъ, но и пріятномъ. Съ другой же стороны, и тотъ, кому улыбнется счастіе, не можетъ пріобрѣтенныя блага изъять изъ общаго пользованія. Увы, необработанная земля не приноситъ дохода, а капиталъ, спрятанный въ сундукъ или сокрытый въ кадушкѣ — мертвъ. Чтобы приносить пользу своему владѣльцу, земля должна прокормить не только его, но арендатора и работника, а капиталъ долженъ превратиться въ орудія производства и заработную плату. Такъ законъ природы влечетъ частную выгоду на служеніе общему, благу, и

капиталистъ обезпечиваетъ хлѣбъ и работу народнымъ массамъ, чтобы самому получить доходъ. И свободная борьба капиталовъ другъ съ другомъ уменьшаетъ ихъ процентъ и повышаетъ производительность. Сама частная собственность пріобрѣтаетъ общественный характеръ.

И въ области политической мы находимъ то же самое. Индивидъ стремится къ власти, славѣ и почету. Но эти блага онъ долженъ купить соотвѣтственной цѣной. Плата за нихъ взимается доблестью и героизмомъ, самоотверженіемъ и геніальностью. И здѣсь открывается арена для всеобщаго состязанія. И здѣсь, какъ въ экономической области, всѣ призваны къ благородной борьбѣ. Характеръ, выдержка, разумъ нужны здѣсь не меньше чѣмъ, тамъ, но къ этому присоединяется еще одно: умѣнье постичь общій интересъ и къ этой цѣли направить согласное дѣйствіе. И состязаніе происходитъ; и не рабы, а свободные граждане вѣнчаютъ побѣдителя, вручаютъ ему честь общественной должности. Но это не безотвѣтственная тираннія, скрытая въ глубинѣ крѣпости за оружіемъ, направленнымъ противъ народа. Нѣтъ, трибуна вождя остается вѣчно открытой подъ взглядами тысячи глазъ; судъ народа не умолкаетъ, и должность есть только новая борьба при чемъ на дѣлѣ долженъ показать себя достойнымъ избранникъ. Оказался онъ слабъ, корыстенъ, неразуменъ, его удаляетъ народное рѣшеніе, его смѣняетъ лучшій и достойнѣйшій вождь.

Ясно отсюда, какое значеніе имѣетъ свобода для развитія тѣла и души, для созданія народнаго богатства и обезпеченія государства способными людьми. Казалось бы, человѣчество должно хранить свободу, какъ свое единственное спасеніе, какъ палладій благоденствія и счастья. Увы, на дѣлѣ это не такъ. Привычка и забвеніе—великіе враги человѣческаго рода, лѣность и легкомысліе идутъ съ ними вмѣстѣ, а кто разъ вкусилъ сладость побѣды, не хочетъ снова бросаться въ бурное море въ погоню за

достигнутымъ уже разъ счастьемъ. И гдѣ нашелся одинъ обманщикъ или безумецъ и нѣсколько слабыхъ и робкихъ, повѣрившихъ ему, тамъ заложено зерно гибели и разврата.

Вотъ одинъ провозгласилъ себя царемъ и владыкой; къ нему сбѣжались на помощь жалкіе и слѣпые. Они стали сильны воображаемой силой, ихъ слабыя силы слились въ одну громадную силу господина. Выросли и умножились его руки; люди перестали быть людьми, но стали его послушными органами безъ воли и сознанія. И созданное рабами богатство и власть соблазняютъ многихъ, они продаютъ свою свободу за призрачное довольство и безопасность. Зачѣмъ имъ думать самимъ, за нихъ размыслитъ господинъ; онъ защититъ и накормитъ, избавитъ отъ тревогъ и опасности борьбы. За его спиной будетъ имъ и тепло, и уютно. Конечно, слишкомъ скоро разоблачается обманъ; спокойствіе и безопасность оплачиваются дорогой цѣной. Въ началѣ мягокъ и ласковъ господинъ, скорѣе отецъ, не хозяинъ. Но чѣмъ больше неволя, тѣмъ больше отвыкаютъ люди отъ самодѣятельности и свободы, чѣмъ крѣпче стягивается на ихъ шеѣ ярмо, и тяжелѣй повинности и служба господину. И, когда, какъ одомашненные звѣри, теряютъ они свои клыки и когти и крылья, тогда захлопывается навѣки тюремная дверь, и уроды, отвыкшіе отъ воздуха и свѣта навѣки снисходятъ въ каторжныя подземелья. И лишь въ неясныхъ видѣніяхъ и мечтахъ вспоминаютъ гномы дни орлинаго лета, львиной гордости и силы!

Но ходъ вырожденія идетъ своимъ естественнымъ ходомъ. Возлѣ тиранна образуется клика, которая развращаетъ его и дѣлаетъ своимъ плѣнникомъ. Деспотъ обращается въ символъ, всемогущій царь становится добычей. И того, кто вчера во главѣ рабовъ убивалъ и грабилъ свободныхъ людей, сегодня экспропріируютъ его слуги, и это естественно. Проклятіе тираннической власти какъ разъ въ томъ, что ея носитель изнѣживается и слабѣетъ,

разлагается заживо въ праздности и животныхъ наслажденіяхъ. Наступаетъ моментъ, и ничтожную куклу-деспота выбрасываютъ вонъ. Водворяется олигархія наиболѣе сильныхъ и грубыхъ, хитрыхъ и беззастѣнчивыхъ. Одного царя смѣняетъ клика жадныхъ сановниковъ, царскихъ временщиковъ замѣняетъ толпа кліентовъ, приживальщиковъ и благородныхъ трутней. Но вырожденіе сторожитъ и эту банду: тунеядство какъ ржа съѣдаетъ аристократовъ, вымираютъ нѣкогда сильные роды, знаменуютъ свою гибель жестокостью и гордыней. Но вотъ просыпаются вчерашніе рабы, подаютъ признаки жизни замученныя массы, безкрылые вспоминаютъ о крыльяхъ, согбенные хотятъ расправить спину. Какъ гнилую накипь, уноситъ переворотъ остатки привилегированныхъ и благородныхъ, и плебсъ подымаетъ свою черную руку надъ развалиной опустошенныхъ дворцовъ... Неужто освобожденіе?

Быть можетъ, да, но чаще нѣтъ, свобода требуетъ другихъ людей, чѣмъ освобожденные рабы, въ душѣ сохранившіе рабство. Теперь они сбросили свои цѣпи, но смотрите, вотъ народился средь нихъ уже нѣкто и пустой фразой оглушаетъ онъ недавно прозрѣвшихъ; и льстецы, доносчики и шпіоны прислуживаютъ демагогу, и ужъ готовъ онъ вспрыгнуть на мощный хребетъ только-что освобожденнаго звѣря, набросить узду на голову, гдѣ не стерлось еще вчерашнее тавро. Изъ демагога рождается царь, и вчерашній слуга святой сволочи становится тиранномъ и господиномъ. Начало есть, кругъ исторіи начинается снова. Тираннъ и его извращеніе, олигархи и вырожденіе ихъ, демократія и опять царь-демагогъ, диктаторъ. И все время колесо этихъ формъ рѣжетъ человѣческія массы, разбиваетъ сердца, наполняетъ тюрьмы, строитъ висѣлицы и кресты...

Неужто нѣтъ силъ остановить болѣзнь, которая подобна повѣтрію или заразѣ, которая, разъ придя изъ тропическихъ болотъ, коситъ свои жертвы въ опредѣленные,

повторяющіеся сроки? Что же? Развѣ безсильна общественная мысль? Инженеръ гонитъ море, плотинами защищаетъ землю отъ его постоянныхъ нашествій, медикъ искусной рукой пресѣкаетъ ходъ заразы, физикъ изучаетъ законы природы, превращаетъ бѣдствія въ благодѣяніе, молнію заставляетъ себѣ служить, пламя превращаетъ въ слугу человѣка. Неужто одинъ политикъ смотритъ безсильно на общественный круговоротъ и нѣтъ у него знанія и силъ, чтобъ остановить пагубное движеніе, направить народы на путь разума и счастья? Вѣдь механика вездѣ одна, и одинъ законъ царствуетъ въ мірѣ. И тамъ, гдѣ есть ядъ, есть противоядіе, гдѣ есть пагубная сила, тамъ и благая. Правда, трудно исправлять испорченное, возмѣщать потерянное, но только тотъ, кто не вѣритъ въ человѣка, можетъ думать, будто нѣтъ выхода изъ страшнаго круговорота созданнаго слабостью и ложью.

Сдѣлайте человѣка сувереннымъ и онъ не захочетъ быть рабомъ, дайте просторъ его силѣ, онъ не испытаетъ слабости, пусть въ одно время онъ будетъ подданнымъ и повелителемъ и, повѣрьте, никто лучше его не знаетъ, въ чемъ его истинное счастье. Обезпечьте человѣку здоровье, и онъ не сдѣлаетъ ничего, что свойственно только больному. И здѣсь не нужно хитроумныхъ приспособленій, просты человѣческія свойства и несложенъ управляющій ими механизмъ.

Прежде всего должна быть ограждена свобода; ея нѣтъ тамъ, гдѣ человѣкъ подчиняется не самому себѣ, а другому, гдѣ онъ говоритъ: ты желай и распоряжайся, я всегда буду желать то, чего ты пожелаешь. Такой отказъ человѣка отъ самого себя недопустимъ. Въ немъ самомъ его высшая цѣль, ибо онъ не только индивидъ, но и нравственная личность. Живое мыслящее и моральное существо умираетъ въ тотъ моментъ, когда дѣлается инструментомъ въ рукахъ чужой воли. Истинное государство только тамъ, гдѣ въ основѣ его единодушный договоръ

всѣхъ согражданъ. И, чтобъ не быть только подданнымъ, народъ тамъ долженъ быть сувереномъ. Каждый гражданинъ получаетъ вѣнецъ и порфиру. А только рѣшеніе народа есть единый законъ, и только тогда законъ получаетъ силу, если онъ равенъ для всѣхъ и никому не отчуждаетъ верховной власти, не создаетъ ни монополій, ни привилегій. Министръ, правитель, администраторъ только слуги народа, ими распоряжается законъ.

Тяжко бремя правительства, и великъ соблазнъ поручить способнѣйшимъ государственную власть. Но народъ, желающій быть свободнымъ, не откажется отъ нея никогда, напротивъ, въ открытой борьбѣ мнѣній и плановъ будетъ онъ искать вѣрнѣйшаго пути. Ни одинъ гражданинъ не упуститъ своего долга и будетъ блюсти свои природныя права. И эти права будутъ защищены начальнымъ договоромъ и станутъ священными для всѣхъ; съ нарушеніемъ ихъ извращается борьба и погибаетъ справедливость. Отнимите собственность—не будетъ ни производства, ни капиталовъ, уничтожьте свободу слова—и воцарится мошенничество и обманъ, запретите свободу религій—и выростетъ мѣдный идолъ обожествленнаго деспотизма, а свободный гражданинъ станетъ рабомъ.

Законы народовластія не будутъ многочисленны; они лишь оберегаютъ и хранятъ. Законъ не учитель, не господинъ и не медикъ, онъ направленъ по преимуществу противъ злыхъ, онъ пресѣкаетъ злоупотребленія. Свобода сама даетъ богатства, просвѣщеніе и здоровье. Нужно только, чтобъ счастье одного не покупалось порабощеніемъ другого, чтобы временная власть въ обществѣ не стала постоянной, чтобъ не прекратилась всеобщая благодѣтельная борьба. Что до того, что одинъ богаче, а другой бѣднѣе, нужно только, чтобъ и бѣднякъ имѣлъ надежду разбогатѣть. Сегодня богатъ одинъ; завтра бережливость дастъ деньги другому. Только бы не была закована въ цѣпи быстролетная фортуна. Только бы злодѣй не отнялъ насиліемъ и хи-

тростью жизни, чести и собственности человѣка. Смѣшонъ законодатель, который думаетъ своимъ приказомъ создать счастье человѣчества, какъ будто есть счастье по приказу, а бумагой можно замѣнить энергію и творчество, умъ и искусство сознательнаго и сильнаго человѣка. Люди нужны, не законы, людей же воспитываетъ свобода.

Государство—только раковина, только форма для народа и его жизни. Право только панцырь, только клѣтка, защищающая отдѣльныхъ бойцовъ. Въ государствѣ вѣчное кипѣніе и борьба, но если оно правильно построено и не допускаетъ внутри нарушенія закона, оно становится вѣчнымъ и неподвижнымъ. По мѣрѣ роста содержимаго оно, конечно, растетъ, но формы его разъ навсегда опредѣлены разумной цѣлесообразностью и безъ общаго крушенія не могутъ быть измѣнены. Ибо разумъ одинъ и одна истина. И въ просторныхъ залахъ политическаго зданія развивается прекрасный человѣкъ и, свободный, сочетаетъ добродѣтель и счастье. Да; мы можемъ утверждать, что только здѣсь находитъ онъ истинное счастье. Правда, это не счастье тунеядца, щекочущаго себѣ нервы острой и утонченной пищей; здѣсь не мѣсто сладострастнику, дрожащему отъ восторга при мученіи жертвы, въ нашемъ государствѣ мы не встрѣтимъ жирнаго пьяницу, въ сонныхъ грезахъ вкушающаго блаженство. Въ нашемъ царствѣ нѣтъ ни изнѣженныхъ тѣлъ, ни призрачно мечтательныхъ душъ. Здоровый трудъ и сознаніе одержанной побѣды. Добрая семья и кудрявыя головки дѣтей, вѣрная подруга и любовь, исполненная дружбы—таково безхитростное счастье гражданина-борца. И онъ не одинъ на землѣ; рядомъ съ нимъ нога въ ногу идетъ свободный человѣкъ, союзникъ или врагъ, но всегда вѣрный и открытый, въ самой битвѣ почитающій святое имя «человѣкъ». Но человѣкъ не одинъ и въ природѣ все движется и живетъ, въ звѣздахъ онъ видитъ братьевъ, въ природѣ общую мать.

Здоровый... разумный... сильный... но что же съ сла-

быми и больными? Гдѣ имъ мѣсто въ этомъ царствѣ счастья и свободы? Увы, они не должны существовать. Природа милости не знаетъ, и тотъ, кто оказывается лишнимъ на жизненномъ пиру, безпощадно уничтожается ею. Слабость и болѣзнь при условіяхъ нормальныхъ—результатъ излишка населенія. Родители ихъ были неразумны, они не разсчитали того, что средства производства не могутъ поспѣть за силой размноженія человѣческаго рода. Природа готовитъ для человѣка лишь то, что она можетъ ему дать. Человѣкъ беретъ у нея лишь то, что взять онъ въ силахъ. И если отецъ безъ разума и осторожности рождаетъ дѣтей, онъ долженъ знать: часть изъ нихъ погибнетъ, и спасти ихъ нельзя.

И въ самомъ дѣлѣ, чтобъ накормить лишнихъ гостей на человѣческомъ пиру, нужно, чтобы всѣ стали недоѣдать, и что же? Всѣ ослабѣютъ и некому будетъ бороться и производить, защищать свою свободу и человѣческія права. Общее вырожденіе будетъ результатомъ, поэтому здоровый эгоизмъ побѣждаетъ. Въ борьбѣ сильные одерживаютъ верхъ и остаются, слабые уходятъ. Чтобъ не было послѣднихъ, есть простое средство. Надо рождать столько, чтобъ на нихъ всѣхъ хватило, а слѣдовательно чтобы всѣ дѣти выросли сильными. И кто не увѣренъ въ обезпеченіи своихъ дѣтей, пусть лучше не женится вовсе или же предупредитъ появленіе потомства. Лучше не родиться, чѣмъ преждевременно погибнуть отъ голода и болѣзней. У животныхъ слабые прямо уничтожаются; если человѣкъ хочетъ быть выше животныхъ, пусть не рождаетъ тѣхъ, кто подлежитъ уничтоженію.

Нелѣпой представляется сантиментальная филантрапія, желающая во что бы ни стало сохранить никуда негодную жизнь. Лечатъ неизлечимыхъ уродовъ, содержатъ всю жизнь кретиновъ въ больницахъ, хранятъ въ богадѣльняхъ слабоумныхъ стариковъ. Дикари великодушнѣе культурнаго человѣка, они истребляютъ человѣческую

рухлядь, они избавляютъ отъ страданій дряхлыхъ и больныхъ и сохраняютъ здоровымъ нужный кусокъ хлѣба. Теперь поступаютъ иначе: здоровый работникъ умираетъ съ голода, негодный идіотъ жирѣетъ въ пріютѣ. И только заразныя болѣзни, къ счастью для людей, выполняютъ роль мятельщиковъ и ассенизаторовъ. Чума, тифъ и холера убираютъ то, что убрать не озаботились люди.

Подобно филантропіи пагубна также политика жалости по отношенію къ народу. Искусственно желаютъ смягчить условія борьбы, ограничить рабочій день, облегчить условія труда. И здѣсь не надо перейти законной мѣры. Не будетъ суровой школы, не будетъ и сильныхъ свободолюбивыхъ людей. Сколько жизней каждый годъ поглощаетъ бурное море, и однако же мореплаваніе существуетъ, а настоящій морской волкъ презираетъ смерть на постели. Сколько гибнетъ людей на войнахъ, и только война вырабатываетъ настоящаго бойца, смѣлаго въ битвѣ, великодушнаго во время мира. Жизнь есть борьба, кто ея боится пусть лучше надѣваетъ себѣ петлю на шею или пускаетъ себѣ пулю въ лобъ. Здѣсь не мѣсто слезливости и бабьимъ вздохамъ, лучше умереть въ борьбѣ, чѣмъ сгнить на подушкахъ!

Справедливъ поэтому тотъ законъ, который воспретилъ соединенія рабочихъ съ цѣлью вынужденія высшей заработной платы. Тутъ рабочіе добиваются прямо монополіи, такъ какъ, естественно, объединившись, становится ихъ масса сильнѣе фабриканта. Имъ не нравится открытый бой грудь съ грудью на свободномъ рынкѣ, они жаждутъ защиты, создаютъ диктаторовъ и демагоговъ, терроризируютъ товарищей, лишаютъ ихъ благъ свободной конкурренціи. Въ царствѣ свободы этого не должно быть. На хребтѣ рабочаго комплота покоится цезаризмъ, легкій хлѣбъ разжигаетъ аппетиты, господство черни погубитъ демократію. Кто мѣшаетъ рабочему скопить себѣ капиталъ и стать въ свою очередь господиномъ? Развѣ мало милліо-

неровъ начинали на улицѣ жизнь, а изъ нищихъ пробились въ разрядъ богачей. Энергія и умъ никогда не останутся безъ награды!

Народы Европы, берегите ваши священнѣйшія права, да здравствуетъ свобода!

Такова идеологія свободнаго индивида, ставшая символомъ либеральной вѣры. И подобно другимъ «правдамъ» догматъ либерализма отнюдь не прикрѣпленъ къ эпохѣ новой буржуазіи XVIII—XIX вѣковъ. Онъ возникаетъ вездѣ, гдѣ идетъ борьба за свободную личность, гдѣ городской торговый и промышленный классъ пробиваетъ себѣ путь къ вліянію и власти. Либерализмъ въ религіозной области даетъ индивида, уничтожившаго посредниковъ между богомъ и собою. Сектантство постепенно переходитъ въ невѣріе и раціонализмъ. И тотъ, кто такъ недавно подобно Якову боролся непосредственно со своимъ собственнымъ Іеговой, скоро замѣняетъ его богомъ вольтеровскаго деизма или всебожіемъ Спинозы. Раціонализмъ въ религіи убиваетъ мистику. Но также дѣйствуетъ онъ и въ области аристократическаго піетэта. Либерализмъ есть возстаніе дѣтей на отцовъ, титановъ на Зевса, обожествленіе молодости и силы. Равенство половъ и свобода любви его девизы. И здѣсь либерализмъ отрицаетъ догматъ аристократіи. Нечего говорить, что равенство либераловъ есть отрицаніе привилегіи, но вмѣстѣ апоѳеозъ свободной и давящей силы. Пусть погибнутъ слабые, такъ говоритъ купецъ въ горячкѣ погони за прибылью и добычей!

Механическая философія, политическая демократія и хозяйственное laissez passer сочетаются въ либеральной догмѣ въ одно стройное цѣлое. Но когда пожелали доказать ея истину, должны были обратиться къ Робинзону, чтобы на его примѣрѣ изобразить не бывшее, но сущее, дѣйствительное и вмѣстѣ отвлеченное. То добрый дикарь, вышедшій изъ лѣсовъ для заключенія общественнаго договора, то краснокожій гуронъ, являющій примѣръ здоро-

ваго нормальнаго человѣка, то испорченный бѣлый, сбросившій цивилизацію на необитаемомъ островѣ, таковы идеалы, которые демонстрировали старому міру новую правду предустановленной игры человѣческихъ способностей и силъ. И экономисты фритредерства закончили поэму либерализма апоѳеозомъ свободной конкурренціи, механически приносящей счастье. И юристы естественнаго права облекли человѣческія потребности въ желѣзныя латы неприкосновенныхъ правъ, составили хартію свободы, поставили государство на стражу возлѣ купеческаго прилавка, мѣняльнаго стола и кассы промышленника. Государство стало будочникомъ и палачемъ. Водворился правовой и конституціонный строй, на небесахъ исторіи зажглась новая фантазма: «народа-царя, народа-суверена».

Надо ли говорить, что идеологія здѣсь была только фикціей, которая меньше всего могла претендовать на полное реальное воплощеніе. Эта фантазма легла въ основу науки конституціоннаго права. Съ какой серіозностью повторяются здѣсь либеральные шаблоны, въ какую систему выливаются иллюзіи современнаго государства, какая вѣра звучитъ въ этихъ гимнахъ несуществующей свободѣ, фиктивной демократіи, вѣчно нарушаемымъ и попираемымъ правамъ. Пусть жалокъ міръ, но прекрасна фантазма конституціонализма! Пусть стонутъ массы подъ гнетомъ эксплоатаціи и непосильнаго труда, на небесахъ теоріи красуется образъ свободнаго гражданина, подчиненнаго только самому себѣ. Горе побѣжденнымъ—vae victis—огненными буквами просвѣчиваетъ сквозь лучезарныя облака либерализма, и со стономъ отворачивается отъ либеральной свободы голодомъ прикованный къ станку работникъ.

. . . .

Три правды попробовали мы набросать, четвертую мы пока оставляемъ въ сторонѣ: идеологіи соціализма мы посвятимъ отдѣльный очеркъ. Но для нѣкоторыхъ

замѣчаній достаточны и тѣ три типа идеологіи, которые мы намѣтили. И прежде всего надо отмѣтить, что характерны для каждаго типа не одни политическіе выводы или соціальныя программы, но и методъ, которымъ идетъ соціальная мысль.

Дѣйствительно, мистическій методъ одинаково можетъ быть примѣненъ и къ богу и къ церкви, и къ свѣтскому государству. Типичнымъ для фантазмы, построенной этимъ путемъ является порабощеніе человѣка неизвѣстной таинственной силой. Но сила эта способна вызывать благоговѣніе и любовь, преданность и самоотверженіе. Идолъ, хоругвь, знамя, гербъ для дѣла все равно. За символомъ грозное и милосердное существо и ему служатъ. Мистикѣ необходимо присущъ богъ, но не всякій богъ есть религіозный, богомъ можетъ быть человѣкъ, звѣрь, духовный организмъ, партія, племя, отечество, но нужно, чтобъ отношеніе къ нимъ было мистическимъ, чтобы человѣкъ терялъ себя и ощущалъ себя лишь частью святыни. Возможно обожествить порядокъ рабства, демократію, соціализмъ, но мистикъ всегда рабъ своей идеи, и часто подобное рабство устанавливается искусственно.

Методъ аристократизма есть эстетическій. Человѣкъ воспринимаетъ прекрасное и подчиняется ему; онъ слѣдуетъ ритму, гармоніи, порядку. Здѣсь нѣтъ той яркости одного властнаго центра; нѣтъ фанатичнаго сліянія съ единымъ. И личность какъ бы она ни была конкретно порабощена, видитъ себя рядомъ съ высшимъ и лучшимъ въ общей картинѣ и утѣшается этимъ. Въ мистикѣ награда безсмертіе, второе рожденіе, преображеніе и небесное царство. Въ эстетикѣ впервые оживаетъ міръ, какъ цѣлостное и прекрасное, но вмѣстѣ реальное и земное. Чувство любви результатъ наслажденія, и въ цвѣта милосердія, жалости, нѣжной интимности окрашивается здѣсь соціальная среда. И самыя жестокія мѣры, самый безчеловѣчный гнетъ практикуется подъ кровомъ всеобщаго

порядка, всепроникающей любви. Художественно завершается соціальный строй іерархіей, и каждый, кто повинуется, повинуется лучшему, и каждый, кто повелѣваетъ, властвуетъ надъ худшимъ.

Методъ либерализма есть методъ метафизическій. Онъ не можетъ быть названъ научнымъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова. Это раціонализмъ догмы и юридической схоластики. Здѣсь человѣкъ уже мыслится свободнымъ. Субъектъ права совпадаетъ съ живымъ индивидомъ и дѣлаетъ его личностью. Создается фикція свободной воли, а потребности превращаются въ права; но нигдѣ этотъ методъ не касается земли. Методъ нормальнаго отрицаетъ ненормальное, презираетъ уродство. Но этимъ спасается возможность договора, который заключаетъ по доброй волѣ нормальный человѣкъ. Что до того, что въ дѣйствительности все происходитъ иначе! Однако власть благодаря фикціи получаетъ сознательный и свободный характеръ. Подчиненіе ей основано на согласіи подчиненнаго; съ государства снимается всякій мистическій ореолъ и эстетическая романтика. Простая сдѣлка ложится въ основу государственнаго величества и отвлеченный гражданинъ замѣняетъ собой сына отечества и раба мистической фантазмы.

Но не надо думать, что мистика однозначна съ религіей, эстетика присуща политикѣ, а метафизика праву. Въ религіи можетъ дѣйствовать методъ раціоналистическій, а договорныя отношенія съ богомъ дѣло очень стараго преданія. Въ этомъ смыслѣ древній Израиль непосредственный предшественникъ Локка и Руссо, точно также на договорѣ можетъ обосновываться не только монархія, но и аристократія. Примѣръ тому ученіе тиранноборцевъ-монархомаховъ. У Гоббеса раціоналистическій методъ при помощи договора обосновываетъ абсолютизмъ. И наоборотъ, мистика можетъ играть громадную роль въ политикѣ и экономикѣ, при чемъ при ея

помощи могутъ создаваться самыя различнѣйшія вещи. Развѣ не мистика знаменовала подъемъ французской революціи съ ея новой троицей свободы, равенства и братства? Развѣ не богъ ветхаго завѣта благословилъ англійскую и американскую демократію, послалъ за море своихъ служителей въ поискахъ истиннаго царства святыхъ? И развѣ можно отрицать мистическій моментъ средневѣкового коммунизма или новѣйшихъ американскихъ колоній подъ знаменемъ соціалистической утопіи? Само собою разумѣется, что методъ эстетическаго построенія фантазмы въ одинаковой степени примѣнимъ и къ спартанской идеологіи, и къ рыцарству среднихъ вѣковъ, и къ «сословіямъ» протестантской церкви, и къ современному представительству. Гдѣ лучшіе—тамъ и соціальная эстетика.

Мы можемъ впрочемъ пойти еще далѣе; мы можемъ утверждать совершенно положительно, что тѣ фантазмы, которыя получаютъ реальное значеніе въ жизни и являются идейной, организаціонной стороной общественной жизни, онѣ строются всегда при помощи нѣсколькихъ методовъ сразу и такимъ образомъ заключаютъ въ себѣ моменты не только соціальной мистики, но эстетики, и нормативной логики. Остановимся на любомъ примѣрѣ: возьмемъ систему полицейскаго или правового государства въ томъ видѣ, какъ эти идеи послужили реальнымъ моментомъ организаціи новаго и новѣйшаго общества.

Полицейское государство несомнѣнно имѣло свою мистику: это—обожествленіе государственной власти. На алтарь государства въ видѣ великаго божества приносились многочисленныя жертвы. И богъ былъ единымъ, хоть различны его чудотворные образы. Священный вѣнецъ прикрывалъ главу на одной иконѣ святой царицы націи, на другой святого мученика отечества, на третьей благочестивой подвижницы - республики. Только отверженные не кланялись этимъ богамъ, не курили имъ ѳиміама.

И рядомъ съ мистикой «государственности» создавалось зданіе бюрократической эстетики, гдѣ наслѣдственные крѣпостники облекались въ званіе пастырей и учителей и на правахъ голубой крови сѣкли простой народъ. Компромиссъ между мистикомъ и эстетикой былъ въ идеѣ государственнаго помазанія, при чемъ мазались на владѣнія крещенной собственностью только благородные. Но и метафизика не оставалась безъ дѣла. Божественное царство она дополняла вульгарной казной, а послѣдняя заключала съ обывателемъ сдѣлки, снизойдя на уровень частнаго субъекта или «приватнаго человѣка». И съ казны можно было судомъ требовать протори и убытки и даже чиновники по контракту могли съ фиска искать свое жалованье. Противорѣчіе между мистикой и правовой метафизикой полнѣйшее. Однако это не мѣшало благополучному существованію полицейскаго государства.

И положительный вѣкъ техники и точной науки упорно держится за государственную мистику и романтику, продолжаетъ плести великую сѣть юридическихъ абстракцій. Обожествляется то личность, то духовный организмъ государства. Съ высотъ государственной тайны гремитъ народная воля, внизу рождается церковь едино-спасающаго патріотизма. Въ народномъ представительствѣ создается цѣлая поэма выборной доблести и депутатской мудрости, на арену выступаютъ «законодатели», и рѣшеніе ихъ благоговѣйно и безпрекословно воспринимается массой. Исторія парламентаризма становится эпосомъ; кабинетная система даетъ настоящую аристократію, и ея авторитетъ превышаетъ власть абсолютнѣйшихъ государей. И въ то же время связываетъ юридистика и мистическій центръ суверенитета и аристократію парламентаризма и даетъ систему фикцій, гдѣ таинственная власть вступаетъ въ договоръ со своими носителями и каждый человѣкъ получаетъ не одну, а по крайней мѣрѣ 10 личностей, подданнаго и гражданина, земскаго избирателя и законода-

теля, депутата и министра и т. п. Адамъ становится Евгеніемъ, послѣдній превращается въ человѣка природы, отвлеченнаго и свободнаго Робинзона.

Своеобразную роль играетъ каждый методъ соціальнаго сознанія въ исторіи человѣчества. Мистика есть организаціонный методъ единства; эстетика освѣщаетъ начала іерархіи, метафизика обосновываетъ общественную атомистику или индивидуализмъ. Въ дѣйствующихъ политическихъ фантазмахъ всѣ три метода играютъ дѣятельную роль, но замѣчательная вещь, каждый методъ съ соотвѣтственной тенденціей къ опредѣленнымъ выводамъ, къ построенію чистой системы, законченный логически, присущъ какъ разъ опредѣленному классу общества въ его исторически обусловленномъ положеніи. Каждый методъ даетъ свою правду, и каждая правда въ чистомъ видѣ рождается въ опредѣленномъ классѣ. Крестьянство въ подавляющихъ своихъ массахъ какъ историческій факторъ мыслитъ почти исключительно мистически. Задача историка соціальной философіи опровергнуть или подтвердить это положеніе. И если соціальная мистика крестьянства воспринимается не только иными классами, то такъ же и обще-классовой организаціонной фантазмой и въ силу этого и фантазмой государства, то роль соціальнаго творчества крестьянъ отъ этого не уменьшается. Разъ созданный методъ соціальной мистики можетъ быть сдѣланъ потомъ формой для любого содержанія, но характеръ метода и его тенденціи отъ этого не измѣняются. Но лишь въ одномъ крестьянствѣ и родственной ему средѣ, въ однихъ условіяхъ натуральнаго хозяйства коренится психика, дающая соціально мистическій эффектъ. Ее создаетъ безпомощность и темнота, бѣдность и отчаяніе. Крестьянину нужна мистика, потому что безъ нея онъ не могъ бы жить: его задавила бы безнадежность и безсмысленность его существованія. Мистика есть компромиссъ между ужасомъ дѣйствительности и необходимостью жить. Невозможность земного

рая требуетъ царства небеснаго. Вотъ почему «должна быть поддержана религія въ нашемъ добромъ народѣ».

И тотъ, кто пользуется для себя чужимъ трудомъ, кто эксплоатируетъ рабскія и крѣпостническія руки, онъ тоже долженъ найти идеологію, оправдывающую всякую частновладѣльческую власть и рабство и крѣпостничество. Соціальная мистика не можетъ дать полнаго оправданія. Въ богѣ законъ капризный и потусторонній; отъ бога идутъ не только жрецы, но и пророки, чудо искупленія и страшнаго суда не можетъ быть моментомъ твердаго порядка. Отъ служенія бога-ради недалеко до бунта божескимъ именемъ. Послушаніе должно быть не бога-ради, а ради господина. Самъ баринъ долженъ быть земнымъ божкомъ, только тогда его власть крѣпка и нерушима. Но для этого лучшій способъ—художественный ореолъ, соціальная романтика, идеализація доблести, мудрости, благородства. Мистика стремится къ единству, но господъ много, разные боги сливаются въ одно, вездѣсущее, всемогущее существо; но господа разные и каждый господинъ, какъ онъ есть, долженъ быть любимымъ и обожаемымъ. Эстетика смѣняетъ мистику, поэзія идеализуетъ господъ, какъ они есть. Землевладѣніе есть родина соціальной эстетики.

Купецъ, промышленникъ, ростовщикъ нуждаются въ рынкѣ и покупателѣ, въ рабочемъ и потребителѣ, въ кредитѣ и должникѣ. Коммерческая сдѣлка даетъ имъ власть надъ чужимъ трудомъ, но они не нуждаются во всемъ человѣкѣ, имъ нужны однѣ руки, не полный хозяйственный человѣкъ, а производитель и не дальше. И вотъ изъ человѣка создается индивидъ, изъ моральнаго существа выкраивается юридическая личность. Рождается естественный отвлеченный субъектъ, а этотъ искусственный фантомъ въ свою очередь объявляется свободнымъ. И это необходимо: нужна фикція свободной борьбы, дабы оправдать грабежъ. Нужно придумать бѣгъ въ запуски для того, чтобъ связаннаго и неподвижнаго на законномъ

основанiи поработить. Власть капитала исключительно безсмысленна и безчеловѣчна, т. к. это власть силы, лишенной всякаго нравственнаго мотива. И слабый провозглашается сильнымъ, и борьба превозносится въ культъ, а механика жизни сама должна произнести надъ осужденнымъ приговоръ. Законы природы освящаютъ гибель слабаго, задушеннаго процентомъ, капиталомъ, рублемъ. Спекуляцiя и математика должны быть методомъ класса, гдѣ номеромъ замѣненъ человѣкъ. Метафизическiй методъ долженъ создать соцiальную механику, ея родина—классъ бюргеровъ, промышленниковъ и торгашей.

Будучи результатомъ классовой психики, методы построенiя соцiальныхъ идей остаются присущими классамъ на всемъ протяженiи намъ извѣстной исторiи. Классы выступаютъ со своей идеологiей и, пока есть классовый порядокъ, ихъ фантазмы строятся по тѣмъ же самымъ типамъ. Но нельзя не замѣтить, что, когда классъ выходитъ на сцену исторiи, какъ представитель общества, и создаетъ тотъ или иной порядокъ классовой организацiи онъ, идя на компромиссъ съ другими классами, создаетъ и соотвѣтственную общую, нацiональную, государственную и тому подобную идеологiю. Гдѣ имѣется наслоенiе классовъ на опредѣленной почвѣ хозяйственныхъ условiй, тамъ мы находимъ и сложную идеологiю, образчики которой мы видѣли выше. Здѣсь всѣ методы соцiальной мистики, эстетики и метафизики идутъ въ дѣло, и создается идея, въ одномъ планѣ объединяющая ихъ всѣхъ.

Но замѣчательная вещь: съ развитiемъ хозяйственныхъ условiй и соцiальной среды, съ переходомъ отъ формъ натуральнаго хозяйства къ высшимъ способамъ производства и обмѣна, съ модификацiей классовъ и ихъ отношенiй замѣчается безспорный прогрессъ и въ содержанiи сложныхъ общественныхъ фантазмъ. Мистика теряетъ характеръ чудовищнаго и фантастичнаго, прiобрѣтаетъ болѣе тонкiй духовный характеръ, становится все больше по-

нятной, разумной, земною. И по мѣрѣ того, какъ къ ея помощи прибѣгаетъ государственность болѣе совершеннаго типа, отпадаютъ прежнія деспотическія и грозныя идеи, исчезаетъ необходимость жестокаго и слѣпого гипноза, уничтожавшаго въ конецъ человѣка. Съ гибелью стадности, преобразуется мистическая фантазма. Символика становится все мягче, потребность чуда все меньше, соціальное единство все шире, и человѣчность также смѣняетъ божество, какъ машина—чудо.

И въ политикѣ какъ въ религіи мистика переживаетъ одинъ и тотъ же процессъ: отъ грубаго фетишизма она переходитъ къ многобожію, пока въ національномъ богѣ не сливается республика боговъ. Культъ звѣрю замѣняется молитвою человѣко-богамъ, пока послѣдніе не вырастаютъ въ императора-бога. Святой градъ смѣняется обожествленной націей; боги подымаются выше и крылья ихъ прозрачнѣй, все большее пространство осѣняютъ они собой. Появляется вселенское государство и все дальше и дальше раздвигаетъ предѣлы. Нѣмецъ, англичанинъ, французъ становятся европейцемъ, европеецъ, африканецъ, азіатъ объединяются предъ алтаремъ культуры. За международностью слѣдуетъ панполитизмъ, за нею пангуманизмъ. Это—пантеизмъ соціальной мистики.

Намѣченный здѣсь процессъ мы не можемъ развить сейчасъ съ надлежащею полнотой. Гипотезу надо провѣрить на исторіи политическаго быта. Но здѣсь же не можемъ не отмѣтить и другого процесса. Содержаніе соціальной эстетики также развивается и даетъ прогрессивный ходъ. Аристократія тѣла смѣняется привилегіей духа; возрастъ уступаетъ мѣсто знанію; традицію и рутину разбиваетъ талантъ. Прямой линіи прогресса здѣсь нѣтъ также какъ и въ развитіи другихъ идеологій; но въ общемъ соціальная романтика утончается и становится сложнѣе. И здѣсь властный характеръ соціальныхъ образовъ становится мягче; на мѣсто одного критерія прихо-

дитъ ихъ сложная гамма, а тотъ, кто повиновался прежде одному звуку рожка, данному господиномъ, теперь вокругъ себя слышитъ массу призывовъ со всѣхъ сторонъ, а благородство, честь, знаніе и талантъ окружаютъ его массой основанныхъ на эстетикѣ императивовъ. Нельзя не замѣтить, что съ многообразіемъ всякихъ аристократій самая власть ихъ становится все короче, и чѣмъ сильнѣе властвованіе того или иного «лучшаго», тѣмъ оно короче, тѣмъ больше лишено внѣшней принудительности. Самая интенсивная власть художника-музыканта порабощаетъ человѣка только на нѣсколько часовъ.

Метафизическая идеологія даетъ по мѣрѣ развитія аналогичный эстетическимъ фантазмамъ процессъ. Уродливая абстракція однобокаго индивида все сходитъ съ отвлеченныхъ высотъ и приближается къ конкретному живому существу. Изолированный Робинзонъ становится общественнымъ животнымъ. Механика страстей и естественныхъ правъ становится сложнѣе, безгрѣшная ариѳметика раціонализма готовитъ почву для теоріи. И въ то же время теряетъ жесткость критерій нормальнаго и ненормальнаго, сильнаго и слабаго, здороваго и больного. И тѣ, кто еще недавно во имя природы осуждались на смерть, получаютъ разрѣшеніе быть равноправными людьми. За демократіей собственности и капитала, чувствуется демократія обездоленныхъ. И это немудрено, борьба съ природой все больше прогрессируетъ, становится общимъ дѣломъ организованныхъ массъ; отвѣтственность за уродство, лежавшее прежде на индивидѣ, переносится на среду, на условія борьбы со стихіей. Равенство оказывается необходимымъ для того, чтобъ свобода борьбы не стала свободой уничтоженія. На горизонтѣ виднѣется идеологія соціализма.

Но не только въ отдѣльной идеологіи общественныхъ группъ можно отмѣтить прогрессивное развитіе. Прогрессируетъ не только содержаніе классовыхъ фантазмъ, такой же прогрессъ можемъ мы отмѣтить въ сложныхъ го-

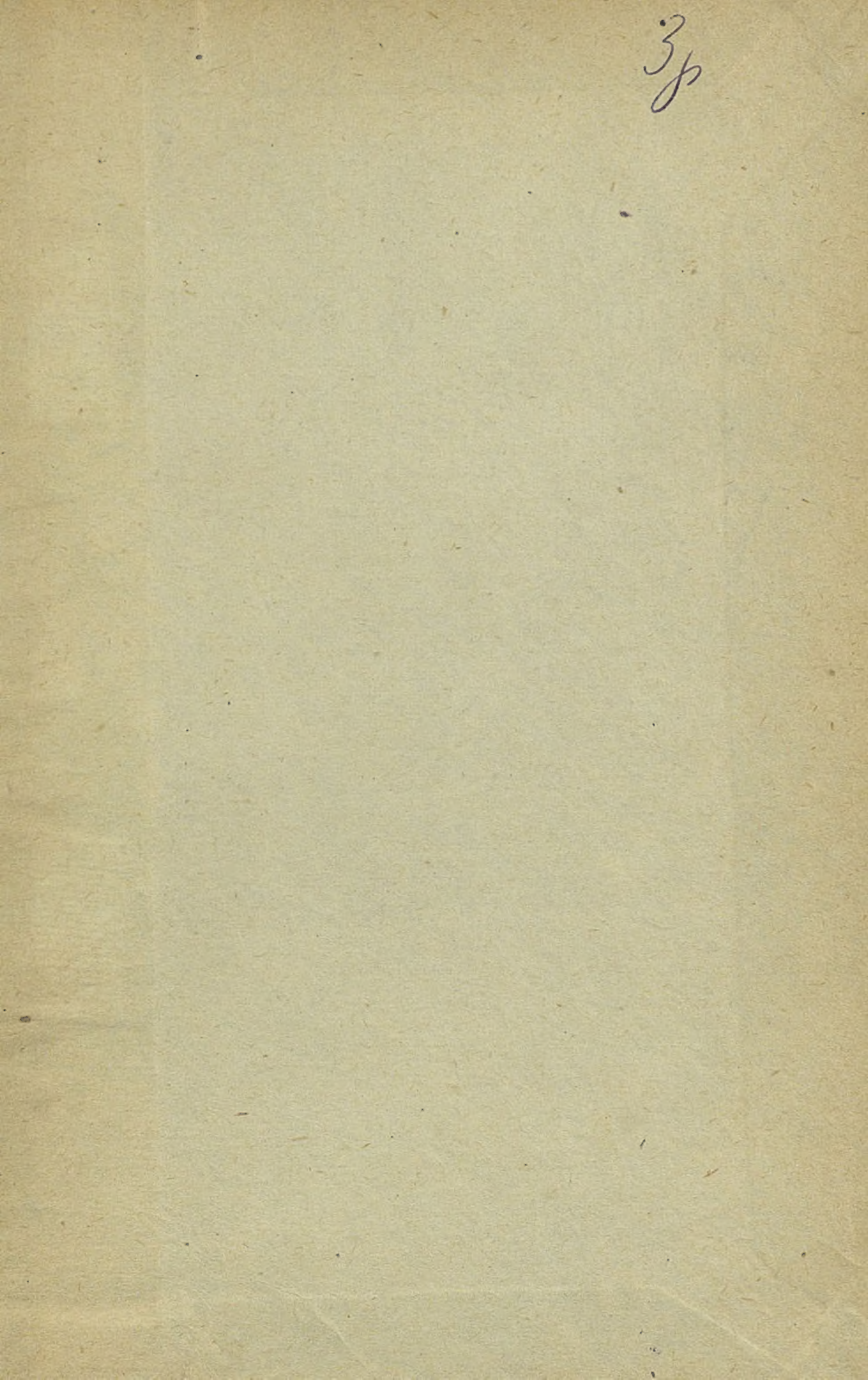
сударственныхъ обще-классовыхъ фантазмахъ. Исторія человѣчества начинаетъ съ господства мистическаго метода, при чемъ послѣдній является формой сознанія и для тѣхъ классовъ, которымъ свойственъ и присущъ совершенно иной методъ общественнаго сознанія. Можно сказать, что въ такихъ обществахъ идея аристократіи и демократіи выражаются языкомъ мистики и въ ней находятъ авторитетъ своихъ нормъ и законовъ. Мистическій методъ по самому существу исключаетъ всякій другой. Наоборотъ, господство начала аристократическаго съ его соціальной романтикой, разрушая исключительность мистическихъ фантазмъ, въ то же самое время идетъ съ ними въ компромиссъ, и общество аристократіи уже состоитъ не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ, по крайней мѣрѣ двухъ цѣлыхъ, при чемъ, при общемъ господствѣ соціальной эстетики мистика продолжаетъ существовать въ своей спеціальной области. Романтика феодализма нисколько не исключаетъ мистики крестьянства. И когда господства добивается третій классъ и свой методъ дѣлаетъ формой построенія обще-государственной фантазмы, аристократическая идеологія, лишаясь первенства, тѣмъ не менѣе продолжаетъ существовать, хотя опять таки дѣлаетъ уступку и замыкается въ сферѣ опредѣленнаго класса. Такъ въ концѣ своего развитія классовое государство вырабатываетъ фантазму не простую, а сложную, при чемъ по крайней мѣрѣ три идеологіи вносятъ свои элементы въ обще-государственную фантазму и въ то же время сохраняютъ свою классовую правду въ границахъ тѣсной классовой или сословной среды. Государственная идеологія современнаго государства представляетъ, такимъ образомъ, три вершины отдѣльныхъ классовыхъ идеологій, объятыя на верху методомъ и фантазмами господствующаго класса.

Единство и послѣдовательность такой обще-государственной идеологіи болѣе чѣмъ сомнительны. Логика мо-

жетъ примирить ея элементы лишь исторически. Каждый классъ имѣетъ свою правду и каждая правда отрицаетъ другую. Только новыя формы производства и обмѣна, только новая побѣда того или другого класса доставляетъ его фантазмамъ внѣшнее господство, а важнѣйшія черты идеологіи побѣжденныхъ находятъ себѣ признаніе въ языкѣ побѣдителей. Такъ открывается новое противорѣчіе, и между идеологіей обще-государственнаго компромисса и сознаніемъ отдѣльныхъ классовъ возникаетъ новая борьба. Классъ противъ класса, правда противъ правды, общество противъ государства. И въ этомъ мірѣ взаимно другъ друга отрицающихъ истинъ, нѣтъ ни одной истины истинной для всѣхъ, ни одной справедливости для всѣхъ справедливой. Міръ идеологіи и фантазмъ есть царство логической нелѣпости и неправды. Общество, построенное на классовой борьбѣ, есть общество логическаго противорѣчія. Только съ гибелью классовъ родится правда, объединяющая всѣхъ.

Эта правда—въ положительной наукѣ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

3р

